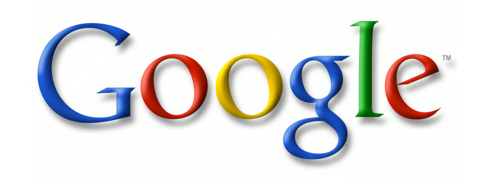

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

ИЗДАНІЕ НИЖЕГОРОДСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОМИССІИ.

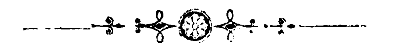
СБОРНИКЪ

ВЪ ПАМЯТЬ

Александра Серафимовича Гацискаго

I.—Автобіографія А. С. Гацискаго. Изъ исторіи областной печати, В. Г. Короленко. Воспоминаніе объ А. С. Гацискомъ, Н. Я. Агафонова. Земская дѣятельность А. С. Гацискаго и его взгляды на задачи земства, А. А. Савельева.
II.—Въ вотчинѣ кн. Пожарскаго. Посмертный трудъ А. С. Гацискаго.
III.—Описаніе его тридцатилѣтняго литературнаго юбилея.

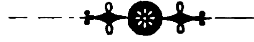
Съ приложеніемъ портрета и списка сочиненій.

Нижній-Новгородъ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1897.

Печатано съ разрѣшенія Нижегородской ученой архивной комиссіи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1838. — 1893.

Высоко цѣня Александра Серафимовича Гацискаго, какъ мѣстнаго общественнаго дѣятеля, какъ изслѣдователя мѣстной старины и современнаго экономическаго состоянія Нижегородскаго края, какъ литератора, поборника развитія провинціальной печати, Нижегородская ученая архивная комиссія, всецѣло обязанная ему своимъ основаніемъ и развитіемъ, уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, а именно 22 октября 1891 года постановила напечатать въ своихъ изданіяхъ описаніе тридцатилѣтняго юбилея его литературной дѣятельности, съ приложеніемъ портрета юбиляра *). Это описаніе, въ которое вошли и біографическія свѣдѣнія, тогда же и было составлено, по порученію комиссіи, однимъ изъ ея членовъ, но въ печати не появилось, такъ какъ покойный не счелъ удобнымъ напечатать его при своей жизни. По смерти Александра Серафимовича, послѣдовавшей 27 апрѣля 1893 года, желаніе почтить его память нѣсколько видоизмѣнилось и расширилось: въ соединенномъ засѣданіи архивной комиссіи и статистическаго комитета рѣшено было издать въ память Александра Серафимовича сборникъ статей историческаго и этнографическаго характера, съ приложеніемъ также его біографіи и портрета. Этотъ планъ потомъ еще нѣсколько расширился, такъ какъ въ распоряженіе архивной комиссіи отъ наслѣдницы Александра Серафимовича, О. А. Александровой, поступилъ его посмертный трудъ подъ названіемъ „Въ вотчинѣ князя Пожарскаго“, а нижегородское губернское земское собраніе въ засѣданіи 16 декабря 1893 года, „въ виду понесенной земствомъ утраты въ лицѣ Александра Серафимовича, бывшаго много лѣтъ гласнымъ губернскаго земскаго собранія и нѣкоторое время членомъ и предсѣдателемъ губернской Управы“, постановило ассигновать 500 руб. въ память покойнаго въ распоряженіе

*) Литературный юбилей А. С. Гацискаго праздновался въ Н.-Новгородѣ 3 іюля 1889 г.

учрежденной имъ архивной комиссіи для напечатанія его трудовъ. Вслѣдствіе того для архивной комиссіи явилась возможность не только осуществить свое прежнее желаніе, но издать также и его посмертный трудъ.

Написанная самимъ Александромъ Серафимовичемъ въ шуточной формѣ автобіографія, конечно, не можетъ съ достаточной полнотой охарактеризовать его личность, а помѣщенныя въ этомъ изданіи біографическія свѣдѣнія далеко не исчерпываютъ всего имѣющагося въ настоящее время фактическаго матеріала относительно его жизни и дѣятельности По разнымъ обстоятельствамъ пока не представляется еще возможнымъ охарактеризовать дѣятельность Александра Серафимовича по городскому общественному управленію, его участіе, какъ предсѣдателя санитарной комиссіи, въ борьбѣ съ холерной эпидеміей, дѣятельность во время голода и проч.; вслѣдствіе того и большая часть оставшихся послѣ его смерти записокъ и разныхъ замѣтокъ по тѣмъ или другимъ причинамъ остается необработанной. Что же касается изданія въ память А. С. Гацискаго сборника имѣющихся въ распоряженіи статистическаго комитета и архивной комиссіи статей этнографическаго и историческаго характера, посвященныхъ его памяти, то оно, вѣроятно, послѣдуетъ въ непродолжительномъ времени.

ВАЖНѢЙШІЯ ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ:

	Напечатано:	*Слѣдуетъ читать:*
Отд. I стр. 30, снизу 1 стр.	Сигизмундомъ I.	Сигизмундомъ III.
Отд. III стр. 47, снизу 3 стр.	1891 года.	1890 года.

Краткая некрологія

нѣкоего благонамѣреннаго литератора

старца Александра

СОЧИНЕННАЯ

имъ самимъ на всерадостный для него день 3 іюля, случившійся наканунѣ пріѣзда въ Нижній-Новгородъ (4 іюля 1889 г.) принца Генриха Орлеанскаго.*)

Въ лѣто отъ сотворенія міра 7346-е, отъ Рождества Господа нашего Іисуса Христа 1838-е, а по инымъ—подобно дерзновенному доктору Джемсу Пирсону, члену Королевскаго астрономическаго общества въ Лондонѣ—1841-е, въ годъ выхода въ свѣтъ перваго номера перваго Нижегородскаго періодическаго изданія—„Ниж. Губ. Вѣдомостей"—въ годъ начала производства въ Нижнемъ Новѣ градѣ метеорологическихъ наблюденій, въ годъ (7138) составленія Писцовой книги Нижняго Новаграда, въ годъ открытія въ Казани астрономической обсерваторіи, словомъ, въ эпоху всѣхъ историческихъ, какъ отечественныхъ, такъ и иноземныхъ событій, случившихся въ 1838 году и ровно черезъ 600 лѣтъ послѣ битвы на рѣкѣ Сити (1238), Маія 30 дня, на память преподобнаго Исаакія, игумена далматскаго, въ день рожденія Государя Императора Петра Великаго, въ день празднованія Его Величествомъ этого событія въ Нижнемъ Новѣ градѣ (30 Мая 1722 года), въ день, какъ полагаютъ иные писатели духовнаго чину, рожденія Св. Благов. Великаго Князя Александра Невскаго (30 Мая 1220 года), въ день учрежденія (30 Мая 1088 года) университета въ Италійскомъ городѣ Болоньѣ, въ день рожденія собственной своей матери Генріетты (30 Мая 1813 года), въ день, наконецъ, бракосочетанія (30 Мая 1819 года) инфанта Испанскаго Дона Франциска де Пауле съ Неаполитанскою Принцесою Шарлотою, родился въ бывшемъ стольномъ градѣ князей Рязанскихъ, отъѣхав-

*) Составленная А. С. Гацискимъ въ шуточной формѣ автобіографія была прочитана имъ на обѣдѣ, который давали въ честь его представители интеллигенціи въ Нижнемъ-Новгородѣ въ день юбилея его тридцатилѣтней литературной дѣятельности, 3 іюля 1889 г.

шихъ, не солоно хлѣбавши, отъ Св Благ. Великаго Князя Георгія Всеволодовича, основателя Нижняго Нова града,—нѣкій младенецъ мужскаго пола, нареченный въ Св. крещеніи именемъ Александра, какъ гласитъ семейное преданіе—въ честь посѣтившаго градъ Рязань 24 Августа 1837 года бывшаго въ тѣ времена Наслѣдникомъ Всероссійскаго Престола. въ Бозѣ почившаго Императора Александра Николаевича всея Россіи*). Родителями сего Александра были праведные Серафимъ и Генріетта. Праведный Серафимъ, родившійся 14 Ноября (1803 года), въ день кончины Св. Благ. Вел. Князя Александра Невскаго, въ 1263 году. въ Городцѣ, происходилъ отъ древняго корени Дахновичей, принявшихъ фамилію Гацискихъ отъ пожалованнаго Григорію Дахновичу королемъ Польскимъ Жигмонтомъ III, за какія то заслуги при осадѣ Смоленска (уповательно-пакостныя для Россійской Державы)—имѣнія Гатцищи, почему и въ гербѣ Дахновича-Гацискаго къ лиліи ему разрѣшено было прибавить изображеніе 3 бревешекъ отъ *гати*, давшей названіе Гатцищамъ. Праведная Генріетта происходила отъ французскаго корени, ибо дѣдъ ея былъ. ... французскій эмигрантъ,

Породу знатную имѣлъ онъ и талантъ,

но всѣ таланты свои похоронилъ онъ въ пріобрѣтенномъ имъ, за нѣсколько франковъ, паспортѣ чеха Свободы. Такъ подъ именемъ Свободы и почилъ сей эмигрантъ въ г. Ревелѣ, никому не открывъ своего настоящаго наименованія. Первые годы своего житія младенецъ Александръ провелъ подъ многоразличнымъ воздѣйствіемъ нѣсколькихъ національныхъ теченій: польскаго (отъ родителя), французско-ревельскаго (отъ родительницы), французско-швейцарскаго (отъ воспитателя m-r Jacot) и чисто россійскаго (отъ няньки Аграфены Кирилловны Орѣховой), и такимъ образомъ въ нѣкоторой степени самимъ рокомъ былъ подготовленъ къ дальнѣйшему произрастанію на почвѣ изъ смѣси французскаго съ нижегородскимъ. на каковую почву и былъ перенесенъ родителями своими въ 1847 году Ноября 10-го, о чемъ тогда же обнародовано было, для свѣдѣнія читающей публики, Павломъ Ивановичемъ Мельниковымъ въ № 71 „Ниж. Губ. Вѣдомостей“ отъ 15 Ноября 1847 года, въ отдѣлѣ, озаглавленномъ: „О пріѣхавшихъ и выѣхавшихъ съ 8 по 12 Ноября“.

По довольномъ въ праздности препровожденіи времени и по венгерскомъ замиреніи, отданъ былъ отрокъ Александръ, въ 1849 году, въ обученіе наукамъ въ храмину, и по сіе время на благовѣщенскомъ форумѣ стоящую, гимназіей именуемую, въ которой и произошелъ всѣ положенныя по штату науки въ теченіе 1849—1855 годовъ — и по окончаніи севастопольской компаніи, устремился въ татарскую столицу Казань—въ высшій храмъ наукъ, университетомъ нарицаемый. Въономъ высшемъ храмѣ наукъ юноша Александръ однако, по слабости характера и подъ пагубнымъ вліяніемъ порочныхъ товарищеи своихъ, изъ коихъ нѣкій Рубинскій Василій донынѣ

*) Избранный 50 лѣтъ спустя послѣ своего рожденія членомъ Рязанской Губернской Архивной Коммиссіи, старецъ Александръ такимъ образомъ доказывалъ, что и въ своемъ отечествѣ пророки бываютъ.

оплакиваетъ свои казанскія заблужденія на постѣ Лукояновскаго уѣзднаго исправника, предался, въ недозволенныхъ благоразуміемъ предѣлахъ, страсти къ веселію душевному; но узрѣвъ, наконецъ, возможность крайней погибели своей, бѣжалъ въ градъ Санктъ-Петербургъ, гдѣ вскорѣ сойдясь съ дерзновеннымъ литераторомъ Василіемъ Курочкинымъ, рѣшился предать печатному тисненію, на потѣху пренумерантовъ „Искры", произведеніе свое, ложно направленное на осмѣяніе едва-ли не всей отечественной гвардіи. Съ той поры—съ 3 іюля 1859 года, когда появился въ свѣтъ № 25 „Искры", (ровно за 30 лѣтъ до дня закрытія сессіи обѣихъ французскихъ палатъ—3 іюля 1889 года) въ теченіе полныхъ 30 лѣтъ, т. е. вплоть до 700-лѣтней годовщины рожденія основателя Нижняго Нова града Св. Благ. Великаго Князя Георгія Всеволодовича и 100-лѣтней годовщины, столь неодобряемой журналомъ „Нива" (№ 22), такъ называемой Французской революціи, изрыгнувшей въ г. Ревель одного изъ предковъ старца Александра, предается онъ сей пагубной страсти, которая была бы и пагубнѣе, если бы не укоренившіяся въ немъ, едва-ли не отъ самаго дня рожденія, начала благонамѣренности. Къ уясненію сей-то благонамѣренности, какъ основной чертѣ субстанцій старца Александра, и приступаю.

Вернувшись, по окончаніи вкушеній отъ древа науки, подъ кровъ родительскій, въ 1861 году, въ годъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, и поступивъ на службу государственную 16 октября того-же года, въ единый изъ тѣхъ дней октябрьскихъ, въ которые безсмертный гражданинъ Козьма Мининъ призывалъ нижегородцевъ закладывать женъ и дочерей въ 1611 году, въ день плачевной кончины (16 октября 1793 г.) на Плахѣ, гильотиной называемой, ея Величества Королевы Маріи Антуанетты, нынѣ старецъ Александръ, оставляемый благоразуміемъ лишь въ годы веселія душевнаго, позналъ тщету сатирическаго и вообще беллетристическаго своего писанія, увидавъ, что до-соименнаго ему поэта Пушкина ему далеко, несмотря на то, что родился онъ на другой годъ послѣ кончины Александра Сергѣевича, какъ бы преемникомъ ему, и потому рѣшилъ посвятить всѣ имѣющіеся у него таланты служенію нижегородской области, съ каковою цѣлью и ухватился зубами за предложенную ему тогдашнимъ Градоправителемъ Генералъ-Лейтенантомъ, нынѣ въ Бозѣ почивающимъ, Его Превосходительствомъ Алексѣемъ Алексѣевичемъ Одинцовымъ редакцію „Ниж. Губ. Вѣдомостей", коихъ редакторомъ былъ съ такимъ успѣхомъ также нынѣ въ Бозѣ почивающій Его Превосходительство Пав. Ив. Мельниковъ. Это единожды навсегда принятое старцемъ Александромъ рѣшеніе, начиная съ выхода въ свѣтъ подъ его редакціей № 18 „Ниж. Губ. Вѣдомостей", случившагося въ лѣто 1862-е маія въ 5 день, въ день открытія въ 1789 году генеральныхъ штатовъ въ уѣздномъ городѣ Версали, не оставляетъ его и до сей поры, и при томъ съ нѣкоторымъ видимымъ успѣхомъ. Успѣхъ сей явственно изобличается его старца Александра, какъ выше сказано, субстанціею, замѣчающеюся во-1) въ нѣкоемъ упорствѣ своего мышленія, во-2) во всегдашнемъ стремленіи стоять на почвѣ золотой середины и въ-3) въ благонамѣренности его.

1. Упорство сего мужа ясно изъ 30-лѣтняго стучанія его въ одну и ту-же точку.

2. Стремленіе его къ золотой серединѣ ясно изъ того, что ничего необычайнаго сей мужъ не произвелъ, никогда не писывалъ ни въ „Колоколѣ", ни въ „Полярной Звѣздѣ", ниже въ „Набатѣ" или въ „Землѣ и Волѣ", никогда же не имѣлъ чести состоять сотрудникомъ „Сѣверной Пчелы", „Сѣв. Почты", ниже „Прав. Вѣстника", ни даже „Вѣстника М-ва Финансовъ", не взирая на сугубый либерализмъ извѣстнаго своимъ либерализмомъ М-ва Финансовъ; сіе же похвальное стремленіе его къ золотой серединѣ воздержало его отъ пагубнаго сообщества съ партіей террористовъ, несмотря на личное знакомство съ нѣкоторыми изъ оныхъ въ семидесятыхъ годахъ, понесшихъ уже вполнѣ заслуженное ими отъ высшаго начальства возмездіе по закону, такъ и отъ не менѣе пагубнаго панибратства съ представителемъ блаженной памяти III отдѣленія и унаслѣдовавшаго его мѣстности у цѣпного моста департамента полиціи, несмотря на то, что имѣлъ счастіе быть лично знакомымъ съ Его Превосходительствомъ Генераломъ Познанскимъ.

3. Благонамѣренность сего мужа ясна изъ того, что, разъ ставши на почву „умѣренности и аккуратности", прочно установленную еще Алексѣемъ Степановичемъ Молчалинымъ, онъ, въ предѣлахъ законности, началъ проповѣдывать областную самостоятельность, какъ въ областной литературѣ, такъ и въ областной жизни вообще, и только единожды былъ заподозрѣнъ начальствомъ въ политическомъ сепаратизмѣ съ стремленіемъ къ отдѣленію Поволжья отъ Россіи, въ чемъ однако весьма усомнился вообще не предававшійся пороку сомнѣнія тогдашній Министръ Внутр. Дѣлъ Его Высокопревосходительство Генералъ Тимашевъ.

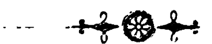
— Съ годами старецъ Александръ все болѣе и болѣе пріобрѣталъ спокойствія душевнаго, находимаго имъ въ нѣкоторой мономаніи его къ Нижегородовѣдѣнію и Нижегорододѣланію: окруживъ себя нижегородскими книгами, картинами, планами, картами, иконами, онъ чувствуетъ себя, какъ птица въ воздухѣ, рыба въ водѣ или кротъ въ норѣ; ступая по стогнамъ града и почти безошибочно опредѣляя встрѣчающихся ему на пути—угольниковъ изъ Красной Рамени, грушевниковъ изъ Сіухи, штукатуровъ изъ Бѣлгородья, столяровъ-пуреханъ изъ Жаровъ, онъ находитъ въ этомъ немалое удовольствіе; считая вообще весь Нижегородскій край своей научно-литературной вотчиной, закрѣпленной за нимъ нѣсколькими давностями спокойнаго ненарушеннаго владѣнія, изучая отдаленнѣйшія историческія эпохи во второй, послѣ-обѣденной половинѣ дня, съ тѣмъ, чтобы повторить ихъ на другой день до обѣда въ зданіи градской муниципіи, онъ былъ бы идеально счастливъ, если бы не былъ смущаемъ горькимъ сознаніемъ, что воспитанный на идеалахъ сороковыхъ годовъ и пропитанный переработаннымъ воплощеніемъ ихъ въ шестидесятыхъ, онъ никакъ не можетъ вполнѣ приноровиться къ отсутствію идеаловъ въ идеалахъ восьмидесятыхъ годовъ, утѣшаясь лишь одною надеждою, что просвѣтлѣетъ духомъ или вѣрнѣе

будетъ просвѣтленъ свыше и со стороны въ ту недалекую отъ насъ, къ нашему благополучію эпоху, когда наконецъ и Нижегородская губернія будетъ осчастливлена включеніемъ ея въ сферу воздѣйствія, но не господъ земскихъ начальниковъ За всѣ его старца Александра, добродѣтели наградой были общія похвалы, въ теченіе цѣлаго ряда десятилѣтій, со стороны всей благонамѣренно-либеральной прессы, а съ 1887 года и прессы начальственной—„Правительственнаго Вѣстника", давшаго въ № 250, отъ 19 декабря того года, вполнѣ благопріятный отзывъ о вышедшемъ тогда въ свѣтъ VII-мъ томѣ „Ниж. Сборника". Неодобрительные отзывы о своей дѣятельности старецъ Александръ заслужилъ лишь по единому разу отъ „Биржевыхъ Вѣдомостей" (1864), „Сына" (1876), виленскаго „Сельскаго Чтенія" господина С Поля (1878) и „Каз. Бирж Листка" (1887); но и эти терніи духъ его не смущали, ибо исходили отъ такихъ съ прочно-установившейся репутаціей органовъ, какъ „Биржевыя", „Сынъ" и „Чтеніе" господина С. Поля, а мановеніе „Каз. Бирж. Листка" было ему даже сладко, ибо задѣло его крыломъ нѣкоего Ангела, къ тому же впослѣдствіи (1888) осѣнившаго его полною благосклонностью. Послѣдніе годы своего 30-тилѣтняго служенія на поприщѣ литературно-общественной гражданственности старецъ Александръ посвятилъ любовнымъ изслѣдованіямъ нижегородскаго движенія 1611—1612 годовъ, желая посильно загладить тѣмъ вины своего прародителя, Григорія Дахновича, не малыя, очевидно, пакости содѣявшаго россійскому воинству подъ Смоленскомъ, за что пріобрѣтенная имъ мѣстность Гацищи и не дошла до рукъ его потомка—старца Александра. Аминь.

Post-scriptum (Послѣ-словіе). Хотя личность и не выдающаяся, но подобно многимъ великимъ (и малымъ) людямъ, каковъ, напр., въ числѣ первыхъ Его Сіятельство Князь Бисмаркъ, вѣрующій, что онъ умретъ не раньше 1890 и не позднѣе 1894 года, и старецъ Александръ вѣруетъ, что годомъ кончины его надлежитъ считать 1918—въ 100-лѣтнюю годовщину рожденія Государя Императора Александра Николаевича и Его Превосходительства Павла Ивановича Мельникова и въ столѣтнюю годовщину смерти извѣстнаго механика-самоучки Ивана Петровича Кулибина. Вѣра сія зиждется на нѣкоемъ кабалистическомъ расчетѣ самого старца Александра, совершонномъ имъ въ 1879 году, на пароходѣ „Соликамецъ", во время плаванья его по Камѣ-рѣкѣ.

Старецъ Александръ,
Надворный совѣтникъ, со старшинствомъ
на чинъ чуть-ли не тайнаго.

3 Іюля 1889 г.
Нижній-Новгородъ.

ИЗЪ ИСТОРІИ ОБЛАСТНОЙ ПЕЧАТИ.

(Памяти А. С. Гацискаго).

(„Русскія Вѣд.", № 319, 327, 339 1894 года).

I.

15-го ноября 1847 г. въ № 71 „Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостей", въ отдѣлѣ, озаглавленномъ „о пріѣхавшихъ и выбывшихъ съ 8-го по 12-е ноября", отмѣчено прибытіе въ городъ лѣкаря Серафима Гацискаго, который, впрочемъ, по ошибкѣ наборщика или отмѣтчика названъ Гацынскимъ. Вмѣстѣ съ нимъ водворились въ городѣ его жена и сынъ *Александръ*, девяти лѣтъ.

Серафимъ Гацискій происходилъ изъ польскаго рода Дахновичей. Одному изъ его предковъ, Григорію Дахновичу, пожаловано польскимъ королемъ Сигизмундомъ III имѣніе Гацици (гать, гатище) за какія-то услуги при осадѣ Смоленска. Съ тѣхъ поръ Дахновичи стали прибавлять къ фамиліи кличку (przydomek) Гацискій.

Жена лѣкаря и мать нашего писателя Александра Серафимовича Гацискаго, Генріетта Свобода, была дочь французскаго эмигранта. Настоящая фамилія ея отца осталась неизвѣстной. Свободой онъ назывался потому, что пріобрѣлъ за нѣсколько франковъ у чеха Свободы узаконенный паспортъ, съ которымъ и прибылъ въ Россію. Здѣсь онъ поселился въ Ревелѣ и унесъ съ собой въ могилу тайну своей прошлой жизни. Былъ-ли это аристократъ, бѣжавшій отъ преслѣдованія конвента, или, наоборотъ, ярый якобинецъ, имѣвшій основаніе молчать о своей дѣятельности передъ русскимъ правительствомъ, благопріятствовавшимъ аристократической эмиграціи,—сказать теперь невозможно. Несомнѣнно только одно, что мальчикъ Александръ Гацискій, прибывшій съ отцомъ въ Нижній-Новгородъ въ ноябрѣ 1847 г., наслѣдовалъ частію кровь польскаго гербоваго шляхтича, частію же французскаго выходца временъ революціи, женившагося, вдобавокъ, на ревельской нѣмкѣ. Въ шутливой „Некрологіи старца Александра" (написанной къ своему литературному юбилею въ 1889 г.) самъ Александръ Серафимовичъ отмѣчаетъ то обстоятельство, что юные годы его протекли подъ многоразличнымъ воздѣйствіемъ нѣсколькихъ національныхъ началъ: „польскаго (отъ отца), французско-ревельскаго (отъ матери), французско-швейцарскаго

(отъ гувернера-воспитателя m-r Jacot) и чисто-россійскаго (отъ няни Аграфены Кирилловны Орѣховой)". Чрезвычайно интересно отмѣтить эти, такъ сказать, космополитическія черты въ біографіи человѣка, которому впослѣдствіи суждено было стать истинно-типичной, бытовой фигурой,—не просто русской, но даже спеціально областной, „человѣкомъ нижегородскаго Поволжья".

Въ 1849 г. Александръ Гацискій поступилъ въ нижегородскую классическую гимназію, а по окончаніи севастопольской компаніи былъ уже въ казанскомъ университетѣ. Въ „Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ" за 1865 г. (№ 23) помѣщены воспоминанія А. С. о С. В. Ешевскомъ, профессорѣ сначала казанскаго, а потомъ московскаго университета. Онъ читалъ исторію послѣ проф. Иванова, который велъ свои лекціи въ стилѣ Шевырева, приподнятомъ и исполненномъ искусственнаго патріотическаго паѳоса. Самъ бывало плачетъ и аудиторія реветъ,—шутливо вспоминали впослѣдствіи бывшіе его слушатели. Намъ трудно теперь понять этотъ условно-патріотическій тонъ, съ вѣчно-готовымъ паѳосомъ, со слезами, проливаемыми ежегодно въ такомъ-то мѣстѣ литографированныхъ записокъ, но до Севастополя онъ, очевидно, былъ въ модѣ и пользовался правомъ гражданства. Послѣ этихъ бурно-пламенныхъ чтеній первая лекція молодаго профессора, говорившаго просто и ясно, безъ громовъ и литавровъ, безъ воплей и слезъ, произвела на слушателей впечатлѣніе ошеломляющей неожиданности. „Мы не знали,—вспоминалъ впослѣдствіи Гацискій,—что это такое: необыкновенно хорошо, или ужъ никуда не годится". Дальнѣйшія чтенія опредѣлили окончательно отношеніе аудиторіи къ профессору: это было свѣжее вѣяніе новаго критическаго направленія въ исторіи, вносившее ясное и простое освѣщеніе въ область, загроможденную до тѣхъ поръ бутафорскими принадлежностями ложно-классическаго маскарада. Изъ школы Ешевскаго вышелъ, между прочимъ, извѣстный историкъ Бестужевъ-Рюминъ, и Ешевскій же, несомнѣнно, способствовалъ зарожденію той исторической струйки, которая впослѣдствіи являлась преобладающей чертой умственнаго склада Гацискаго и его товарищей.

Къ этому слѣдуетъ, разумѣется, прибавить вліяніе общерусской атмосферы того времени, полной свѣжихъ стремленій и надеждъ. Этотъ періодъ общественнаго пробужденія, совпавшій съ опредѣляющимъ періодомъ жизни самого Гацискаго, наложилъ на него характеристическій и ясный отпечатокъ, проникавшій до послѣднихъ дней всѣ отрасли его общественной дѣятельности. Очень важно также то обстоятельство, что эти годы застали Гацискаго въ стѣнахъ именно провинціальнаго университета. Эпоха умственнаго подъема и пробужденія идеальныхъ стремленій сказалась нѣсколько различно на учащейся молодежи столицъ и провинціи. Въ то время какъ въ Москвѣ и Петербургѣ умственное движеніе принимало характеръ широко философскій и до извѣстной степени космополитическій, въ провинціяхъ оно окрашивалось областными оттѣнками. На югѣ пробуждались украинофильскія симпатіи, въ Казани пылкій Щаповъ разыскивалъ земскія и областныя начала въ исторіи русскаго народа...

Если прибавить, что въ Нижнемъ уже въ сороковыхъ годахъ работалъ талантливый этнографъ П. И. Мельниковъ и что отецъ Гацискаго въ юности принадлежалъ къ Обществу Филаретовъ, то этимъ мы можемъ закончить далеко неполную, конечно, характеристику той умственной и нравственной атмосферы, среди которой выросъ А. С. Гацискій. Въ бумагахъ, оставшихся послѣ его смерти, есть немало автобіографическаго матеріала, въ томъ числѣ автобіографія, назначенная для словаря г. Венгерова, и подробный дневникъ, исписанный необыкновенно мелкимъ почеркомъ и доведенный до 70-хъ годовъ. Изъ нихъ мы навѣрное узнаемъ много интереснаго о томъ умственномъ настроеніи, изъ котораго возникло основное и опредѣляющее стремленіе всей жизни А. С. Гацискаго и нѣкоторыхъ его сверстниковъ, отдававшихъ, какъ и онъ, свои силы на служеніе несуществовавшей еще тогда областной прессѣ. Повидимому, уже въ то время, когда, только-что покинувшій университетскую скамью, онъ стоялъ, какъ сказочный герой, на распутьи разныхъ жизненныхъ дорогъ,—эта руководящая идея была въ немъ сознательной и впослѣдствіи почерпала только новую крѣпость въ потраченныхъ усиліяхъ, въ испытанныхъ удачахъ и неудачахъ. Она-же заставила его вернуться въ Нижній изъ столицы, куда онъ направился тотчасъ послѣ окончанія университетскаго курса.

Въ шутливой „Некрологіи старца Александра", которую читатель найдетъ въ этомъ сборникѣ, А. С. говоритъ, что „въ Казани, по слабости характера и подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ порочныхъ товарищей, онъ предался страсти къ увеселеніямъ въ предѣлахъ, благоразуміемъ не дозволяемыхъ". Увы!—это также черта, въ большей степени присущая провинціальнымъ университетамъ, и надо думать, что увлеченіе это, въ тѣ времена гомерическихъ кутежей и „олимпійскаго" похмѣлья, кончавшихся по большей части прозаическимъ запоемъ, дѣйствительно начинало принимать размѣры довольно опасные. По крайней мѣрѣ опасеніемъ печальныхъ послѣдствій самъ Гацискій объясняетъ свое переселеніе въ Петербургъ, гдѣ природное благоразуміе, врожденная порядочность и склонность къ серьезнымъ умственнымъ интересамъ встрѣтили, повидимому, болѣе благопріятную почву. Здѣсь-то, познакомившись съ В. Курочкинымъ, редакторомъ „Искры", Александръ Серафимовичъ напечаталъ (3-го іюля 1859 года) свою первую литературную работу. Любопытно, что это былъ беллетристическій очеркъ „Записки офицера". Произведеніе это, написанное, правда, литературно и бойко, не блещетъ, однако, никакими художественными достоинствами. Между тѣмъ, разбирая бумаги покойнаго, я нашелъ письмо священника, писанное ко дню 30-лѣтняго юбилея Гацискаго, въ которомъ авторъ вспоминаетъ объ этомъ первомъ трудѣ А. С. По его словамъ, „Записки офицера" ходили въ Нижнемъ въ рукописныхъ спискахъ, и авторъ письма, тогда еще кандидатъ въ священники, прочелъ ихъ впервые въ такой рукописной копіи съ печатнаго экземпляра „Искры". Надо думать, поэтому, что уже въ этомъ первомъ опытѣ было нѣчто, затрогивавшее какія-то живыя тогда, хотя нынѣ и замолкшія струны. И очень можетъ быть, что если бы

авторъ пошелъ дальше по этой дорогѣ, то онъ выработался бы въ хорошаго разсказчика или беллетриста-этнографа, для чего онъ обладалъ многими драгоцѣнными данными. Нужно однако сказать, что выдающейся чертой литературной физіономіи или, вѣрнѣе, литературной судьбы Гацискаго является то обстоятельство, что ему не пришлось избрать окончательно и безповоротно ни одного литературнаго жанра. Объ этомъ мнѣ придется еще говорить впослѣдствіи, а пока отмѣчу только, что еще два очерка („Музыкальныя воспоминанія“ и „На именинахъ“), появившіеся въ „Искрѣ“ въ томъ же 1859 г., являются послѣдними попытками А. С. въ этомъ родѣ. Впослѣдствіи беллетристическая жилка сказывалась развѣ въ томъ своеобразномъ стилѣ, исполненномъ описаній природы и лирическихъ отступленій, въ которомъ написаны многія статьи Гацискаго—этнографическаго и историческаго содержанія. Послѣ этого онъ окончательно избираетъ свой путь и возвращается въ 1861 г. изъ Петербурга въ Нижній, въ качествѣ чиновника особыхъ порученій при губернаторѣ Одинцовѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ качествѣ редактора „Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“.

II.

„Оживлять „Губернскія Вѣдомости!“ Многіе еще навѣрное помнятъ этотъ призывъ, раздававшійся чуть не по всей Россіи. Кое-гдѣ, изрѣдка, его можно слышать и теперь, но теперь въ немъ нѣтъ уже той живости и произносится онъ большею частью полуиронически. Мы знаемъ уже, что для своего оживленія пресса нуждается прежде всего въ независимости, хотя бы только нравственной, и что „оживленіе“ казенной прессы имѣетъ слишкомъ ограниченные предѣлы какъ во времени (до первой смѣны губернатора), такъ и въ содержаніи. Но въ то время эта задача имѣла свое специфическое значеніе для людей, работавшихъ въ провинціи. Дѣло просто въ томъ, что губернскія вѣдомости исчерпывали собою, за незначительными исключеніями, всю наличную провинціальную прессу. Изъ этого совершенно ясно, что всякому, кто, подобно А. С. Гацискому, рѣшилъ отдать свое перо на служеніе областной прессѣ, предстояло прежде всего вѣдаться съ единственнымъ ея органомъ.

Если бы кто-либо, лучше знающій, взялся изложить исторію этихъ попытокъ вообще,—мы получили бы очень яркій матеріалъ для своеобразной драмы или, скорѣе, траги-комедіи Тутъ былъ бы прежде всего просвѣщенный администраторъ, благосклонно желающій, чтобы въ „его краѣ“ процвѣтали искусства и науки вообще и печатное слово въ частности. Тутъ были бы, во-вторыхъ, болѣе или менѣе умные и талантливые (но и нѣсколько наивные на нашъ нынѣшній взглядъ) представители губернской интеллигенціи, которые съ жаромъ и пылкими надеждами принимались за „неоффиціальный отдѣлъ“, предоставляемый въ ихъ распоряженіе. Въ первомъ дѣйствіи - общее благоволеніе и призывы „къ совмѣстному труду на пользу края“. Во второмъ—появленіе перваго обновленнаго и „оживленнаго“ нумера, знаменующаго начало процвѣтанія мѣстной прессы. Потомъ—пер-

вые тучи на ясномъ небѣ. Одной сторонѣ казалось, что достаточно добраго желанія, чтобы все процвѣло во „ввѣренномъ краѣ“ и что теперь „темныя стороны“ могутъ существовать развѣ только въ сосѣднихъ губерніяхъ. Другая ждала, что ей позволено будетъ раскрывать „бѣдность и несовершенства нашей жизни“ и призывать лучшее будущее. На этой почвѣ взаимныя недоразумѣнія растутъ какъ грибы, „оживленіе“ вскорѣ кончается среди обоюднаго охлажденія и недовольства, неоффиціальный отдѣлъ исчезаетъ или принимаетъ чисто канцелярскій характеръ,—и губернскій органъ опять издается для однихъ только шкафовъ волостныхъ правленій, гдѣ благія начинанія находятъ вѣчное успокоеніе, рядомъ съ волостными книгами договоровъ, пустыми полуштофами и огрызками колбасы... Хорошо еще, если въ результатѣ „оживленія“ не оказалось какой-нибудь безнадежно разбитой служебной карьеры...

Тоже, въ концѣ-концовъ, постигло и нижегородскій губернскій органъ, хотя, правда, редакторская дѣятельность Гацискаго на первое время встрѣтила съ внѣшней стороны болѣе благопріятныя условія. Губернаторъ А. А. Одинцовъ (1861—1873 гг.), смѣнившій декабриста Муравьева, представлялъ собою типъ губернскаго администратора довольно рѣдкій и въ наше время, пожалуй даже въ наше время особенно. Впослѣдствіи, уже оставляя губернію, онъ въ шутливой рѣчи на прощальномъ обѣдѣ самъ охарактеризовалъ свою губернаторскую дѣятельность: „своимъ десятилѣтнимъ управленіемъ,—сказалъ онъ,—я доказалъ ясно (и это моя главная заслуга), что губернія могла десять лѣтъ отлично обходиться безъ губернатора“. Это, конечно, была просто шутка, и А. С. Гацискій, упоминающій объ этомъ въ своемъ сборникѣ („Люди нижегородскаго Поволжья“), приводитъ нѣсколько случаевъ, когда присутствіе въ губерніи губернатора Одинцова сказывалось довольно ощутительно. Но все это были случаи такъ сказать элементарные, когда приходилось возстановить какое-нибудь нарушенное равновѣсіе или какіе-нибудь попранные законные интересы. Когда равновѣсіе возстановлялось и законъ опять вступалъ въ свою силу, губернаторъ Одинцовъ устранялся, и губернатора Одинцова какъ будто не было видно. Онъ не думалъ, что во „ввѣренномъ краѣ“ все должно отъ него исходить и къ нему устремляться, что самые злаки не могутъ произрастать безъ того, чтобы администрація не подтягивала ихъ изъ земли кверху, и что право на дальнѣйшее существованіе имѣетъ лишь то, что зародилось по его особому благословенію, въ узкомъ пространствѣ, освѣщенномъ спеціальнымъ губернаторскимъ вниманіемъ. Одинцовъ, повидимому, вѣрилъ въ силу простого солнечнаго свѣта и всякое обывательское начинаніе, не вступавшее въ прямое противорѣчіе съ существующими узаконеніями, пользовалось если не административной поддержкой, то тѣмъ, что часто бываетъ лучше такой поддержки, полной терпимостью. „Поддержка“, даже самая энергичная, по необходимости узка и одностороння, тогда какъ терпимость даетъ сразу просторъ естественнымъ силамъ по всей поверхности мѣстной жизни. Это очень удобно для края, но не особенно выгодно для личной репутаціи администра-

тора Ихъ торжество—торжество закона, законныхъ интересовъ и тому подобныхъ безличныхъ началъ. И когда дѣло сдѣлано, когда никто не кричитъ караулъ, и то, что родилось само, само же пытается расти и крѣпнуть,—то мы и не вспоминаемъ объ администраторѣ, какъ будто все такъ и шло всегда въ этомъ мірѣ, гдѣ есть дожди и солнце, трудолюбивые земледѣльцы и обрабатываемыя ими нивы, предпріимчивые коммерсанты и промышленность.. И только внимательный взглядъ различитъ въ окончательномъ результатѣ „отрицательной“ дѣятельности Одинцовыхъ—приросты и плюсы въ самой жизни; тогда какъ въ результатѣ иной необыкновенно „блестящей“ личной энергіи и предпріимчивости такъ часто открываются изъяны и недочеты.

Редакторская дѣятельность А. С. Гацискаго въ Нижнемъ-Новгородѣ почти цѣликомъ совпадаетъ съ періодомъ губернаторства Одинцова. Но уже одинъ изъ ближайшихъ его преемниковъ (гр. Кутайсовъ) подготовилъ Гацискому одну изъ тѣхъ неожиданностей, которыя у насъ принято называть „печальными недоразумѣніями“. Къ счастью, въ это время гр. Кутайсова смѣнилъ гр Игнатьевъ, который нашелъ, что этотъ „опасный человѣкъ“ есть наоборотъ человѣкъ очень благонамѣренный и полезный. Въ бумагахъ покойнаго писателя сохранились указанія на эти въ высокой степени интересныя страницы его біографіи, но это не входитъ въ задачи этого очерка и мы обратимся теперь къ изложенію опыта Гацискаго по насажденію мѣстной прессы.

III.

Въ темахъ и запросахъ недостатка, разумѣется, не было. Въ обществѣ совершался переломъ, требовавшій живого и умнаго слова, разъясняющаго новыя жизненныя отношенія. „Чѣмъ еще недавно занято было наше общество?—спрашивалъ А. С. Гацискій въ одной изъ своихъ статей („Губ. Вѣд.“ 1862 г., № 28). Только и разговоровъ было, что кто сколько визитовъ сдѣлалъ, да кто сколько полекъ безъ передышки отхваталъ, да о томъ, что въ піесѣ „Полковникъ старыхъ временъ“ очень выгодно высказываются формы г-жи N. Нынче же прислушайтесь къ разговорамъ: кто говоритъ о новыхъ судахъ, кто о волостныхъ судахъ, кто о судѣ присяжныхъ“. Но самая техника областнаго слова была слаба и недостаточна для удовлетворенія этимъ запросамъ. Идеи искали своихъ людей и часто не находили. „Неужели,—спрашиваетъ Гацискій въ № 50 тѣхъ же „Губернскихъ Вѣдомостей“,—въ цѣлой губерніи не найдется трехъ-четырехъ человѣкъ, которые своимъ сотрудничествомъ помогли бы „Губернскимъ Вѣдомостямъ“ подняться?“. Это настоящій вопль живого, интеллигентнаго человѣка, испуганнаго своимъ одиночествомъ. А между тѣмъ, неужели тогда въ самомъ дѣлѣ не было людей? Если говорить спеціально о прессѣ, то вѣдь столичная пресса именно съ этого времени превращается изъ забавы словесностью въ серьезную общественную силу. Это правда, но правда также и то, что пишущихъ людей, въ общемъ, было немного и все, что было,

схлынуло въ столичные органы. Провинціальная же пресса оставалась еще безъ дѣятелей. Обновленному губернскому органу нужно было еще разыскивать своего писателя и пріучать къ себѣ читателя медленно и съ трудомъ.

А вотъ каковы были внѣшнія условія работы А. С. Гацискаго. Въ распоряженіи его (какъ редактора «неоффиціальной части») состоялъ въ то время одинъ наборщикъ. Этотъ труженикъ, раздѣлявшій съ молодымъ редакторомъ задачу оживленія губернскаго органа прессы,—„долженъ былъ и набрать №, и выставить его въ станокъ, и выправить корректуру, и потомъ разобрать литеры, такъ какъ безъ этого, по скудости кассы, ея недостанетъ на слѣдующій №". Къ тому же этотъ типографскій геркулесъ, выносившій на своихъ плечахъ прессу цѣлаго края,—оплачивался очень скудно, и у редактора не хватало духа предъявлять слишкомъ большія требованія къ своему единственному наборщику, скромному труженику, самое имя котораго осталось, къ сожалѣнію, совершенно неизвѣстнымъ.

Какъ бы то ни было, „оживленіе", хотя и не особенно бойкое, всетаки происходило Появлялись статьи о театрѣ, о мѣстныхъ событіяхъ, отмѣчался ходъ крестьянской реформы. И главное, затеплился огонекъ, на который понемногу потянулся обыватель-корреспондентъ изъ уѣздныхъ захолустій: Сергача, Лукоянова, Городца и Балахны. Интересно и даже трогательно въ наше скептическое время перечитывать эти первые, еще робкіе опыты мѣстной публицистики. Отреченіе отъ стараго и самая наивная вѣра въ близкое будущее водили перомъ захолустнаго корреспондента. Не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести для примѣра корреспонденцію изъ Балахны („Губ. Вѣд." № 7, 1863 года).

„Впередъ, впередъ нашъ длинный, но узкій городокъ! Пусть въ жизни твоей только одна мѣстность стѣсняетъ ширину твоего населенія, и то потому, что ты прибрежное дѣтище Волги!. Твое древнее достояніе—соле-варни, чуть не допотопнаго устройства,—обряжаются нынѣ въ новыя удобнѣйшія формы.. Ихъ пробудила наука, передавшая тебѣ свое знаніе черезъ морского инженера В. П. Васильева... Ты завелъ у себя библіотеку, и только ждешь преобразованія по управленію городскими суммами, чтобы исправить необходимыя пути сообщенія... О, много, много талантовъ въ тебѣ, дорогой нашъ городъ!.."

И т. д. Интересно, между прочимъ, что вся эта пылкая тирада—только вступленіе къ рецензіи о любительскомъ спектаклѣ, къ которому авторъ и и переходитъ, замѣчая, что послѣ такихъ подвиговъ на пути прогресса городъ имѣетъ право отдохнуть и повеселитьс ...

Очевидно, предавая тисненію эти балахнинскіе, сергачскіе и другіе восторги, редакція имѣла въ виду поощреніе своихъ безкорыстныхъ корреспондентовъ, и было бы несправедливо думать, что этими изліяніями огра-

чивалась мѣстная публицистика того времени. Несмотря на узость рамокъ, въ ней пробивались уже и другія, болѣе серьезныя ноты, встрѣчались попытки разъясненія на новыхъ началахъ жизненныхъ отношеній. Для примѣра мы возьмемъ статью другого органа, редактировавшагося тоже Гацискимъ. Въ „Нижегородскомъ Ярмарочномъ Листкѣ" было помѣщено объявленіе о конторѣ г. Лика для найма и рекомендаціи прислуги. Въ наше время такія конторы открываются съ соотвѣтствующаго разрѣшенія полиціи и безъ дальнихъ околичностей приступаютъ къ взиманію соотвѣтствующей платы за комиссію. Но въ тѣ наивныя времена каждое новое дѣло ставилось принципіально и не обходилось безъ нѣкотораго паѳоса. Поэтому и г. Ликъ въ своемъ объявленіи прибѣгаетъ къ примѣрамъ просвѣщенныхъ странъ, говоритъ и объ общественномъ благѣ, и о прогрессѣ, и чуть не „о любви къ отечеству и національной гордости". А. Г. (инициалы Гацискаго), отмѣчая новое учрежденіе въ фельетонѣ о ярмаркѣ,—обращаетъ вниманіе на одну сторону дѣла, упущенную изъ виду Ликомъ, обѣщавшимъ всевозможныя гарантіи и справки о поведеніи прислуги—нанимателю. Хорошо,—писалъ по этому поводу А. С. Гацискій,—но отчего же нѣтъ рѣчи о гарантіяхъ и справкахъ для нанимающихся? «Кто бы ни былъ нанимающійся,—гувернеръ или кучеръ, управляющій имѣніемъ или дворникъ,— онъ долженъ имѣть въ *актѣ условія* одинаковыя права съ нанимателемъ. Что такое наемъ? Если это *обоюдно-свободное* условіе одного лица съ другимъ... то оно должно существовать на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и всякій разумный договоръ двухъ заинтересованныхъ сторонъ, со всѣми разумными послѣдствіями. Если договоръ такого рода, что требуетъ непремѣнно гарантіи, гарантія необходима съ обѣихъ сторонъ. А если все это такъ, то странно, что, накладывая своего рода main morte на нанимающагося, г. учредитель не допускаетъ недобросовѣстности нанимателя. А вѣдь это легко можетъ случиться».

Я полагаю, что эта простая мысль не утратила своей свѣжести еще и въ наше время, когда въ значительно выросшей россійской прессѣ вновь и неоднократно подымается все тотъ же „вопросъ о прислугѣ". Въ то время идея „равноправности" только-что освобожденнаго меньшаго брата, провозглашенная сверху въ основныхъ положеніяхъ, проводилась послѣдовательно и неуклонно во всѣ мелкія развѣтвленія житейскихъ отношеній. Съ тѣхъ поръ многое вокругъ насъ измѣнилось: идея освобожденія въ значительной мѣрѣ проникла въ практику жизни и обоюдно укоренилась въ правахъ. Это огромное преимущество нашего времени, черта бытового прогресса, указывающая, что эпоха реформъ не прошла безслѣдно. Фактически мы имѣемъ теперь гораздо больше равноправности въ житейскомъ обиходѣ, чѣмъ въ тѣ времена, когда практика во всемъ объемѣ житейскихъ отношеній была еще полна крѣпостническихъ привычекъ съ обѣихъ сторонъ. Но за то въ идеѣ— мы заключали тогда отъ рабства къ свободѣ. Теперь у насъ гораздо больше свободы въ правахъ, но мы порой опять заключаемъ—къ рабству.

Само собою разумѣется, что рамки губернскаго органа очень скоро оказались тѣсны для нарождающейся провинціальной публицистики. Отсю-

да—постоянное стремленіе выйти изъ предѣловъ узкой программы, стремленіе, не у всѣхъ встрѣчавшее благосклонную терпимость губернатора Одинцова. Уже въ 1864 году слѣдуетъ въ этомъ смыслѣ внуши ельное указаніе изъ Петербурга. Въ статьѣ 17-го нумера „Губернскихъ Вѣдомостей“ (25-го апрѣля 1864 г.) А. С. Гацискій высказываетъ нѣсколько мыслей о благотворительности. Общія заключенія автора въ высшей степени скромны, даже скорѣе робки, чѣмъ умѣренны. Намъ теперь трудно понять, что собственно вреднаго предполагалось въ этой статьѣ, проводившей мысль, что обществу и правительству еще очень долго придется смягчать послѣдствія нищеты посредствомъ благотворительности, не касаясь основныхъ причинъ этого явленія. Фактъ однако тотъ, что эта статья подала поводъ къ собственноручному письму министра внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуева (какъ кажется, принципіальнаго противника областной прессы) на имя губернатора Одинцова. Копія съ этого письма быть можетъ найдется въ бумагахъ покойнаго А. С. Гацискаго, пока же достаточно сказать, что съ этихъ поръ статьи подобнаго общаго содержанія въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ (по крайней мѣрѣ временно) прекращаются.

Тѣмъ, конечно, съ бо́льшимъ напряженіемъ стучатся онѣ въ другія двери и ищутъ другого помѣщенія, по возможности въ частной газетѣ

IV.

Первою частною газетой Нижегородскаго Поволжья явился „Нижегородскій Справочный Ярмарочный Листокъ“, принадлежавшій нѣкоему Мельгунову [1]).

Интересная черта къ исторіи областной печати. Повидимому, высшая администрація того времени смотрѣла на провинціальную газету, какъ на праздную затѣю, совершенно излишнюю и пожалуй вредную, причиняющую сверхсмѣтныя безпокойства цензурному вѣдомству. Поэтому добиться права на изданіе частной газеты въ провинціи въ то время было почти невозможно.

Первыя отступленія отъ этого общаго правила были сдѣланы въ пользу торгово-промышленныхъ интересовъ. Потребность въ органѣ „объявленій, биржевыхъ и другихъ справокъ“ представлялась до такой степени осязательной и реальной, что отказать въ основаніи такого органа въ сколько-нибудь крупномъ промышленномъ городѣ было почти невозможно. Вотъ почему заглавія „N-скій биржевой листокъ“ или „N-скій листокъ справокъ и объявленій“ являются прототипами провинціальныхъ газетъ въ первомъ періодѣ. Скоро, однако, сама жизнь указываетъ на то, что дѣйствительная потребность лежитъ совсѣмъ не здѣсь. Торгово-промышленные листки ведутъ самое жалкое существованіе, изданіе не окупаетъ даже

---

[1]) Издавался съ 1860 до 1873 г.

бумаги и печати, и владѣльцы обращаются съ жалобными просьбами о расширеніи программы. Тогда передъ администраціей встаетъ другой „реальный интересъ“: издатель разорился и проситъ дать возможность вернуть затраты. Если этотъ понятный и осязательный мотивъ встрѣчаетъ признаніе, то слова „биржевой“ или „справокъ и объявленій“ начинають печататься въ заголовкѣ все меньшимъ шрифтомъ, пока не атрофируются совершенно и пока изъ *N-скаго биржевого листка* справокъ и объявленій не сдѣлается просто „*N-скій листокъ*, газета литературная и политическая“. Если-же почему-либо просьбы оставляются безъ послѣдствій, то бѣдный органъ увядаетъ и падаетъ, какъ осенній листокъ, изсохшій отъ недостатка питанія, безъ живой связи съ почвой...

Эту печальную исторію испыталъ на себѣ и Мельгуновъ, издатель „Нижегородскаго Справочнаго Ярмарочнаго Листка“ Въ теченіе трехъ лѣтъ онъ боролся съ равнодушіемъ торгово-промышленнаго класса, во имя котораго только и получилъ разрѣшеніе. Всѣ его жалобныя слезницы о расширеніи программы встрѣчались въ Петербургѣ такимъ-же полнѣйшимъ равнодушіемъ. Тогда-то онъ обратился къ содѣйствію А. С. Гацискаго и А П. Смирнова, бывшихъ въ то время членами статистическаго комитета и стоявшихъ въ центрѣ мѣстной интеллигенціи. Для оживленія умирающаго органа они сообща прибѣгли къ чрезвычайно сложной и запутанной комбинаціи. Съ 1863 г. Мельгуновъ по договору передаетъ свою газету статистическому комитету, какъ учрежденію оффиціальному, которому очевидно легче было добиться расширенія программы. Затѣмъ губернскій статистическій комитетъ, по новому договору, сдаетъ газету Мельгунову въ аренду. И въ довершеніе всей этой юридической путаницы фактическое редакторство всетаки переходитъ къ А. С. Гацискому и А. П. Смирнову, какъ членамъ статистическаго комитета *). Эта невинная хитрость со стороны кружка мѣстныхъ писателей, имѣвшая очевидною цѣлью—провести первую частную газету подъ оффиціальнымъ флагомъ, вначалѣ послужила несчастному листку на пользу. Цѣлый рядъ постепенныхъ ходатайствъ со стороны комитета, поддержанныхъ благосклоннымъ сочувствіемъ губернатора Одинцова, былъ уваженъ. Газета получала новый отдѣлъ за отдѣломъ, не исключая даже „политическихъ извѣстій“, подъ условіемъ, однако, заимствованія таковыхъ изъ оффиціальныхъ петербургскихъ изданій. Съ 20 іюня 1870 года Мельгуновъ, по ходатайству все того-же губернскаго комитета, получаетъ разрѣшеніе откинуть эпитетъ „ярмарочный“ и выпускать газету круглый годъ, а не въ ярмарочное только время.

Однако уже съ конца 60-хъ годовъ отношеніе къ „Листку“ измѣняется къ худшему. Въ цѣломъ рядѣ бумагъ на имя губернатора главное управленіе по дѣламъ печати отмѣчаетъ постоянныя погрѣшности газеты. То въ одной статьѣ „преувеличенно и тенденціозно“ трактуется о бѣдности уча-

---

*) А. П. Смирновъ умеръ въ концѣ 1864 года или въ началѣ 1865 г. Съ этого времени Гацискій редактировалъ газету одинъ.

щейся семинарской молодежи; то въ другой—какъ-бы оправдывается народное пьянство ссылкой на изреченіе св. Владиміра („веселіе есть Руси пити") и т. д., и т. д. Если вспомнимъ, что въ тѣ времена болѣе или менѣе безпрепятственно печаталось въ столичныхъ изданіяхъ, то самая ничтожность этихъ обвиненій покажетъ краснорѣчиво, что для областной печати существовали совершенно иныя мѣрки. Впрочемъ, гораздо проще дѣло объясняется нѣсколько ироническими сентенціями, сопровождающими почти каждое изъ этихъ указаній. „Нельзя не замѣтить, что все это не входитъ въ утвержденную программу изданія". Дѣйствительно, несмотря на значительное, повидимому, расширеніе, программа „Листка" всетаки оставалась еще очень узкой и статьи руководящаго характера, обозрѣнія и фельетоны проходили только благодаря терпимости мѣстной цензуры. Теперь газетѣ показывали ясно, что впередъ она должна держаться строго въ предѣлахъ программы, а въ дальнѣйшемъ ея расширеніи отказывали категорически. Наконецъ, въ 1872 году (4-го іюля) послѣдовало совершенно точное и, къ сожалѣнію, довольно справедливое замѣчаніе, что изданіе частной газеты „обще-литературнаго и политическаго направленія" отнюдь не входитъ въ задачи губернскаго статистическаго комитета, почему и предлагается послѣднему окончательно выяснить отношенія свои къ изданію, не возобновлять съ Мельгуновымъ контракта и обратить газету въ дѣйствительный органъ комитета, для печатанія трудовъ послѣдняго.

Само собою разумѣется, что это равнялось фактическому закрытію газеты, и уже къ слѣдующему году „Листокъ" прекратилъ свое существованіе длившееся при указанныхъ очень тяжелыхъ условіяхъ ровно десять лѣтъ. Къ этому времени ему, очевидно, удавалось постепенно одолѣвать внутреннія препятствія (отсутствіе силъ и равнодушіе публики): онъ выросъ въ объемѣ и выходилъ уже круглый годъ, по 4 раза въ недѣлю...

Къ этому слѣдуетъ прибавить еще одинъ эпизодъ, въ которомъ, правда, Гацискій не игралъ непосредственной роли, какъ въ предыдущихъ случаяхъ, но въ которомъ, однако, онъ принималъ близкое участіе. Въ 1872 г., т. е. какъ разъ въ то время, когда судьба „Нижегородскаго Листка" уже выяснилась и онъ доживалъ послѣдніе дни,—въ Казани кружокъ мѣстныхъ писателей, товарищей Гацискаго, сталъ издавать „Камско-Волжскую Газету". Редакторомъ-издателемъ былъ Н. Я. Агафоновъ, ближайшими сотрудниками—Пономаревъ и К. Лаврскій въ Казани. А. С. Гацискій, уже въ то время пользовавшійся извѣстностью въ качествѣ провинціальнаго писателя и издателя „Нижегородскаго Сборника", принималъ въ газетѣ тоже очень дѣятельное участіе. Это была первая газета Поволжья съ болѣе или менѣе полной программой и располагавшая сложившимися и совершенно достаточными литературными силами. Велась она талантливо и литературно, сразу заняла очень видное положеніе, въ особенности пылкимъ, настойчивымъ, горячимъ и обстоятельнымъ выясненіемъ памятнаго самарскаго голода въ 1873 году. Въ лицѣ „Камско-Волжской Газеты" печать Поволжья дѣлала огромный шагъ, оставляя далеко позади тотъ типъ газеты, съ ко-

торой приходилось имѣть дѣло Гацискому. Времена для областной печати назрѣвали быстро, и новая казанская газета показала, что провинціальный органъ можетъ играть очень важную и много-опредѣляющую роль въ критическіе моменты мѣстной жизни.

Къ сожалѣнію, непривычка къ этой роли областной прессы была еще очень сильна, и то самое, что составило силу газеты, послужило къ ея погибели. Уже въ 1874 г. ценвура „Камско-Волжской Газеты" была перенесена въ Москву. Разумѣется, сообщать новости, которыя, ранѣе своего появленія, должны были предварительно съѣздить въ Москву и потомъ вернуться обратно, —это было равносильно погибели газеты. Издатель, г. Агафоновъ, отправился въ Петербургъ и тамъ горячо изложилъ все практическое неудобство для изданія этого порядка цензуры. Покойный М. Н. Лонгиновъ выслушалъ очень холодно это объясненіе и отвѣтилъ сухо, что все это—для него совсѣмъ не новость. Агафоновъ понялъ, вернулся въ Казань, и юная газета была закрыта, ровно двадцать лѣтъ назадъ, въ 1874 году, просуществовавъ только два года...

V.

Такъ кончились попытки А С. Гацискаго по насажденію óргановъ печати въ провинціи,—попытки, которымъ онъ отдалъ десять лучшихъ лѣтъ своей жизни. Можно было подумать, что послѣ всѣхъ этихъ усилій, такихъ настойчивыхъ и всетаки напрасныхъ,—онъ стоитъ опять у своего исходнаго пункта...

Уже въ 1869 году,—въ періодъ наибольшаго внѣшняго давленія на оба редактируемые имъ органа,—въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ" А. С. Гацискій высказывалъ мнѣнія о задачахъ провинціальной печати, проникнутыя нѣкоторымъ уныніемъ и пессимизмомъ. Онъ распространяется здѣсь о центростремительномъ вліяніи столицъ, отнимающихъ у провинціи лучшія силы, о внѣшнихъ и внутреннихъ препятствіяхъ, мѣшающихъ развитію областной печати. Изъ всего этого дѣлался выводъ, что провинціальная печать надолго еще должна ограничиваться собираніемъ бытового, этнографическаго и экономическаго матеріала. Уже изъ этого видно, что въ сущности А. С. Гацискій не былъ совсѣмъ журналистомъ. Къ этому времени его имя, почти неизвѣстное въ качествѣ публициста внѣ предѣловъ Нижегородскаго края, начинало пріобрѣтать извѣстность въ спеціальной области, какъ имя знатока исторической и бытовой стороны мѣстной жизни. Его „Сбо никъ въ память второго статистическаго съѣзда" и его „Нижегородскій сборникъ", изданный къ 1875 году уже въ составѣ четырехъ большихъ томовъ, обращали на него вниманіе спеціалистовъ, а также всѣхъ, работавшихъ въ томъ же направленіи въ провинціи. Кабинетная складка его ума брала свое, и совершенно понятно, что, отдаваясь самъ съ любовью и видимымъ успѣхомъ изученію старины и нейтральнаго бытового матеріала, онъ былъ склоненъ увести въ минуту унынія свое любимое дѣтище—провинціальную газету—въ эту безмятежную, но совершенно несродную ей область.

Однако, уже примѣръ „Камско-Волжской Газеты“, съ ея молодой, можетъ быть неопытной, но кипучей и живой дѣятельностью, съ ея вліятельнымъ участіемъ въ вопросахъ повседневной жизни,—выводитъ А. С. Гацискаго изъ этого настроенія, и возникшая въ 1875—6 годахъ оживленная полемика по вопросу о задачахъ провинціальной печати застаетъ его опять исполненнымъ самой пылкой вѣры въ свое дѣло.

Сколько мнѣ извѣстно, вопросъ этотъ принципіально ставился въ нашей прессѣ два раза. О первомъ изъ этихъ случаевъ еще въ 60-хъ годахъ упоминаетъ А. С. Гацискій въ замѣткѣ, помѣщенной въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“. Къ сожалѣнію, подробности этой полемики мнѣ неизвѣстны изъ подлинныхъ источниковъ. Интересно, однако, что споръ ставился очень круто. Одна изъ сторонъ доказывала, что провинціи ненужны и невозможны свои газеты. Такъ какъ въ губернскихъ городахъ нѣтъ вовсе умственныхъ интересовъ, то имъ достаточно оффиціальной части губернскихъ вѣдомостей, изъ коихъ обыватель можетъ узнать послѣднія распоряженія своего начальства.

Полемика семидесятыхъ годовъ отличается отъ этого эпизода на столько же, на сколько провинціальная печать этихъ годовъ отличалась отъ своихъ эмбріоновъ предыдущаго десятилѣтія.

Въ 1875 году въ журналѣ „Дѣло“ (кн. IX и X) появились статьи Д. Л. Мордовцева подъ заглавіемъ „Печать въ провинціи“. Это было время, когда были въ ходу широкія обобщенія, заключавшія отъ явленій біологическихъ къ общественнымъ. Въ качествѣ посылки, авторъ взялъ указаніе одной статьи Эли Реклю: „большія рыбы стремятся въ большія моря, крупныя инфузоріи—въ большіе стаканы“ Отсюда получался чуть не универсальный законъ всякой общественности, по которому все выдающееся стремится къ крупнымъ центрамъ. „Вотъ—прибавлялъ отъ себя Д. Л. Мордовцевъ,—та страшная сила, которая налагаетъ руку на провинціализмъ во всѣхъ его видахъ.. въ томъ числѣ на провинціализмъ литературный... Ясно, что и печать вмѣстѣ съ человѣкомъ будетъ тяготѣть къ центрамъ, городамъ, а провинціи должны оставаться вдовствующими во всѣхъ отношеніяхъ“.

Правда, эти жестокіе по своей категоричности выводы были обставлены въ статьѣ Д. Л. Мордовцева многими ограниченіями и даже прямо противорѣчіями. Между прочимъ, статья заключала въ себѣ интересныя указанія на существованіе цѣлыхъ шести замѣтныхъ фракцій труже иковъ провинціальнаго слова, работамъ которыхъ самъ авторъ придавалъ большое значеніе. Уже одно это указаніе довольно краснорѣчиво, особенно же въ связи съ фактомъ существованія такихъ провинціальныхъ изданій, какъ „Камско-Волжская Газета“ въ Казани, „Донъ“ въ Воронежѣ, „Азовскій Вѣстникъ“ въ Таганрогѣ, „Сибирь“ въ Иркутскѣ, „Кіевскій Телеграфъ“ въ Кіевѣ и нѣсколько другихъ, доказавшихъ свою полную жизнеспособность при условіяхъ болѣе тяжелыхъ, чѣмъ условія столичной печати.—Изъ этого видно, сколько утекло воды съ тѣхъ поръ, когда Гацискій спрашивалъ съ отчаяніемъ: „неужели

не найдется у насъ 2—3 сотрудниковъ для газеты", когда спорили о самой возможности какого-либо матеріала для губернскаго изданія... Тѣмъ не менѣе вопросъ опять ставился принципіально, и во многихъ мѣстахъ своей статьи Д. Л. Мордовцевъ предсказываетъ поглощеніе и смерть областному печатному слову. Правда, онъ признаетъ возможность того, что когда-нибудь процессъ централизаціи превратится въ обратный, и тогда литература хлынетъ въ провинцію,—но тутъ-же прибавляетъ, что „это едва-ли когда-нибудь случится". Затѣмъ онъ указываетъ факты роста и успѣха провинціальныхъ изданій, но считаетъ ихъ случайными и неимѣющими ближайшаго будущаго. Самое закрытіе „Камско-Волжской Газеты" онъ объясняетъ не внѣшними причинами, а тѣмъ, что газета взялась судить о вопросахъ, которые подобаетъ вѣдать только печати столицъ... Затѣмъ, онъ кончаетъ ссылками на указанныя уже мною мнѣнія А. С. Гацискаго, какъ на авторитетное признаніе ограниченности задачъ и сферы дѣйствія провинціальныхъ изданій.

Полемика, возникшая по этому поводу, безъ сомнѣнія, памятна еще очень многимъ. Статья г. Мордовцева, написанная слишкомъ наскоро и довольно сбивчиво въ отношеніи главной мысли, однако нелишенная той талантливой и раздражающей яркости, которая вообще присуща этому писателю, задѣла - можетъ быть, неожиданно для самаго автора—цѣлую серію смежныхъ вопросовъ. Впослѣдствіи споръ локализировался и принялъ форму діалога между „Отечественными Записками" (Н. К. Михайловскій) и „Недѣлей".

Безъ сомнѣнія, всякому, кто пожелаетъ изучить настроеніе и главныя теченія мысли въ 70-хъ годахъ, этотъ полемическій эпизодъ доставляетъ очень много интереснаго и живого еще и нынѣ матеріала. Для насъ, однако, интересна та сторона его, гдѣ онъ касается предмета настоящей статьи, т. е. судебъ провинціальнаго слова... Въ этомъ отношеніи любопытны уже тѣ размѣры, какіе внезапно приняла полемика. Оказалось, что такъ или иначе, гдѣ ползкомъ, гдѣ ничкомъ, прямо или обходами и хитростями, провинціальная пресса всетаки уже заняла свое мѣсто въ русской жизни, и необыкновенный шумъ, раздавшійся послѣ статьи Д. Л. Мордовцева между прочимъ въ провинціи, обнаружилъ присутствіе, въ качествѣ живого и задорнаго факта, того самаго явленія, въ самой возможности котораго еще такъ недавно сомнѣвались даже писатели. Кромѣ столичныхъ газетъ, въ полемикѣ приняли участіе провинціальныя, начиная „Воронежскимъ Телеграфомъ" и кончая далекой „Сибирью". Казань выступила какъ разъ въ это время съ „Первымъ Шагомъ", заключавшимъ, между прочимъ, также и пылкую, хотя и нѣсколько наивную отповѣдь Д. Л. Мордовцеву, и послѣдній въ своемъ отвѣтѣ („Quos ego!", „Дѣло", 1876, кн. 5-я) приводитъ даже выдержки по тому же предмету изъ газеты „Правда", издававшейся въ Галиціи. А. С. Гацискій выступилъ въ свою очередь съ брошюрой „Смерть провинціи или нѣтъ", которая сразу заняла центральное положеніе среди голосовъ полемизировавшей провинціи и способствовала широкой извѣстности литературнаго имени А. С. Гацискаго въ гораздо большей степени, чѣмъ вся его преды-

лущая кропотливая работа. Въ этой брошюрѣ съ нѣкоторой умѣренностью, но въ другихъ изданіяхъ съ значительною рѣзкостью и задоромъ пишущая провинція заявляла уже не только о своемъ правѣ голоса, но въ иныхъ случаяхъ о правѣ голоса преимущественнаго, какъ голоса областнаго, какъ выраженія непосредственной жизни страны,—„земли", вопіющей противъ канцелярской и бюрократической рутины столицъ. Провинціальный писатель, въ душѣ котораго накопилось много горечи, далеко, разумѣется, не безпричинной,—теперь изливалъ ее, задѣтый обмолвкой Д. Л. Мордовцева, на ни въ чемъ неповиннаго столичнаго собрата. Въ этомъ, конечно, было много наивнаго. Между прочимъ, въ своей брошюрѣ А. С. Гацискій упоминаетъ объ одномъ изъ своихъ друзей, выражавшемъ готовность принести клятву Аннибала въ вѣчной враждѣ къ столичной прессѣ. „Литераторъ-обыватель" въ «Первомъ Шагѣ» звалъ самого Мордовцева доказать искренность своихъ симпатій къ областной прессѣ, бросивъ столицы для того, чтобы работать только въ провинціальныхъ изданіяхъ. Самъ А. С. Гацискій въ это время, да и послѣ, любилъ прибѣгать къ сравненію петербургскихъ писателей съ департаментскими чиновниками, а провинціальныхъ—съ „волжскими бурлаками".

Какъ бы то ни было, этотъ шумливый эпизодъ былъ уже послѣднимъ, въ которомъ вопросъ о правѣ провинціальной прессы на существованіе ставился принципіально.

Д. Л. Мордовцевъ отступилъ передъ натискомъ, и еще нѣсколько лѣтъ назадъ напечаталъ въ газетахъ полупокаянное обращеніе къ Гацискому, въ которомъ заявлялъ, что ошибся, что радуется своей ошибкѣ и даже (выражаясь своеобразнымъ полуархаическимъ стилемъ автора) имѣетъ „патентъ радованія", выданный ему благодушнымъ противникомъ А. С. Гацискимъ, піонеромъ все растущаго областнаго слова...

Теперь едва-ли нужно доказывать, что вопросъ о печати въ провинціи не есть вовсе вопросъ исключительныхъ талантовъ. Рѣчь идетъ не о провинціальныхъ Шекспирахъ и Пушкиныхъ, потому-что Шекспиры и Пушкины по самому существу—явленіе всемірное въ одномъ, всероссійское—въ другомъ случаѣ. Если и несомнѣнно, что крупныя рыбы стремятся и будутъ стремиться въ моря, то несомнѣнно также, что и рѣки не остаются безъ своего населенія.

VI.

Такъ закончилась эта характерная полемика, вынесшая имя Гацискаго изъ областной полуизвѣстности въ ту область, гдѣ это имя стало извѣстнымъ почти каждому читающему русскому человѣку, какъ имя „піонера провинціальной печати". Обращаясь собственно къ литературной характеристикѣ покойнаго въ тѣсномъ смыслѣ слова, приходится сказать съ грустью, что послѣ 35-лѣтней литературной работы онъ не оставилъ всетаки трудовъ,

на которыхъ въ особенности покоилась бы его литературная извѣстность. Исторія его издательства похоронила въ безвѣстной могилѣ плоды десятилѣтнихъ ухищреній и усилій. Историческія работы А. С. Гацискаго, обнаруживавшія изумительную память и детальное знакомство съ исторіей края, носили всегда характеръ случайныхъ замѣтокъ и справокъ, слишкомъ спеціальныхъ, а порой представляли просто сырой матеріалъ. Таковъ его „Нижегородскій Лѣтописецъ"—сводъ четырехъ варіантовъ рукописной лѣтописи Нижняго-Новгоро:а. Затѣмъ мы имѣемъ еще нѣсколько статей историческаго содержанія, напечатанныхъ въ „Нижегородскихъ сборникахъ" („На Сундовикѣ, въ Жарахъ и на Сити-на-рѣцѣ" и др.). Это—разсказы о поѣздкахъ Гацискаго для ученыхъ изысканій,—въ одномъ случаѣ мѣста битвы на Сити, въ другомъ—могильнаго памятника кн. Пожарскаго, въ третьемъ—для раскопокъ кургана въ одномъ изъ уѣздовъ Нижегородской губ. Всѣ эти замѣтки написаны въ томъ своеобразномъ стилѣ, образецъ котораго далъ нѣкогда покойный Погодинъ (между прочимъ тоже ѣздившій на берега Сити съ тою-же цѣлью), и со всей непосредственностью кабинетнаго труженика, на котораго всякая мелочь полей, проселочныхъ дорогъ и сельскаго быта производитъ необыкновенно яркое и сильное впечатлѣніе. Свѣтъ солнца, облако, дорожная встрѣча и пѣніе птицы на вѣткѣ придорожной березы—все это покойный заносилъ въ свой путевой дневникъ, пересыпая эти описанія множествомъ детальныхъ замѣчаній историческаго и этнографическаго характера, которыя обнаруживали необыкновенныя познанія въ бытовой области мѣстной жизни, но которыя вмѣстѣ съ тѣмъ являлись случайно, несвязанныя никакой внутренней связью ни съ предметомъ статьи, ни другъ съ другомъ. Что касается до чисто историческихъ результатовъ этихъ изысканій, то они оказывались болѣе чѣмъ скудными: точное опредѣленіе мѣста татарскаго погрома осталось подъ такими-же сомнѣніями, какъ и послѣ поѣздки Погодина; курганъ оказался натуральнымъ, а могильная плита Пожарскаго—простымъ булыжникомъ, на которомъ пастухи нацарапали что-то посредствомъ гвоздя.

О характерѣ „Нижегородскаго сборника"—капитальнаго и многолѣтняго труда покойнаго Гацискаго,—я скажу еще ниже. Пока отмѣчу только, что самъ онъ, какъ писатель, участвовалъ въ немъ предисловіями и нѣсколькими статьями, въ родѣ упоминаемыхъ выше. Затѣмъ приходится упомянуть о „Нижегородскомъ театрѣ", представляющемъ матеріалъ для исторіи театральнаго дѣла въ Россіи, съ характеристиками игры забытыхъ давно артистовъ, затѣмъ „Нижегородку"—нѣчто въ родѣ путеводителя по Нижнему, и „Люди нижегородскаго Поволжья"—маленькій сборникъ біографій, подобранныхъ тоже довольно случайно.

Вотъ то, что остается послѣ А. С. Гацискаго. Передо мной лежитъ еще библіографическій списокъ, составленный самимъ Гацискимъ съ необыкновенной аккуратностью. И чего только нѣтъ въ этомъ спискѣ! И исторія, и этнографія, и беллетристика, и летучая отмѣтка газетнаго хроникера, и печатная докладная записка по чисто дѣловому вопросу и даже—стихотвореніе!

Наконецъ, когда послѣ его смерти я приступилъ, по просьбѣ близкихъ лицъ, къ обозрѣнію его бумагъ, меня охватило какое-то жуткое чувство, близкое къ ужасу при видѣ этой необъятной массы сырого матеріала, которою покойный окружилъ себя при жизни. Вырѣзки изъ газетъ, историческія брошюры, съ отмѣтками на поляхъ и подготовленныя для извлеченій, тетради съ различными выписками, столбы записныхъ книжекъ и затѣмъ—тучи отдѣльныхъ листковъ, исписанныхъ торопливымъ и мелкимъ, какъ бисеръ, почеркомъ. „Я собираю и классифицирую матеріалъ такъ, какъ будто мнѣ предстоитъ работать до 80 лѣтъ“,—говорилъ покойный. Но мнѣ кажется, что для этого моря литературнаго сырья не хватило бы десяти жизней, и невольное жуткое чувство проникало въ душу, при видѣ этой пучины, поглотившей даровитаго, но одинокаго труженика...

Въ этомъ истинно-трагическая судьба людей того интеллигентнаго типа, къ которому принадлежалъ Гацискій. Они брались за все, должны были растрачивать свои дарованія въ областяхъ, часто имъ несродныхъ, утопали въ непосильной борьбѣ съ надвигавшимся со всѣхъ сторонъ матеріаломъ, но всетаки выполняли свою особенную миссію.

Это была миссія „литератора-обывателя“ въ лучшемъ значеніи этого слова.

Типъ этотъ теперь уже сходитъ со сцены, и недаромъ Гацискій въ послѣдніе годы почти не участвовалъ въ текущей литературѣ. Онъ чувствовалъ инстинктивно, что его роль сыграна и его дѣло сдѣлано. Онъ видѣлъ, какъ изъ того эмбріона, который представляла собой его „нераздѣленная“ тридцатилѣтняя работа, выдѣлилось въ одну сторону систематическое, вооруженное всѣми средствами науки изслѣдованіе народной жизни, въ видѣ почвенныхъ изслѣдованій и земской статистики, какъ съ другой на смѣну ему приходили провинціальные публицисты новаго типа, успѣвшаго, изъ многихъ зависимостей, скинуть съ себя хоть одну, опутывавшую дѣятельность литератора-обывателя.

Въ той полемикѣ, о которой я говорилъ выше, провинціальные писатели любили останавливаться на специфическихъ отличіяхъ писателей провинцій и сотрудниковъ столичныхъ изданій. Мы видѣли, что А. С. Гацискій съ добродушной наивностью любилъ изображать себя „волжскимъ бурлакомъ“, какъ бы въ противоположность „департаментскимъ чиновникамъ“ петербургской прессы, и въ предисловіи къ одному изъ своихъ сборниковъ онъ говоритъ, что отъ радости густо смазалъ свои волосы квасомъ и надѣлъ по-праздничному сапоги бураками. Казанскій литераторъ-обыватель, въ сборникѣ „Первый Шагъ“, съ безсознательной мѣткостью коснулся еще одной черты, выгодно, по его мнѣнію, отличающей писателей-областниковъ. „Мы,—писалъ онъ,—относимся къ литературѣ безкорыстно. Вы получаете отъ нея, мы на нее тратимъ Вы пишете, чтобы жить, мы живемъ, чтобы писать“.

Н. К. Михайловскій очень остроумно парировалъ сравненіе Гацискаго. Петербургскій писатель далеко не всегда и, пожалуй, даже довольно рѣдко служитъ въ департаментѣ. Съ другой стороны, провинціальный писатель довольно часто служитъ въ канцеляріи губернатора или въ казенной палатѣ. Такимъ образомъ, петербургскій писатель съ такимъ же правомъ можетъ считать себя петербургскимъ крючникомъ, какъ и провинціальный—волжскимъ бурлакомъ. Дѣло, очевидно, не въ томъ, *гдѣ* пишетъ тотъ и другой, а лишь въ томъ, чьимъ интересамъ отдаетъ онъ свое перо...

Это, безъ сомнѣнія, совершенно справедливо и бьетъ въ самый центръ вопроса; но при этомъ остается, однако, въ полной силѣ отличіе, указанное литераторомъ-обывателемъ. Дѣло именно въ томъ, что петербургскій литераторъ не ходитъ въ департаментъ и именно потому, что не имѣетъ въ этомъ надобности, такъ какъ его уже кормитъ литература; между тѣмъ какъ провинціальная литература еще никого тогда кормить была не въ состояніи, и мнимый „волжскій бурлакъ", т. е. литераторъ-обыватель нашихъ провинцій, обязывался непремѣнно служить чиновникомъ особыхъ порученій у губернатора, чтобы кормить свое хилое дѣтище.

Только врядъ-ли это сравненіе служило къ выгодѣ провинціальной прессы. Правда, это обстоятельство налагаетъ особую черту безкорыстія и нѣкотораго идеализма на отношенія провинціальнаго писателя къ его газетѣ и вообще къ его изданію. Едва-ли до конца жизни А. С. Гацискаго такъ называемый литературный гонораръ составлялъ хоть сколько-нибудь замѣтную статью его бюджета. Наоборотъ, жалованіе чиновника особыхъ порученій при губернаторѣ Одинцовѣ въ значительной части навѣрное поглощалось нуждами изданія. Сколько мнѣ извѣстно, ни одно еще изъ изданій А. С. Гацискаго не окупилось и, значитъ, всѣ эти начинанія требовали затратъ, которыя не возвращались.

Такимъ образомъ,—и въ этомъ главное отличіе литератора-обывателя,—онъ не только жилъ, чтобы писать, но еще и *служилъ* для той же цѣли. Это трогательная черта для его характеристики. Но она же указываетъ на слабость и зависимость областной печати этого періода...

Если газета живетъ на средства, получаемыя изъ канцеляріи губернатора,—она поневолѣ и неизбѣжно подпадаетъ подъ косвенное вліяніе канцеляріи. Если средствомъ для ея существованія является жалованіе городского головы,—она опять невольно будетъ, если не говорить, то молчать въ зависимости отъ партійныхъ соображеній. И только газета, которая не кормится отъ стороннихъ источниковъ, а сама даетъ средства своимъ работникамъ, является органомъ независимаго мнѣнія, той новою силою, которая, имѣя собственную точку опоры, дѣйствительно движетъ и поворачиваетъ окружающій ее міръ частныхъ, своекорыстныхъ интересовъ... Правда, и теперь провинціальная пресса еще далека отъ этого положенія... и въ этомъ немало виновато ея прошлое: „торговый листокъ", даже погибшій вначалѣ, всетаки налагаетъ руку на ея будущее: она почти вся въ рукахъ

издателя-промышленника. Но провинціальный „писатель", отдавшійся нераздѣльно одной литературѣ, уже народился и ищетъ приложенія своимъ силамъ. Онъ бродитъ порой изъ города въ городъ, надѣется, подымаетъ значеніе той или другой газеты, разочаровывается и опять ищетъ, пристраивается и опять „выходитъ изъ газеты". Онъ повторяетъ собой прежнюю исторію „оживленія" губернскихъ органовъ, только роль прежнихъ администраторовъ играетъ теперь для него торгашъ и промышленникъ... Однако, это уже не относится къ нашему очерку..

VII.

И для того, что уже достигнуто, потребовалась работа, потребовалась жизнь цѣлаго поколѣнія, цѣлаго общественно-литературнаго типа ..

Въ исторіи каждой національной литературы есть непремѣнно періодъ такъ называемаго меценатства, своего рода паразитизма, когда, еще неокрѣпшая, она нуждается въ стороннемъ покровительствѣ и поддержкѣ. Провинціальная пресса, скромная и неблестящая, нашла его не при дворахъ и не во дворцахъ вельможъ. Ее, сиротливую и убогую, взялъ подъ свое покровительство, самъ далеко небогатый и неважный—литераторъ-обыватель. Онъ не получалъ отъ нея выгодъ и поддержки, наоборотъ, ее онъ долженъ былъ охранять, ее надо было поддерживать. Для нея-то онъ служилъ, чтобы охранять ее на два фронта: отъ предубѣжденій сверху, отъ равнодушія и часто косной враждебности снизу.

Такимъ именно литераторомъ-обывателемъ былъ и Гацискій. Въ тойже шутливой автобіографіи, которую я уже цитировалъ ранѣе, онъ такъ рисуетъ собственный портретъ: „съ годами старецъ Александръ все болѣе пріобрѣталъ душевнаго спокойствія, почерпаемаго въ нѣкоторой маніи къ нижегородо-вѣдѣнію и нижегородо-дѣланію: окруживъ себя нижегородскими книгами, картинами, планами, картами, иконами, онъ чувствуетъ себя, какъ рыба въ водѣ, птица въ воздухѣ, или „кротъ въ норѣ". Ступая по стогнамъ града и почти безошибочно опредѣляя встрѣчающихся ему на пути угольщиковъ изъ Красной Рамени, грушевниковъ изъ Сіухи. штукатуровъ изъ Бѣлгородья, столяровъ-пуреханъ изъ Жаровъ, онъ находитъ въ этомъ немалое удовольствіе. Считая вообще весь нижегородскій край своей научно-литературной вотчиной, закрѣпленной за нимъ нѣсколькими давностями спокойнаго и ненарушимаго владѣнія, изучая отдаленнѣйшія историческія эпохи во второй половинѣ дня,—онъ былъ бы идеально счастливъ, если бы,—такъ заканчиваетъ онъ эту свою исповѣдь,—жизнь не напоминала ему слишкомъ часто о несоотвѣтствіи идеаловъ 40-хъ годовъ, на которыхъ онъ воспитался, и 60-хъ, въ выработкѣ которыхъ участвовало и его поколѣніе, съ современною дѣйствительностью".

Не правда-ли, въ этихъ немногихъ штрихахъ—цѣлый бытовой типъ, весь окрашенный бытовою мѣстною окраской и крѣпко сросшійся со своей почвой. Легко представить себѣ, что „многія давности", въ теченіе кото-

рыхъ можетъ сложиться въ данной средѣ такой интеллектуальный образъ, не проходятъ напрасно и для данной среды. Онъ окрашенъ ею, но и она невольно принимаетъ кое-что отъ него. Одинокій свѣтъ его лампы, его затѣи, его работы—все это становится знакомымъ и близкимъ. И вотъ почему онъ могъ проводить въ обывательскую среду свое любимое, но еще безсильное и нищее дѣтище—литературу.

Вотъ онъ задумываетъ работу. Онъ знаетъ, что въ такихъ-то глухихъ углахъ живетъ учитель, священникъ, старикъ-управляющій... Они тоже, въ меньшихъ размѣрахъ—литераторы-обыватели. Одинъ любитъ записывать пѣсни, другой читаетъ старые документы, валявшіяся на церковной колокольнѣ. Третій ведетъ запись погодѣ, четвертый зачѣмъ-то каждый вечеръ, гусинымъ перомъ, заноситъ впечатлѣнія дня. Эти записи и эти впечатлѣнія ни къ чему не стремятся, ничего не имѣютъ въ виду. Они дѣлаются отъ полноты обывательскаго сердца, въ которомъ не исчезло еще смутное стремленіе къ выраженію смутныхъ мыслей. Они заносятся, какъ заносилъ въ прошломъ вѣкѣ одинъ изъ такихъ литераторовъ-обывателей, Болотовъ, все, что останавливало на себѣ его взглядъ или вниманіе въ Богородицкомъ захолустьи. Снѣгъ покрылъ поля и дороги, снѣгъ завалилъ деревья, снѣгъ мелькаетъ въ воздухѣ, къ усадьбѣ нѣтъ ни прохода, ни проѣзда. И вотъ литераторъ-обыватель пишетъ въ своемъ дневникѣ, четко выводя на синемъ листѣ заглавіе:

„О обильно выпавшемъ снѣгѣ".

Въ другой разъ проѣзжій ремонтеръ, человѣкъ бывалый и досужій, разсказываетъ о бѣломъ свѣтѣ, и Болотовъ, по его отъѣздѣ, прибавляетъ еще главу къ дневнику:

„О полячкѣ гордой и богатой".

Оказывается, такимъ образомъ, что обильно выпавшій снѣгъ поломалъ въ усадьбѣ деревья, и что полячка гордая и богатая живетъ въ Варшавѣ и что къ ней часто ѣздитъ въ гости Понятовскій. Что изъ этого? Снѣгъ въ усадьбѣ, а вдалекѣ, въ шумномъ свѣтѣ—полячка; между этими двумя фактами, изъ которыхъ рѣшительно ничего не слѣдуетъ, бьется въ тоскѣ замирающая человѣческая мысль, не находящая выхода...

И вотъ является человѣкъ, который даетъ исходъ этому броженію тоскующей мысли. Оказывается, что старыя бумаги, валявшіяся на колокольнѣ, интересны и даже подлежатъ опубликованію въ трудахъ архивной комиссіи, основанной и предсѣдательствуемой Гацискимъ. Оказывается, что пѣсни принимаются съ благодарностью статистическимъ комитетомъ, въ которомъ секретарствуетъ все тотъ же Александръ Серафимовичъ. Оказывается, что и обывательская тоска, и обывательское негодованіе, и желаніе лучшаго—все можетъ найти мѣсто въ газетѣ. Оказывается, однимъ словомъ, что все это идетъ въ дѣло, что все направляется къ такой-то цѣли, что всѣ смутныя движенія обывательской мысли, надъ которыми смѣялись, какъ надъ чудачествомъ, куда-то годятся... И вотъ въ углахъ объ этомъ

говорятъ, этому удивляются, потомъ въ свою очередь начинаютъ чинить перья и на вопросъ о причинѣ необыкновенныхъ предпріятій отвѣчаютъ:

— Хочу тоже... Александру Серафимовичу кое-что... о нашей жизни...

А Александръ Серафимовичъ начинаетъ огромный трудъ, безъ работниковъ, безъ средствъ, съ одной надеждой и вѣрой въ свое дѣло. И, смотришь, растутъ десять томовъ этнографическаго сборника. Откуда-то явились молодые люди, которые именемъ А. С. Гацискаго разъѣзжаютъ по усадьбамъ, по церковнымъ домамъ, по глухимъ деревушкамъ. Пишутъ священники, пишутъ самоучки-крестьяне, царапаетъ что-то о своей нуждѣ полуграмотный кустарь. Сначала статистическій комитетъ принимается печатать все то, что набирается съ разныхъ сторонъ. Потомъ у него уже не хватаетъ средствъ,—Александръ Серафимовичъ говоритъ въ городской Думѣ о важности познанія своей родины. Если бы это говорилъ человѣкъ со стороны, какой-нибудь спеціалистъ-литераторъ, то обыватель пожалуй готовъ бы былъ закричать караулъ, подозрѣвая, что его вовлекаютъ въ государственное преступленіе. Но говоритъ Александръ Серафимовичъ, товарищъ городского головы,—и обыватель даетъ пособіе. Потомъ, когда и этого не хватаетъ, А. С. говоритъ о важности родиновѣдѣнія въ земствѣ. А въ земствѣ сидитъ волостной писарь, который уже кое-что посылалъ въ „вѣдомости", сидитъ священникъ, который очень уважаетъ Александра Серафимовича, сидитъ гласный, котораго А. С. будетъ тоже выбирать куда-нибудь, —и опять учено-литературное предпріятіе получаетъ пособіе. А затѣмъ оказывается, что въ практическомъ вопросѣ Александръ Серафимовичъ засыпалъ противника данными, почерпнутыми изъ изслѣдованія. И обыватель самъ начинаетъ раскрывать книгу...

Такъ постепенно совершается эта работа,—и дремавшая мысль, и заснувшіе умственные запросы просыпаются къ жизни. Является книга, является корреспондентъ, а за ошеломляющей захолустье корреспонденціей идетъ въ газету читатель... Цѣлая жизнь, работа десятковъ лѣтъ потребовались для этихъ результатовъ,—но что жъ изъ этого! Въ каждой области, въ каждомъ губернскомъ городѣ есть свой Гацискій, бо́льшихъ или меньшихъ размѣровъ. Въ Нижнемъ—это былъ Александръ Серафимовичъ, въ Казани—Агафоновъ, въ Перми—Смышляевъ, въ Саратовѣ, Астрахани, Твери, Воронежѣ, Симбирскѣ—всюду есть свои Гацискіе, дѣлающіе такъ же и то же дѣло...

Намъ нужна, намъ настоятельно необходима областная печать, и теперь это ощущается особенно ясно. Жизнь необыкновенно усложняется, и, каково бы ни было направленіе нашей государственной дѣятельности, никто не сомнѣвается, что для ея успѣха необходимо живое и сочувственное отношеніе всѣхъ слоевъ общества. Между тѣмъ и вглубь и вширь мы, несмотря на свое прославленное даже въ учебникахъ единство, въ сущности далеко не едины. Не говоря о малограмотномъ народѣ, хранящемъ допотопныя понятія о самыхъ основаніяхъ нашего гражданскаго строя, Россія

такъ необъятна вширь, что всякая государственная идея, какъ бы живо она ни сознавалась въ центрахъ, рискуетъ замереть прежде, чѣмъ дойдетъ до окраинъ. Начиная отъ внутреннихъ губерній Европейской Россіи, чутко вздрагивающихъ при каждомъ новомъ „вѣяніи“ изъ центровъ, и кончая сѣверо-востокомъ Сибири, занятымъ „несовершенно-подданными“ (по опредѣленію Свода Законовъ) чукчами, которые не испытываютъ уже ни въ какой мѣрѣ вліяніе нашей культуры и нашего государственнаго права,— наше отечество похоже на гиганта, вяло раскинувшагося на огромномъ пространствѣ, съ отекшими членами, не проводящими къ оконечностямъ нервныхъ токовъ отъ центра. И это-то мы называемъ нашимъ единствомъ, и при этомъ мы боимся не инертности, а слишкомъ будто бы быстраго прогресса. Между тѣмъ, никакіе воображаемые сепаратизмы, никакія областныя учрежденія со всѣмъ разнообразіемъ ихъ мѣстныхъ особенностей не могутъ доставить нашему единству, нашему дальнѣйшему гармоническому развитію тѣхъ поистинѣ устрашающихъ препятствій, какія ставятся этой инертностью нашего государственнаго организма, этой бездѣятельностью его областей.

И вотъ почему всякій очагъ живой мѣстной мысли, который пытается провести въ своемъ уголкѣ общую идею, общія свѣдѣнія, который направляетъ дремлющее вниманіе далекаго захолустья на тѣ же предметы, о которыхъ думаютъ и говорятъ въ центрахъ общей жизни отечества, который будитъ гражданскіе интересы и чувства, направляя ихъ на вопросы общаго блага, является прежде всего могучимъ органомъ объединенія и развитія. И вотъ почему вопросъ о будущемъ освобожденіи областнаго слова является для нашего огромнаго отечества настоятельнымъ и насущнымъ.

Но если это такъ, если наше отечество сдѣлало въ этомъ направленіи такой шагъ, послѣ котораго самые вопросы, надъ рѣшеніемъ которыхъ приходилось биться предыдущему поколѣнію, перестали быть вопросами и стали фактомъ; если теперь въ провинціи уже есть своя пресса, если въ ней то-и-дѣло закипаетъ уже систематическое изслѣдованіе, если на смѣну литератора-обывателя приходитъ новый типъ писателя,—независимаго работника уже отдѣленнаго литературнаго труда; если, наконецъ, мы близки къ тому времени, когда предубѣжденіе противъ провинціальнаго печатнаго слова окончательно разрушится,—то этимъ въ весьма значительной степени мы будемъ обязаны разностороннимъ усиліямъ „Литератора-обывателя“, который заслужилъ всею своею одинокой и самоотверженной работой вѣчную и благодарную память...

Вл. Короленко.

ВОСПОМИНАНІЕ

объ Александрѣ Серафимовичѣ Гацискомъ*).

Рѣдѣютъ силы между нами
И гаснутъ свѣтлые огни...

.... Послѣ первыхъ дней скорби, вызванной кончиною *Александра Серафимовича Гацискаго*, совершенно неожиданною для многихъ товарищей его и почитателей, наступило время собрать хотя въ небольшомъ очеркѣ все, что сохранила память объ этомъ весьма рѣдкомъ и глубоко-симпатичномъ человѣкѣ.

Нижегородская губернія дала русскому обществу не мало видныхъ дѣятелей на поприщѣ науки, литературы и мысли. Назовемъ тѣхъ изъ нижегородцевъ, болѣе или менѣе близкихъ къ современной намъ эпохѣ, имена которыхъ подвернулись случайно на память: Николай Ивановичъ *Лобачевскій*, знаменитый геометръ († 1856 г.), достойный памятникъ которому съ большимъ торжествомъ открытъ 1 сентября 1896 года въ Казани, на скверѣ его имени, противъ зданія университета; Василій Павловичъ *Васильевъ*, синологъ, заслуженный профессоръ петербургскаго университета и ординарный академикъ; Степанъ Васильевичъ *Ешевскій*, историкъ, бывшій профессоръ казанскаго, а потомъ московскаго университета († 1865); Константинъ Николаевичъ *Бестужевъ-Рюминъ*, историкъ, бывшій профессоръ петербургскаго университета и ординарный академикъ; нижегородскій мѣщанинъ Осипъ Антоновичъ *Больцани*, ординарный профессоръ физики казанскаго университета, умершій въ 1876 г. (бумага объ исключеніи нижегородскою городскою Думою изъ податного оклада нижегородскаго мѣщанина Осипа Больцани послѣдовала Совѣту казанскаго университета отъ 1 ноября 1844 г. за № 3826): Мемнонъ Петровичъ *Петровскій*, славистъ, бывшій ординарный профессоръ казанскаго университета, ученикъ и преемникъ славнаго Григоровича; Павелъ Ивановичъ *Мельниковъ* (Андрей Печерскій), столь извѣстный беллетристъ-этнографъ, авторъ разсказовъ: „Въ лѣсахъ“ и „На горахъ“

*) Настоящій очеркъ былъ напечатанъ въ „Волжскомъ Вѣстникѣ“ 1893 года. Теперь онъ является въ значительно дополненномъ видѣ. Фактическія данныя о родителяхъ Гацискаго и его дѣтствѣ сообщены автору очерка самимъ Александромъ Серафимовичемъ въ письмахъ отъ 29 октября 1875 и отъ 9 января 1876 г.

(† 1883 г.); протоіерей Платонъ Егоровичъ *Заринскій*, очень почтенный казанскій археологъ († 1881 г.); Викторъ Константиновичъ *Савельевъ*, казанскій нумизматъ († 1882 г); Николай Александровичъ *Добролюбовъ*, извѣстный критикъ, сотрудникъ „Современника", основатель и редакторъ „Свистка" († 1861); Петръ Дмитріевичъ *Боборыкинъ*, русскій романистъ; Константинъ Викторовичъ *Лаврскій*, извѣстный писатель и публицистъ, проживающій въ Казани, и множество иныхъ, въ числѣ коихъ встрѣчаются имена пріобрѣвшихъ извѣстность простолюдиновъ, вродѣ Кулибина, Завьялова, Вырыпаева и друг.

Александръ Серафимовичъ хотя не былъ нижегородскимъ уроженцемъ (онъ родился въ Рязани 30 мая 1838 года), но, живя въ Нижнемъ-Новгородѣ съ раннихъ дѣтскихъ лѣтъ, онъ такъ сроднился съ нимъ, что въ кружкѣ людей, знавшихъ покойнаго, давно сложилось убѣжденіе, что Гацискаго трудно было представить безъ Нижняго, и Нижній—безъ Гацискаго. Это былъ мѣстный патріотъ-исторіографъ изслѣдовавшій всю губернію вдоль и поперекъ, изучившій ее до мельчайшихъ подробностей, знавшій жизнь нижегородскаго Поволжья во всѣхъ ея проявленіяхъ: археологическомъ, историческомъ, экономическомъ, юридическомъ, интеллектуальномъ, бытовомъ. Даже такой крупный знатокъ жизни нижегородскаго края, какъ Андрей Печерскій, и тотъ прибѣгалъ нерѣдко къ компетенціи Александра Серафимовича по нѣкоторымъ вопросамъ, касавшимся мѣстной культуры.

Будучи нижегородцемъ отъ головы до пятокъ и вполнѣ русскимъ по духу и убѣжденіямъ, А. С. Гацискій былъ, однако же, литовскаго происхожденія и принадлежалъ къ лютеранскому вѣроисповѣданію. Отецъ его, Серафимъ Петровичъ Дахновичъ-Гацискій, кончившій курсъ въ виленскомъ университетѣ, былъ врачъ. Онъ долго служилъ въ Малороссіи, потомъ жилъ въ Рязани и, наконецъ, переселился (въ 1847 году) въ Нижній-Новгородъ, гдѣ и сложилъ свои кости лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Серафимъ Петровичъ былъ сынъ знатнаго и когда-то очень богатаго дворянина западнаго края, владѣльца живописнаго имѣнія „Гацищи" *), новогрудскаго уѣзда, минской губерніи, который всю свою жизнь занимался псовою охотою. Онъ любилъ широко и весело пожить, вслѣдствіе чего прекрасное имѣніе его продано было чуть-ли не съ молотка Дѣти его остались безъ всякаго наслѣдства, такъ что всю заботу, какъ о своей будущности, такъ и о судьбѣ семерыхъ сестеръ-дѣвицъ, Серафимъ Петровичъ долженъ былъ нести на своихъ плечахъ. Благодаря природному уму, благородному и уживчивому характеру и неустанному трудолюбію, Серафимъ Петровичъ преодолѣлъ всю тяжесть сцѣпившихся обстоятельствъ и вышелъ побѣдителемъ изъ неравной борьбы. Живя уроками, онъ окончилъ курсъ виленской гимназіи, а за нею и мѣстнаго университета и поступилъ на службу. Свободный и благодѣтельный трудъ врачевателя физическихъ недуговъ человѣка былъ всегда любимѣйшимъ и единственнымъ занятіемъ его во всей жизни.

---

*) Въ фамильныхъ бумагахъ Александра Серафимовича есть свѣдѣніе, что имѣніе „Гацищи" пожаловано его предкамъ польскимъ королемъ Сигизмундомъ I.

Мать Александра Серафимовича имѣетъ болѣе сложную генеалогію. Она была уроженка Ревеля, нѣмка по воспитанію, француженка по происхожденію (съ материнской стороны). Дѣдъ ея, французскій графъ, игравшій видную роль при дворѣ Людовика XVI, послѣ казни этого короля, эмигрировалъ въ Россію, съ паспортомъ на имя какого-то чеха „Свободы", и поселился въ Ревелѣ, строго скрывая свою настоящую фамилію. Его дочь (родная бабушка Александра Серафимовича) во всѣхъ актахъ именовалась „Свободой". Родившись въ Ревелѣ, она выросла нѣмкой и вышла замужъ за нѣмца, драгунскаго маіора русской службы, принимавшаго участіе во всѣхъ походахъ 1807—1814 гг. и умершаго отъ ранъ. Дочь сего послѣдняго, выйдя за врача Серафима Петровича Дахновича-Гацискаго, была матерью Александра Серафимовича.

Первые годы супружества родители Гацискаго провели, какъ уже замѣчено выше, въ Малороссіи, среди хохловъ. Александръ Серафимовичъ иногда, смѣясь, говаривалъ въ кругу своихъ пріятелей, что въ развитіи его ума и сердца участвовали элементы: русскій—отъ няньки, имѣвшей на него большое воспитательное вліяніе (она умерла въ Нижнемъ въ 1867 г.), польскій—отъ отца, нѣмецкій—отъ матери, французскій—отъ учителя m-r Жако и малороссійскій—отъ воздѣйствія на характеръ родителей и его самого украинской жизни и природы, столь пламенно и страстно воспѣтой Гоголемъ и Тарасомъ Шевченко.

Въ 1849 году Александръ Серафимовичъ поступилъ во 2 классъ нижегородской гимназіи. О гимназическомъ періодѣ его жизни мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, но изъ университетскаго времени было вынесено много впечатлѣній, съ которыми покойный успѣлъ подѣлиться даже съ публикой, напечатавъ небольшой, посвященный этому времени очеркъ подъ заглавіемъ: „Страничка изъ жизни пятидесятыхъ годовъ" (см. «Казанскій Литературный Сборникъ» 1878 года, стр. 161—176). Въ гимназіи Гацискій кончилъ курсъ въ 1855 году.

„Отъ насъ, гимназистовъ, отбирали подписку объ избраніи рода жизни", говоритъ Александръ Серафимовичъ въ названномъ очеркѣ. „Кто записывался въ военную службу, кто въ гражданскую. Мнѣ почему-то очень нравился голубой студенческій воротникъ, и я, не колеблясь, написалъ, что желаю поступить въ университетъ. Но этого мало: начальство требовало назвать факультетъ. Я и тутъ нашелся: неумѣренно предаваясь стихоплетству и зная отъ нашего учителя словесности, что есть историко-филологическій факультетъ, я его и избралъ своимъ „родомъ жизни". Такое легкое опредѣленіе своего будущаго призванія дѣлалось такъ скоро потому, что передъ самымъ окончаніемъ курса мнѣ исполнилось всего 17 лѣтъ, и если теперешнюю молодежь иногда упрекаютъ въ чрезмѣрной практичности то мы ужъ вовсе были свободны отъ подобнаго упрека.

17 іюля сѣлъ я на буксирный пароходъ „Волна" (спеціально пассажирскіе пароходы тогда еще по Волгѣ не ходили) и былъ сильно польщенъ

тѣмъ, что ѣхавшій на немъ же въ Казань старый студентъ-медикъ Г. первый со мною познакомился и обращался какъ съ ровней. Узнавши, что я намѣренъ поступить на историко-филологическій факультетъ, Г. убѣдилъ меня (не помню ужъ какими доводами), что всего лучше избрать камеральный разрядъ юридическаго факультета.

На третій день къ вечеру увидали мы Казань. По дамбѣ, по которой теперь ходятъ кареты конно-желѣзной дороги, въ то время никто не ѣздилъ, предпочитая ей дорогу лугами. Мы наняли ломового извощика, сложили въ его телѣгу свои пожитки и усѣлись на нихъ. Поднявшись на Воскресенскую улицу, я оставилъ Г. и помѣстился въ номерахъ Акчурина (теперешній Hôtel de France), давши Г. слово быть у него на другой день часовъ въ 10 утра. До сумерекъ оставалось еще часа полтора, и потому я пошелъ прогуляться, но, увидавъ въ лавкахъ Гостинаго двора студенческія шпаги, не утерпѣлъ, купилъ себѣ это соблазнительное оружіе, магически превращавшее гимназиста-мальчишку въ студента, и, забывъ о прогулкѣ, пошелъ домой, провозившись вечеръ со шпагой.

У меня было нѣсколько рекомендательныхъ писемъ къ двоимъ-троимъ профессорамъ, частью товарищамъ моего отца по виленскому университету, частью знакомыхъ ему по экзамену его на званіе акушера, который онъ держалъ въ казанскомъ университетѣ за годъ передъ тѣмъ. Профессоръ К. принялъ меня очень радушно, продиктовалъ мнѣ самъ прошеніе, отослалъ его къ ректору и уговаривалъ переѣхать изъ номеровъ къ себѣ. Какъ только мнѣ объявили, что всѣ бумаги мои въ исправности, что я буду принятъ въ университетъ, я тотчасъ уѣхалъ обратно въ Нижній, такъ какъ до начала лекцій оставалось еще почти два мѣсяца.

Въ концѣ августа я снова пріѣхалъ въ Казань, написавши, конечно, по этому поводу множество раздирательныхъ стихотвореній. По пріѣздѣ въ Казань я аккуратно ходилъ на лекціи, посѣщалъ даже чтенія лектора французскаго языка де-Пляньи, аудиторія котораго была совершенно почти пуста. Знакомствъ съ студентами я не заводилъ, боясь оргій.

Камеральный разрядъ юридическаго факультета былъ смѣсью всевозможныхъ наукъ; рядомъ съ государственнымъ правомъ читалась ботаника, съ исторіей - зоологія, съ политической экономіей—химія и т. д. Я чувствовалъ большое нерасположеніе къ такой смѣси и въ первое же полугодіе подумывалъ о перемѣнѣ факультета, склоняясь къ чисто юридическому и еще болѣе къ историко-филологическому, на который „подписался" еще въ гимназіи. Но меня отговорилъ отъ моего желанія—кто бы могъ это подумать!—покойный В. И. Григоровичъ, котораго я встрѣтилъ однажды вечеромъ у бывшаго казанскаго почтмейстера Дубровскаго сидящимъ вмѣстѣ съ какимъ-то іеромонахомъ и толковавшимъ объ Аѳонѣ. Думаю, что мотивы свои Викторъ Ивановичъ, главнымъ образомъ, почерпнулъ, глядя на мою черезъ-чуръ юную и, какъ нѣкоторые выражались, „конфектную" физіономію, далеко не историко-филологическаго выраженія. Къ Виктору Ива-

новичу я чувствовалъ величайшее почтеніе, впослѣдствіи еще болѣе осмысленное, когда я съ нимъ имѣлъ случай довольно близко сойтись (около двухъ мѣсяцевъ я даже жилъ съ нимъ въ одной квартирѣ), и поэтому я безпрекословно слушался его и остался на камеральномъ, порхая вмѣстѣ съ своими товарищами изъ „Ивановской" аудиторіи въ химическую лабораторію, отъ С. В. Пахмана къ Н. П. Вагнеру и т. д. Н. А. Ивановъ, читавшій русскую исторію, произвелъ на меня какое-то странное впечатлѣніе: онъ еще пользовался своей прежней славой, и я положительно, какъ ни силился, не могъ увлекаться его лекціями, казавшимися мнѣ холодными, ходульными, но молчалъ, въ виду общаго поклоненія ему, которое, однако, мгновенно испарилось, когда со второго семестра его замѣнилъ у насъ С. В. Ешевскій, привлекшій въ свою аудиторію не только полный составъ своихъ обязательныхъ слушателей, но и медиковъ, никогда не появлявшихся въ такъ называемыхъ общихъ аудиторіяхъ.

Чтенія С. В. Пахмана (государственное право) или, вѣрнѣе сказать, философскіе термины, обильно разсыпанные въ этихъ чтеніяхъ, мнѣ донельзя нравились, такъ какъ я питалъ слѣпую привязанность къ философіи и даже находилъ какое-то необъяснимое удовольствіе въ чтеніи такихъ философскихъ сочиненій, которыя плохо понималъ.

Къ химіи я не чувствовалъ никакой склонности, но съ большимъ удовольствіемъ слушалъ (именно только слушалъ) лекціи А. М. Бутлерова, который такъ мастерски ихъ читалъ, что можно было слушать ихъ, какъ музыку. Такое слушанье имѣло для меня результатомъ полученіе на репетиціяхъ (передъ рождественской вакаціей) единицы. Чтобы поправиться, я сталъ заниматься, со второй половины полугодія, въ химической лабораторіи, но вплоть до экзаменовъ все добывалъ марганцовую кислоту и такъ и не добылъ... Посѣщалъ я также лекціи профессоровъ и не своего факультета: на нѣкоторыя ходилъ вслѣдствіе возбуждаемаго ими во мнѣ интереса (напримѣръ, къ В. И. Григоровичу), на другія—ради курьеза.

Моя уединенная жизнь продолжалась только въ теченіе перваго полугодія. Со второго я сошелся со многими товарищами и вошелъ во вкусъ тогдашняго студенческаго быта, преимущественно выражавшагося въ дружныхъ попойкахъ и въ ночныхъ прогулкахъ по улицамъ съ громкими пѣснями. Справедливость, однако, требуетъ сказать, что тому кружку, въ которомъ я вертѣлся, не были чужды, если не научные, то литературные интересы. Для меня лично развеселое студенческое житье умѣрялось еще тѣмъ, что я писалъ разныя студенческія сценки, стихи на случай и, кромѣ того, довольно аккуратно велъ свой дневникъ, сохранившійся въ видѣ объемистой тетради листовъ въ пятьдесятъ.... Мы сходились нерѣдко и для литературныхъ чтеній, на которыхъ читали и спорили о прочитанномъ; въ антрактахъ пѣли. Происходили у насъ иногда и научныя бесѣды, но преимущественно курьезнаго характера. Такъ, живо помню одну изъ нихъ. Мы уговорились бесѣдовать на тему. Темой была избрана слѣдующая: «О необходимости существованія въ государствѣ средняго сословія». Бесѣда

шла очень оживленно, держась преимущественно на остротахъ и неожиданныхъ сближеніяхъ и заключеніяхъ, и разрослась, отклонившись далеко въ сторону отъ заданной темы, до того, что кстати припомнилось замѣчаніе В. В. Морковникова (студента-натуралиста, который былъ потомъ профессоромъ химіи, сначала казанскаго, а потомъ московскаго университета), что, по Либиху, рюмка водки, выпитая передъ обѣдомъ, нисколько не возбуждаетъ аппетита...“

Эпоха пребыванія Александра Серафимовича въ казанскомъ университетѣ была переходною отъ старыхъ порядковъ къ новымъ, отъ кутежей и карцера къ интересамъ болѣе серьезнаго характера, о которыхъ въ прежнее время страшно бы было сдѣлать даже въ умѣ какое-либо представленіе. Прежде какую мертвечину ни прочти съ каѳедры, студенты (за весьма немногими счастливыми исключеніями) относились къ этому безучастно и апатично: тупо записывали, тупо зубрили. Одинъ изъ новыхъ профессоровъ словеснаго факультета вздумалъ было оживленностью своихъ лекцій возбудить умственную работу въ головахъ юныхъ слушателей, но—увы! всѣ розовыя мечты его разбились: такъ сильна была спячка на историко-филологическомъ факультетѣ передъ наступленіемъ новой эпохи. Отъ историко-филологическаго не отставалъ и юридическій факультетъ, съ своимъ пресловутымъ камеральнымъ отдѣленіемъ, давшимъ впослѣдствіи русской наукѣ не мало бездарныхъ профессоровъ (благодаря неразборчивой протекціи Киттары). Впрочемъ, лучшіе представители каѳедръ юридическаго факультета бѣжали изъ Казани въ другіе университеты. Такъ, А. Г. Станиславскій и С. В. Пахманъ ушли въ Харьковъ, а Д. И. Мейеръ—въ С.-Петербургъ. Это были одни изъ даровитѣйшихъ профессоровъ нашего университета. О послѣднемъ изъ нихъ даже люди до-потопнаго образа мыслей отзывались въ такихъ выраженіяхъ: „Дмитрій Ивановичъ Мейеръ былъ одинъ изъ самыхъ благороднѣйшихъ людей, какихъ только видали на каѳедрахъ своихъ русскіе университеты; имъ долженъ гордиться казанскій университетъ“. Профессоръ Станиславскій оставилъ по себѣ не менѣе славную память (въ концѣ 1868 года Антонъ Григорьевичъ снова перешелъ въ казанскій университетъ на каѳедру энциклопедіи права и пробылъ здѣсь до самой отставки своей, испрошенной имъ въ 1879 году. Онъ умеръ въ августѣ 1883 года).

Чтобы пробудить въ студентахъ словестникахъ и юристахъ интересъ къ наукѣ, нѣкоторые профессора употребляли иногда оригинальныя мѣры. Многіе изъ старыхъ студентовъ казанскаго университета, вѣроятно, помнятъ, какъ одинъ профессоръ (Гилярій Лукашевскій), послѣ долгой и тщетной попытки привлечь вниманіе слушателей къ важности идей, вложенныхъ въ основу читаемаго имъ курса, прибѣгнулъ къ слѣдующему довольно остроумному способу вразумленія: онъ, явясь на ступеняхъ каѳедры, быстро передвинулъ кресло, и, сѣвъ спиною къ слушателямъ, началъ чтеніе. Когда, послѣ нѣкотораго недоумѣнія, кто-то изъ студентовъ робко спросилъ профессора о причинѣ такого необычайнаго явленія, тотъ отвѣтилъ, что чи-

тать ему все равно: что имъ, что стѣнѣ. Такое уязвленіе не въ бровь, а въ глазъ отрезвило значительную часть университетской молодежи, но большинство попрежнему оставалось бездушно и искало развлеченія въ попойкахъ и скандалахъ.... Къ этому времени относится возникновеніе и той пѣсни, которая до сего времени не утратила своей популярности между казанскими студентами:

Гдѣ Варламій святой,
Съ золотой головой,
Межъ горѣлыхъ домовъ
Возвышается;

Гдѣ съ Казанкой-рѣкой,
Словно братецъ съ сестрой,
Грязный, тинный Булакъ
Обнимается,—

Отъ зари до зари,
Какъ зажгутъ фонари,
Вереницей студенты
Шатаются;

И ужъ какъ ни смотри,
Хоть ты въ оба, хоть въ три,
Не узнать, чѣмъ они
Занимаются.

А Варламій святой,
Съ золотой головой,
Сверху глядя на нихъ,
Улыбается.

Онъ бы радъ къ нимъ сойти,
Покутить безъ пути,
Да на старости лѣтъ
Не рѣшается.

Вскорѣ послѣ поступленія Александра Серафимовича въ казанскій университетъ начался въ жизни этого разсадника высшаго просвѣщенія періодъ обновленія, какъ мы уже упомянули объ этомъ раньше. Старое поколѣніе студентовъ смѣнилось новымъ, а между профессорами типы каменнаго вѣка и свайныхъ построекъ смѣнились представителями учености новѣйшей, только что народившейся культурной формаціи Предъявленія къ наукѣ иныхъ требованій не замедлили возникнуть на первыхъ же порахъ ... Къ сожалѣнію, на эти предъявленія взглянули не такъ, какъ ожидалось. Прошло еще нѣсколько времени—и открылся продолжительный и крайне печальный рядъ студенческихъ исторій....

Съ появленіемъ въ казанскомъ университетѣ новаго, свѣжаго контингента слушателей и самая поэзія студенческая приняла иное направленіе Въ ней уже не было мѣста воспѣванію трущобныхъ городскихъ закоулковъ,

въ темнотѣ которыхъ студенты любили пропадать на цѣлыя ночи. Содержаніе новой музы студентовъ посвящено было критической оцѣнкѣ современнаго состоянія университетской науки и личности ея преподавателей. Вотъ, въ видѣ образца, два студенческихъ стихотворенія этой эпохи, изъ которыхъ первое принадлежитъ перу студента *Карлина*, а другое — перу студента *Гацискаго* (Александра Серафимовича):

I.

Инспектору *Ланге*
Дѣлаетъ то честь,
Что часто ходитъ къ *Станге* [1]):
Узнать, кто тамъ есть.

***

Нашъ профессоръ *Фогель*
Дома, вечеркомъ,
Тянетъ гоголь-моголь
Иль чистѣйшій ромъ.

***

А *Поповъ* короткій,
Онъ-же интегралъ,
Сильно занятъ водкой,
Оттого и малъ.

***

Поповъ долговязый,
Онъ-же и монголъ [2]),
Подпираетъ разомъ
Потолокъ и полъ.

***

Мишенька *Славянскій*
Ходитъ пѣтушкомъ,
Изъ породы шпанской,
Съ краснымъ гребешкомъ.

***

Дядюшка *Ровинскій*
Мѐдаль получилъ,
Тѣмъ себя прославилъ,
А насъ удивилъ.

***

Профессоръ *Ивановъ*
Тянетъ сивалдай,

---

[1]) Старинный винный погребъ въ Казани, на Воскресенской улицѣ, содержавшійся нѣмцемъ Иваномъ Богдановичемъ *Станге*.

[2]) *Александръ Васильевичъ Поповъ*, профессоръ монгольской словесности, былъ высокаго роста, въ противоположность упоминаемому въ предыдущихъ строкахъ этого стихотворенія *Александру Федоровичу Попову*, профессору чистой математики, который былъ ростомъ очень малъ.

Выпьетъ хоть пять жбановъ,
Только подавай!...

***

Камбекъ фигуральный,
Философъ кривой,
Крикнетъ натурально:
„Точка съ запятой [8])“!

***

А Евграфъ *Осокинъ*
Говоритъ мастакъ:
Во рту словно каша,
А въ глазахъ столбнякъ.

***

И такъ далѣе.....

II.

Молодымъ либераламъ, профессорамъ Казанскаго университета.

Блаженъ мужъ, иже не иде
на совѣтъ нечестивыхъ....

***

Я—ій да *Больцани*,
Князь *Сутковскій* да *Козловъ*,
Да еще подобной дряни
Было множество головъ.

***

Филологи и юристы,
Всѣ, въ комъ совѣсть умерла,
Чьи сердца давно нечисты,
Чьи сомнительны дѣла.

***

Собралося это стадо
Подъ защитою штыковъ;
Съ ними былъ, какъ ждать и надо,
Психологъ и богословъ.

***

И засѣлъ совѣтъ лукавый
Въ домъ подъ сѣнію креста:
„ — Отпустить, кричитъ, Варраву
И замучить вновь Христа!

***

Все, что молодо, что смѣло,
Чей языкъ не льстивъ и строгъ,

---

[8]) *Логинъ Федоровичъ Камбекъ*, профессоръ римскаго права, имѣвшій обыкновеніе диктовать студентамъ свои лекціи, произнося при этомъ и знаки препинанія.

Въ комъ святая искра тлѣла,—
Всѣхъ въ изгнанье, иль въ острогъ!"

* *
*

Гдѣ-жъ вы были, молодые
Либералы, крикуны,
Вы враги не подкупные
Пресловутой старины?

* *
*

Что вы дѣлали?.... Ужели
Вслѣдъ за *Буличемъ* пошли,
Предъ *Больцани* онѣмѣли,
Съ княземъ дружбу завели.

* *
*

Или попъ пугнулъ васъ адомъ,
Или каторгой *Кремлевъ*,
Иль *Осокинъ* мутнымъ взглядомъ
И мычаніемъ безъ словъ?

* *
*

Или *Чебышевъ*, семействомъ
Удрученный через-чуръ;
Зедерштедтъ съ своимъ лакействомъ,
Иль *Сутковскій*-самодуръ?

* *
*

Въ чемъ найдете оправданье?
Или такъ же, какъ Пилатъ,
Рукъ нечистыхъ умыванье
Вы начнете всѣ сподрядъ?

* *
*

Тридцать сребренниковъ дали
Тамъ Іудѣ за Христа.
Вы, скажите,—сколько взяли,
Погубивши больше ста?

* *
*

Что-жъ молчите?.. Отвѣчайте,
Честныхъ гражданъ вожаки,
Иль во вражій станъ ступайте:
Васъ обнимутъ старики!...

Другія стихотворенія, относящіяся къ этому и послѣдующему времени, по тѣмъ или другимъ соображеніямъ, оглашенію въ печати не подлежатъ, за ненаступленіемъ для этого надлежащей поры. Равнымъ образомъ и самая характеристика внутренней университетской жизни этого періода должна быть предоставлена перу будущаго историка. Мы же на этомъ прерываемъ наше повѣствованіе о казанскомъ университетѣ въ связи съ пребываніемъ въ немъ Александра Серафимовича, тѣмъ болѣе, что послѣдній къ этому времени успѣлъ кончить въ немъ курсъ и уѣхать въ свой любезный Нижній. Послѣдуемъ и мы за нимъ туда.

А. С. Гацискій кончилъ курсъ юридическихъ наукъ въ казанскомъ университетѣ въ 1861 году. Здѣсь слѣдуетъ объяснить, почему, поступивши въ университетъ въ 1855 году, онъ кончилъ его не черезъ четыре года, какъ слѣдовало-бы, а черезъ шесть лѣтъ. Дѣло въ томъ, что, видя оскудѣніе ученыхъ силъ въ казанскомъ университетѣ (за уходомъ Мейера, Станиславскаго и Пахмана, о которыхъ упомянуто выше, этотъ университетъ покинули въ 1858 году еще три громкихъ имени: И. К. Бабстъ, С. В. Ешевскій и М. Я. Киттары), Александръ Серафимовичъ вздумалъ тоже. бросить Казань. Въ іюлѣ 1858 года онъ взялъ обратно свои документы и уѣхалъ въ Петербургъ, съ цѣлью поступить въ тамошній университетъ. Еще задолго до этого переселенія, симпатіи къ казанскому университету подорваны были въ Гацискомъ пріятелемъ его, студентомъ Боборыкинымъ, тоже воспитанникомъ нижегородской гимназіи, который, бросивъ казанскій университетъ, уѣхалъ въ Дерптъ (нынѣ Юрьевъ) и прислалъ оттуда длинное письмо, листахъ на десяти, адресованное всѣмъ студентамъ казанскаго университета. Въ письмѣ П. Д. Боборыкинъ (теперь очень извѣстный беллетристъ) громилъ казанщину, проводилъ параллель между Казанью и Дерптомъ. Письмо было написано мастерски; по большая часть студентовъ обидѣлась имъ, хотѣла отвѣчать, но отвѣта не послѣдовало. „Не отвѣчали обидѣвшіеся, по словамъ А. С. Гацискаго, потому, что нечего было отвѣчать, а обидѣлись потому, что правда колола глаза: не щадились профессора, за исключеніемъ, конечно, тѣхъ, о которыхъ нечего было сказать дурного; но не щадились и студенты съ ихъ бездѣльничаньемъ и повальными кутежами“ [1]) Вѣрную характеристику тогдашнихъ университетскихъ нравовъ въ Казани любопытные могутъ почерпнуть изъ книги Боборыкина „Въ путь-дорогу“. Гацискій говоритъ [2]), что „всякій студентъ казанскаго университета пятидесятыхъ годовъ, прочитавши относящіяся къ нимъ главы романа Боборыкина, вполнѣ сознаетъ, что картина, набросанная авторомъ, вѣрна тогдашней дѣйствительности и подробности ея нисколько имъ не преувеличены. Если студентовъ послѣдующаго времени часто укоряли въ томъ, что они вдаются въ занятія тѣми знаніями и предметами, которые должны быть удѣломъ болѣе взрослыхъ людей, то студентовъ описываемаго Боборыкинымъ времени можно было (въ огромномъ большинствѣ случаевъ) только укорить въ „отсутствіи“ стремленія къ какому-бы то ни было знанію. Профессора историко-филологическаго и юридическаго факультетовъ (за исключеніемъ двухъ-трехъ) отличались никакъ не тѣмъ, чтобы расширить рамки своего преподаванія, но, напротивъ, до крайности сами старались сузить и безъ того тѣсную и безцвѣтную програму своихъ чтеній. Нисколько не должно показаться удивительнымъ, если я скажу, что записывать лекціи такихъ профессоровъ не было никакой надобности: листки эти были очень четко и красиво составлены студентами лѣтъ пятнадцать раньше и, только затаскавшись и нѣсколько оборванные, переходили отъ одного универси-

---

[1]) См. „Казанскій Литературный Сборникъ“ 1878 г., стр. 171.
[2]) См. „Нижегородскія Губернскія Вѣдомости“ 1865 года, № 23.

тетскаго поколѣнія къ другому. Записывать же за профессоромъ считалось необходимымъ только тому студенту, который хотѣлъ „отличиться“; на самомъ-же дѣлѣ и подобный записыватель занимался этимъ пріятнымъ препровожденіемъ времени лишь для формы, и, приходя домой, преспокойно рвалъ свои гіероглифы, а къ экзамену готовился, конечно, по старымъ, уже готовымъ и отдѣланнымъ запискамъ, гдѣ безцеремонно было зачеркнуто то, что обыкновенно профессоромъ на экзаменѣ не спрашивалось, т. е. „музыка“, по тогдашнему выраженію, и, напротивъ, подчеркнуто то, на что онъ болѣе всего напиралъ....“

Въ петербургскомъ университетѣ Александръ Серафимовичъ пробылъ до конца 1859 года. Въ январѣ 1860 года онъ снова пріѣхалъ въ казанскій университетъ и оставался здѣсь до окончанія курса, помѣстившись на жительство въ зданіи астрономической обсерваторіи, въ квартирѣ директора оной, профессора-астронома М. А. Ковальскаго, который былъ женатъ на сестрѣ А. С. Гацискаго, Генріеттѣ Серафимовнѣ. Лѣто 1860 года Александръ Серафимовичъ провелъ за границей: жилъ 5 дней въ Ахенѣ, вмѣстѣ съ профессоромъ Ешевскимъ, и впродолженіи мѣсяца слушалъ лекціи берлинскихъ профессоровъ. Такимъ образомъ, потерявъ два года, благодаря перемѣщенію въ петербургскій университетъ, онъ въ 1861 году кончилъ курсъ, послѣ сильныхъ передрягъ, пережитыхъ въ этомъ году казанскимъ университетомъ вслѣдствіе студенческихъ волненій: весною—по случаю такъ называемой „Щаповской исторіи“, а осенью, въ октябрѣ мѣсяцѣ, по случаю такъ называемой „Вяземской исторіи“. Время это уже подвергалось въ печати обзору двухъ историковъ; но, къ сожалѣнію, оба обзора не отличаются правдивостью, потому что авторы усиленно старались скрыть истину. Эпоха эта ожидаетъ болѣе безпристрастнаго изслѣдователя, не способнаго къ намѣренному искаженію дѣйствительности....

Ко времени пребыванія А. С. Гацискаго въ петербургскомъ университетѣ слѣдуетъ отнести и начало его занятій литературою. Въ это время въ С.-Петербургѣ стала возникать усиленная журнальная дѣятельность и публицистика. Подгнивали вѣковые устои крѣпостничества. Повсюду раздавалось очень всѣмъ извѣстное тогда восклицаніе: „гуманность, цивилизація, прогрессъ!“ Этотъ петербургскій девизъ, повторяемый на тысячу ладовъ, какъ пѣсня „Соловья“ въ крыловской баснѣ, стремился заглушить собою другой девизъ, московскій, созданный лѣтъ за десять передъ этимъ временемъ графомъ С. С. Уваровымъ и который московскіе фарисеи, вродѣ извѣстнаго Хомякова, начертали тогда на своемъ знамени.... Время было самое кипучее. Куда ни взглянешь, вездѣ жизнь била стремительнымъ ключемъ, какъ весенняя вода послѣ продолжительной зимы. Каждый петербургскій прогрессистъ непремѣнною обязанностію считалъ, устремивъ въ упоръ глаза свои въ лицо встрѣчнаго и поперечнаго, продекламировать передъ нимъ:

Современный общественный дѣятель
Долженъ все подвигаться впередъ,
Какъ прогресса и разума сѣятель,
А не спать, какъ тупой идіотъ!...

Устыдися, душа ты канальская!
Ты иди-ка за мною, лѣнтяй,
Если есть въ тебѣ честь мало-мальская,
Поспѣшай, поспѣшай, поспѣшай! и т. д.

Мягкая и впечатлительная натура Александра Серафимовича не могла не поддаться обаянію тогдашней умственной ажитаціи, охватившей мыслящее русское общество не только въ столицахъ, но и въ самыхъ отдаленныхъ углахъ провинціи, когда катковскій „Русскій Вѣстникъ" ставилъ ребромъ передъ Дельфійскимъ оракуломъ такіе вопросы:

Брось твои иносказанья
И гипотезы пустыя,
На проклятые вопросы
Дай отвѣты мнѣ прямые:
Отчего подъ нашей крестной
Весь въ крови влачится правый?
Отчего вездѣ безчестный
Встрѣченъ почестью и славой? *).

Могъ-ли, говоримъ, юноша Гацискій, съ восторженными, чистыми чувствами оставаться безучастнымъ среди такого всеобщаго умственнаго оживленія. Онъ заперся въ своей каморкѣ, и на утро былъ готовъ сатирическій этюдъ: „*Изъ записокъ офицера*", который и былъ напечатанъ въ №№ 25 и 27 „Искры" Курочкина за 1859 годъ. Это было *первое литературное произведеніе* А. С. Гацискаго. За первымъ очеркомъ послѣдовалъ второй, за вторымъ третій и все въ той же „Искрѣ" и за тотъ же годъ.

Впрочемъ, интересно привести здѣсь разсказъ самого Александра Серафимовича о своей петербургской жизни описываемаго времени:

„.... Литературно-политико-общественное движеніе петербургскаго студенчества конца пятидесятыхъ годовъ задѣло меня всего сильнѣе одной своей стороной—литературной, не оставлявшей меня и на берегахъ Казанки и Булака, но выражавшейся тамъ, главнымъ образомъ, въ стихотворныхъ пѣсенкахъ элегическаго содержанія и стишкахъ, куплетцахъ и анекдотическихъ сценкахъ изъ студенческаго міра, дальше рукописныхъ тетрадокъ и товарищескаго кружка не заходившихъ... На берегахъ Невы зародилось во мнѣ непреодолимое желаніе „печататься".

„Искра" въ то время только-что появилась и сразу пріобрѣла блестящее положеніе. Я спалъ и видѣлъ, какъ-бы познакомиться съ Василіемъ Степановичемъ Курочкинымъ и попасть въ число его сотрудниковъ; послѣднее во мнѣ таилось въ глубинѣ души, въ формѣ самаго неопредѣленнаго и несбыточнаго мечтанія. Увидать Курочкина, но еще не познакомиться съ нимъ, помогъ мнѣ одинъ изъ моихъ товарищей, С., теперь очень почтенный pater familias, тогда юркій „дѣятель", тершійся во всѣхъ мало-

*) См. „Русскій Вѣстникъ" 1860 года, августъ, книжка первая, современная лѣтопись, стр. 254.

мальски либеральныхъ кружкахъ Петербурга, всѣми силами души жаждавшій попасть „на замѣчаніе“ и, кажется, дѣствительно попавшій за рѣчь, сказанную имъ на похоронахъ художника Иванова, кончина котораго облеклась тогда въ „политическое“ событіе, по общей страсти къ нимъ, такъ же, какъ нѣсколько позднѣйшая кончина пѣвицы Бозіо. Съ помощью С. попалъ я зимой 1858—59 г. на обѣдъ въ знаменской гостиницѣ, только что въ то время отстроенной. Не помню, по чьей иниціативѣ устроился этотъ обѣдъ, помню только, что говорилось что-то о сближеніи литераторовъ съ молодежью. То было время всеобщаго сближенія, искренняго, молодого, которымъ увлекались и далеко не молодые люди сороковыхъ годовъ.... Не то сближеніе, которое практиковалось позднѣе, въ 1865 году, напримѣръ, въ Нижнемъ-Новгородѣ, когда бывшій предсѣдатель ярмарочнаго биржевого комитета А. П. Шиповъ, воспользовавшись пріѣздомъ на ярмарку нѣсколькихъ петербургскихъ литераторовъ, устроилъ торжественный обѣдъ съ цѣлью сближенія литературы съ почтеннымъ ярмарочнымъ купечествомъ, и когда извѣстный Илья Арсеньевъ безъ околичностей обругалъ, въ своей застольной рѣчи, именитыхъ представителей купечества „по-Гоголю“ аршинниками и христопродавцами.

На обѣдѣ въ знаменской гостиницѣ увидалъ я впервые В. С. Курочкина. Написавъ одинъ животрепещущій очеркъ („Изъ записокъ офицера“), я снесъ его съ замираніемъ сердца на уголъ Итальянской и Эртелева переулка, гдѣ тогда жилъ Василій Степановичъ. Но его я, однако, дома не засталъ и отправилъ ему очеркъ по городской почтѣ.... Лѣтомъ 1859 года, живя на вакаціи въ Нижнемъ, я увидалъ свой очеркъ напечатаннымъ въ „Искрѣ“. Нынѣшнее молодое поколѣніе не такъ чувствительно къ писательству; но мы, начинавшіе жить въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, дѣлали изъ литературы предметъ чуть-ли не благоговѣйнаго культа, и потому можно себѣ представить мой восторгъ при видѣ своего произведенія въ печати, да еще въ такомъ представителѣ ея, какимъ была тогда „Искра“.

Къ осени того-же года я состряпалъ еще два очерка и уже рѣшился непремѣнно лично познакомиться съ Василіемъ Степановичемъ. Несмотря на нѣкоторые шансы для такого знакомства, въ виду уже напечатанной статейки, я однако всетаки съ большимъ страхомъ вошелъ въ кабинетъ редактора „Искры“. Василій Степановичъ меня положительно очаровалъ и такъ меня обласкалъ, что я даже почувствовалъ себя *чѣмъ-то*.... Выйдя отъ него, я прямо прошелъ къ Юнкеру, гдѣ купилъ себѣ касторовую шляпу, стоившую 8 рублей, такую, какую носили тогда чуть не всѣ литераторы и художники, предметъ завѣтнѣйшихъ желаній, которыя наконецъ могли осуществиться, потому что, во-первыхъ, я передъ тѣмъ только что перешелъ изъ студентовъ университета въ вольные слушатели и слѣдовательно могъ ходить въ шляпѣ; во-вторыхъ, получилъ отъ Василія Степановича свой первый гонораръ, а въ-третьихъ, слѣдовательно имѣлъ полное право на касторовую шляпу, какъ писатель“ *).

*) См. статью А. С. Гацискаго: „Эпизодъ изъ шестидесятыхъ годовъ“, *Недѣля*, 1876 г. № 1.

По окончаніи курса А. С Гацискій пріѣхалъ въ Нижній обсуждать свое будущее, которое ему, какъ кандидату университета, улыбалось. Но, чтобы сразу занести ногу на вѣрную ступень карьеры, нужно было быть продуктомъ другого воспитанія, нежели какое получилъ онъ, и нужно было быть носителемъ иныхъ убѣжденій, нежели тѣ, какія были усвоены имъ. Изъ всѣхъ, большею частію лестныхъ, обѣщавшихъ многое впереди, предложеній, сдѣланныхъ ему въ нижегородскомъ оффиціальномъ мірѣ (сначала губернаторомъ А. Н. Муравьевымъ, а потомъ преемникомъ его, А. А. Одинцовымъ), Александръ Серафимовичъ остановился на самомъ скромномъ, но болѣе всѣхъ ему симпатичномъ: онъ принялъ приглашеніе занять должность редактора неоффиціальной части „Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостей", и съ начала 1862 года сдѣлался руководителемъ единственнаго тогда въ Нижнемъ-Новгородѣ литературнаго органа, который былъ отданъ въ распоряженіе молодого кандидата-литератора мѣстнымъ губернаторомъ А. А. Одинцовымъ. При предшественникѣ Одинцова, губернаторѣ А. Н. Муравьевѣ, редакторомъ губернской газеты состоялъ извѣстный П. И. Мельниковъ (Андрей Печерскій); но этотъ человѣкъ, при всемъ его крупномъ литературномъ талантѣ, имѣлъ слабость къ чинамъ и лентамъ, чего и достигъ въ концѣ-концовъ, бросивши скучное поприще редактора „Губернскихъ Вѣдомостей".

Занятіе, предоставленное А. С. Гацискому, какъ нельзя болѣе пришлось ему по душѣ. До нѣкоторой степени „своя" газета представляла ему возможность отдаться всецѣло писательской дѣятельности, которую любилъ съ ранней школьной скамьи. Но среди литературной работы онъ не оставлялъ безъ вниманія и организаторской стороны изданія Въ первомъ же году онъ представилъ губернатору „записку" по поводу улучшенія газеты и встрѣтилъ въ Алексѣѣ Алексѣевичѣ Одинцовѣ сочувственное отношеніе къ планамъ и предположеніямъ молодого редактора, которые существенно обновляли содержаніе газеты, нисколько не противорѣча основной идеѣ, вложенной въ программу всѣхъ „Губернскихъ Вѣдомостей" при ихъ первоначальномъ учрежденіи. Изъ нижеприводимаго „Списка" литературныхъ трудовъ Гацискаго можно видѣть, какія статьи писались имъ какъ для этихъ „Вѣдомостей", такъ и для „Нижегородскаго Ярмарочнаго Листка", редакторомъ котораго съ 1863 года былъ избранъ Александръ Серафимовичъ, въ сотовариществѣ съ секретаремъ нижегородскаго губернскаго статистическаго комитета Александромъ Павловичемъ Смирновымъ, который былъ тоже кандидатъ казанскаго университета, авторъ диссертаціи: „О расколѣ шіитовъ вообще и расколѣ измаэлитовъ въ особенности", напечатанной въ „Ученыхъ Запискахъ" этого университета за 1846 годъ. По смерти А. П. Смирнова (8 января 1865 г.) Александръ Серафимовичъ занялъ его мѣсто въ статистическомъ комитетѣ.

Первымъ дѣломъ, какое предпринялъ А. С. Гацискій на новой должности, было изданіе цѣлаго ряда „Сборниковъ", взамѣнъ выходившихъ до того времени „Памятныхъ книжекъ". Историко-этнографическаго мате-

ріала было много и не мало находилось вокругъ него людей, готовыхъ потрудиться; недоставало только умѣлаго иниціатора. Провинція наша всегда отличалась избыткомъ усердныхъ литературныхъ работниковъ; но они, эти труженики, часто не знали, за что и какъ слѣдуетъ приняться, куда направить свои работы. Они нуждались въ руководителѣ и организаторѣ, каковыми и являлись въ эти времена редакторы „Губернскихъ Вѣдомостей“ и секретари статистическихъ комитетовъ. Весьма многіе изъ такого рода дѣятелей пріобрѣли впослѣдствіи извѣстность своими мѣстно-литературными трудами. Такъ, прославился А. И. Артемьевъ, въ Уфѣ—Руфъ Г. Игнатьевъ, въ Саратовѣ—А. Ф. Леопольдовъ, въ Вяткѣ—Н. И. Золотницкій, въ Ярославлѣ—В. И. Лѣствицынъ, на Уралѣ—Наркизъ К. Чупинъ, въ Воронежѣ—Н. И. Второвъ (начавшій свою дѣятельность въ Казани), въ Вологдѣ—Н. И. Суворовъ, въ Тамбовѣ—И. И. Дубасовъ, въ Псковѣ—К. Г. Евлентьевъ, въ Твери—А. К. Жизневскій и мн. др. Нижній-Новгородъ, въ лицѣ А. С. Гацискаго, пріобрѣлъ образцоваго и типичнаго представителя на этомъ поприщѣ. Люди эти умѣли собирать около себя группу сотрудниковъ изъ среды мѣстнаго населенія, которые, какъ пчелы, доставляли общей маткѣ плоды своихъ изысканій. Масса историческаго матеріала всѣхъ родовъ, въ видѣ поговорокъ, сказокъ, былинъ, областныхъ словъ и присловій, описанія нравовъ, обычаевъ, памятниковъ быта, религіозныхъ вѣрованій, историческихъ преданій, легендъ и проч. и проч.,—скапливались, такимъ образомъ, въ портфелѣ секретарей статистическихъ комитетовъ, которые почти вездѣ были одновременно и редакторами мѣстныхъ „Губернскихъ Вѣдомостей“. Оставалось, слѣдовательно, редактировать весь этотъ богатый запасъ добытыхъ свѣдѣній и выпускать его въ свѣтъ на пользу „Отечествовѣдѣнія“.

Первый выпускъ „Нижегородскаго Сборника“, подъ редакціею Александра Серафимовича, вышелъ въ свѣтъ въ 1867 году. Выступая съ этимъ изданіемъ, редакторъ его говоритъ въ предисловіи: „Провинціальная наша печать еще только въ началѣ своего развитія. Недалеко то время, когда она была достояніемъ почти исключительно однихъ университетскихъ городовъ. Но въ послѣднее десятилѣтіе началась болѣе повсемѣстная и серьезная работа и въ провинціальной печати. Можно смѣло сказать, что въ будущемъ ея развитіи хотя много предстоитъ трудностей, зато не мало будетъ и жизненнаго значенія. Въ виду этого будущаго значенія провинціальной печати, одной изъ важнѣйшихъ ея задачъ въ настоящее время, по нашему мнѣнію, должно быть изданіе всевозможныхъ матеріаловъ для изученія данной мѣстности. Какъ на такой матеріалъ для изученія Нижегородской губерніи, смотримъ мы на издаваемый теперь I томъ „Нижегородскаго Сборника“.

Первый томъ „Сборника“ былъ очень привѣтливо встрѣченъ русскою журналистикой. О немъ появились сочувственные отзывы въ печати и доброжелательные совѣты, чтобы изданіе не останавливалось на одномъ первомъ томѣ. Одобреніе критики было лучшею наградою для нашего редактора-статистика. Впрочемъ, справедливость требуетъ замѣтить, что въ одной изъ

тогдашнихъ газетъ явилась рецензія и противъ „Сборника". Нѣкто, подписавшійся *Прогрессистомъ*, помѣстилъ въ № 25 „Современныхъ Извѣстій" за 1868 годъ статью, посвященную разбору „Нижегородскаго Сборника", подъ заглавіемъ: „Прогрессъ въ Нижнемъ-Новгородѣ". Рецензентъ, остановившись на „Матеріалахъ для уголовной статистики Нижегородской губерніи", составленныхъ самимъ редакторомъ „Сборника", очень насмѣшливо отзывается объ этихъ „матеріалахъ". Поводомъ къ такому неудовольствію послужило, главнымъ образомъ, такое мѣсто въ упомянутыхъ „Матеріалахъ" Гацискаго: „.... Спрашивали и у духовенства мнѣнія, отчего въ Нижегородской губерніи увеличилось пьянство и число уголовныхъ преступленій. Духовенство объяснило это освобожденіемъ крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, уничтоженіемъ тѣлесныхъ наказаній, расколомъ (хотя старообрядчество существуетъ 200 лѣтъ и составляетъ наиболѣе трезвую часть народа), слухомъ, что съ дарованіемъ свободы отъ господъ будетъ дана свобода и отъ поповъ, и проч." Такое сообщеніе „Прогрессистъ" назвалъ клеветою на духовенство. Александръ Серафимовичъ не замедлилъ, конечно, выступить съ возраженіемъ противъ обвиненій рецензента, каковое и было напечатано въ № 8 „Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостей" за тотъ же 1868 годъ.

„Нижегородскаго Сборника" вышло всего десять томовъ, изъ которыхъ большая часть отличалась солидностью объема. Всѣ томы изобиловали статьями, возбуждавшими глубокій интересъ въ мѣстномъ обществѣ и еще болѣе среди лицъ, занимающихся отечественной исторіей. Въ послѣднемъ, десятомъ, томѣ „Сборника" А. С. Гацискій, какъ бы предчувствуя близость своей кончины, начинаетъ такъ свою рѣчь въ предисловіи: „Мы предполагали, при выходѣ изъ печати IX тома „Нижегородскаго Сборника", поговорить съ читателемъ подробнѣе, выпуская въ свѣтъ настоящій X томъ, которымъ дѣятельность наша, на страницахъ этого изданія, прекращается, за отсутствіемъ денежныхъ средствъ для его продолженія, надолго, быть можетъ, и *всего вѣроятнѣе—навсегда*".

Въ 1887 году учреждена въ Нижнемъ-Новгородѣ губернская ученая архивная комиссія. Въ первомъ ея засѣданіи (17 октября) нижегородскій губернаторъ напомнилъ собравшимся членамъ, что возникновеніе этой комиссіи обязано главнымъ образомъ заботамъ А. С. Гацискаго. Поэтому въ томъ же засѣданіи Александръ Серафимовичъ былъ избранъ предсѣдателемъ комиссіи. Намѣреваясь сдѣлать обзоръ дѣятельности этого въ высшей степени полезнаго учрежденія предметомъ особаго очерка, на основаніи работъ, уже исполненныхъ комиссіей, скажемъ здѣсь только одно, что А. С. Гацискій былъ душою нижегородской архивной комиссіи, и дай Богъ, чтобы она такъ же процвѣтала послѣ смерти ея перваго предсѣдателя, какъ и при его жизни. Въ трудахъ («Дѣйствіяхъ») нижегородской архивной комиссіи помѣщено не мало статей и замѣтокъ, принадлежащихъ перу ея покойнаго предсѣдателя. Впрочемъ, намъ пріятно замѣтить здѣсь, что и послѣ смерти его дѣятельность этого учрежденія нисколько не измѣнила ни знанію дѣла, ни энергіи, ни завѣтамъ Александра Серафимовича.

Искренно желаемъ, чтобы такія же комиссіи возникли и въ другихъ губернскихъ городахъ, не исключая и университетскихъ, и ни мало не стѣсняясь тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ изъ сихъ послѣднихъ имѣются археологическія общества.

Въ заключеніе намъ хотѣлось бы сказать нѣсколько словъ объ общественномъ служеніи покойнаго Гацискаго по городскимъ и земскимъ выборамъ. Но, не будучи лично знакомы съ ходомъ этой дѣятельности Александра Серафимовича, мы ограничимся лишь приведеніемъ здѣсь прекрасной и фотографически вѣрной характеристики Гацискаго на этомъ поприщѣ, сдѣланной М. А. Плотниковымъ, который въ очеркѣ, посвященномъ памяти А. С. Гацискаго (см. № 141 „Волжскаго Вѣстника" 1893 года), такъ отзывается о немъ:

„Высокая, сухая, строгая фигура... Она такъ живо представляется въ особенности въ тотъ моментъ, когда, вызванный единодушнымъ желаніемъ гласныхъ, Александръ Серафимовичъ Гацискій идетъ, чтобы занять свое обычное мѣсто секретаря земскаго собранія. Вотъ онъ пробирается между стульями, не сгибая своего прямого стана, наглухо застегнутый въ черный сюртукъ; его губы плотно сжаты, а глаза глядятъ холоднымъ, спокойнымъ взглядомъ. И не подумаешь, что эти глаза способны отражать столько добра и теплоты, что эти губы порою могутъ складываться въ такую мягкую улыбку... Но теперь для этого не время. Земское дѣло—дѣло серьезное, важное, отвѣтственное, и немногіе сознавали это въ такой мѣрѣ, какъ А. С. Гацискій.

Изъ-года-въ-годъ его перваго избирали секретаремъ губернскаго и уѣзднаго земскихъ собраній. И это вполнѣ естественно. Кто же сумѣетъ бережнѣе отнестись къ чужому слову, какъ не тотъ, кто вообще такъ высоко цѣнитъ значеніе слова? Къ тому же, хотя А. С. Гацискій былъ общественнымъ дѣятелемъ вполнѣ опредѣленныхъ взглядовъ, съ теченіемъ времени все болѣе расходившихся съ господствующимъ мнѣніемъ собранія, однако, даже противники довѣряли его испытанной честности и безпристрастію.—Будемъ искренни и правдивы, а тамъ пусть насъ судитъ потомство,—казалось, говорилъ А. С., безстрастно занося въ страницы журнала одно мнѣніе за другимъ.

Самъ онъ, какъ гласный, говорилъ не часто, въ особенности въ послѣдніе годы. Но были вопросы, по поводу которыхъ онъ считалъ себя какъ бы обязаннымъ высказаться. Это – вопросы народнаго благосостоянія, народнаго здравія, народнаго образованія, интересы гласности, слова, науки... Молчаливый среди прочихъ преній, онъ, казалось, выжидалъ возникновенія этихъ вопросовъ, чтобы занять свое обычное положеніе защитника этихъ первыхъ и лучшихъ началъ земскаго самоуправленія. И слова его звучали какъ-то чуждо среди „дѣловитаго краснорѣчія" современныхъ земскихъ ораторовъ. Неразъ ихъ плечи нетерпѣливо подергивались, видя, какъ поднимается съ своего мѣста А. С—чъ, требуя себѣ слова. Къ чему?... „Наше

время не время широкихъ задачъ и широкихъ взглядовъ". А тутъ опять эти избитыя до пошлости истины и принципы, эти докучливыя напоминанія о порѣ давно пережитыхъ увлеченій.

И однако, онъ говорилъ—и его слушали.... Слушали, можетъ быть, смутно сознавая, что если бы не то, о чемъ напоминали эти немногія слова, запечатлѣнныя „широтою взгляда", то ни къ чему были бы и вся эта „дѣловитость", и самое земство, и это собраніе гласныхъ. Онъ говорилъ—и порою въ голосѣ его звучала усталость и горечь. О, Боже, онѣ такъ понятны! Какія непрерывныя варіаціи разыгрываетъ невѣжество и своекорыстіе, какъ упорно возрождаются застарѣлые предразсудки, какъ живучи и памятны старыя обиды!... Онѣ даютъ себя чувствовать отовсюду, непрерывно. постоянно, но гдѣ же тѣ, кто даетъ имъ отпоръ, много-ли тѣхъ, кто съ такимъ же постоянствомъ и упорствомъ стоитъ на стражѣ иныхъ, противуположныхъ началъ?"

Заканчивая этимъ наши строки о незабвенномъ дѣятелѣ, считаемъ долгомъ сообщить здѣсь перечень статей Александра Серафимовича Гацисскаго для свѣдѣнія русскихъ библіографовъ и будущихъ біографомъ покойнаго. Перечень этотъ доставленъ пишущему эти строки самимъ Александромъ Серафимовичемъ, при автобіографическомъ письмѣ его отъ 9 января 1876 года, и дополненъ потомъ, по нашей просьбѣ, глубокоуважаемымъ Александромъ Александровичемъ Савельевымъ, нынѣшнимъ предсѣдателемъ нижегородской ученой архивной комиссіи, за что и приносимъ ему сердечную благодарность.

Н. Агафоновъ.

Казань,
25 октября 1896 года.

Земская дѣятельность Александра Серафимовича Гацискаго и его взгляды на задачи земства.

(Рѣчь А. А. Савельева въ соединенномъ засѣданіи Нижегородской архивной коммиссіи и статистическаго комитета въ годовщину смерти А. С. Гацискаго 27 апрѣля 1894 года).

Съ самаго введенія Положенія о земскихъ учрежденіяхъ въ Нижегородской губерніи Александръ Серафимовичъ Гацискій относился къ дѣятельности земства съ глубокимъ интересомъ. Знало его и земство, а потому, когда въ 1870 году возникъ въ средѣ его важный вопросъ о проведеніи желѣзной дороги на Пензу или Казань, собраніе обратилось къ нему съ просьбой помочь въ разрѣшеніи вопроса своими указаніями. Поэтому же еще въ самомъ началѣ введенія земскихъ учрежденій, въ 1868 году, онъ былъ избранъ гласнымъ нижегородскаго уѣзднаго собранія, но не могъ воспользоваться этимъ выборомъ, такъ какъ вскорѣ лишился ценза. Послѣ того черезъ 9 лѣтъ, а именно въ 1877 году, онъ вновь поступилъ въ число гласныхъ отъ города Нижняго-Новгорода. Извѣстность его, какъ лица талантливаго и преданнаго земскому дѣлу, въ то время была настолько велика, что въ томъ же году онъ былъ избранъ и гласнымъ губернскаго земскаго собранія, а затѣмъ и членомъ губернской земской Управы. Вскорѣ послѣ того какъ сформировался новый составъ губернской Управы, въ началѣ 1878 года, предсѣдатель ея М. М. Аверкіевъ заболѣлъ, а въ концѣ 1878 года умеръ. Такимъ образомъ Александръ Серафимовичъ, какъ заступающій мѣсто предсѣдателя, всталъ во главѣ земства Нижегородской губерніи. Затѣмъ, хотя впослѣдствіи, въ маѣ мѣсяцѣ 1879 года, въ экстренномъ собраніи былъ выбранъ на должность предсѣдателя губернскій предводитель дворянства С. С. Зыбинъ, но, за назначеніемъ его губернаторомъ, пробылъ въ этой должности недолго, и Александру Серафимовичу пришлось заканчивать трехлѣтіе опять въ качествѣ главы губернскаго земства. Съ окончаніемъ трехлѣтія фактическое завѣдываніе дѣломъ губернскаго земства для Александра Серафимовича кончилось, и онъ перешелъ на службу въ городскую Управу, гдѣ и занялъ должность товарища городского головы. Гласнымъ же по Нижегородскому уѣзду и въ губернскомъ земствѣ онъ оставался до послѣдняго дня своей жизни, не теряя ни на одну минуту интереса къ земской дѣятельности, не пропуская даже ни одного засѣданія. Во время земской службы онъ участвовалъ и во всѣхъ болѣе важныхъ коммиссіяхъ и почетныхъ должностяхъ, какъ наприм., попечителемъ боль-

ницы, училищъ, членомъ врачебнаго и училищнаго совѣтовъ и т. п. Такова его земская дѣятельность съ внѣшней стороны Но важна, конечно, не эта внѣшняя его связь съ земскими учрежденіями. Такую связь имѣютъ очень многіе. Замѣчательно его отношеніе къ земству, его пониманіе задачъ земства, стремленіе поставить дѣятельность земства въ тѣ условія, которыя соотвѣтствовали бы началамъ, положеннымъ въ его основу, его желаніе осуществить идеалъ земства такъ, какъ онъ понималъ его. Не имѣя пока возможности изложить во всѣхъ подробностяхъ тѣ идеи, которыя проводилъ покойный, и тѣ задачи, которыя онъ старался осуществить, для чего и время еще не настало, я постараюсь въ самомъ бѣгломъ и краткомъ очеркѣ объяснить суть его воззрѣній на земство и его задачи.

Всего полнѣе взглядъ Александра Серафимовича выразился въ этомъ отношеніи въ тотъ трехлѣтній періодъ, 1878—1880 года, когда онъ стоялъ во главѣ земства. Справедливость требуетъ сказать, что его воззрѣнія сначала встрѣтили сильную оппозицію, его начинанія на первыхъ порахъ во многомъ потерпѣли фіаско, его взгляды признали не практичными, теоретическими. Но, однако, какъ увидимъ, дальнѣйшее развитіе нашей общественной жизни показало, что былъ правъ этотъ теоретикъ-идеалистъ, а не тѣ, которые считали себя практиками, дѣльцами, знатоками земскаго дѣла и дѣйствительной жизни.

Уже вскорѣ послѣ того какъ Александру Серафимовичу, по волѣ судьбы, пришлось встать во главѣ земства, онъ завязалъ очень оживленныя сношенія съ уѣздными Управами, исходя изъ той мысли, что между губернской Управой и уѣздными должна быть живая непосредственная связь, что ходъ дѣла въ уѣздахъ долженъ близко интересовать губернскую Управу, и пользуясь тѣмъ, что въ уѣздныхъ Управахъ имѣются суммы губернскаго земства, онъ не пропускалъ ни одного, даже случайнаго свѣдѣнія о дѣятельности уѣздныхъ Управъ, мало-мальски соприкасавшейся съ дѣятельностью губернской, чтобы не сдѣлать того или другого запроса, тогда какъ могъ бы ограничиться одними чисто оффиціальными, бюрократическими отношеніями. Вслѣдствіе этого, прочитавъ, наприм., въ газетѣ „Голосъ" корреспонденцію о безпорядочномъ веденіи кассы въ одной изъ уѣздныхъ Управъ, онъ, съ согласія, конечно, другихъ членовъ Управы, немедленно же обратился съ письмомъ къ мѣстному предсѣдателю Управы, и дѣло разъяснилось. Точно также, получивъ заявленіе о безпорядочномъ вообще веденіи дѣла въ другомъ уѣздѣ, онъ не постѣснился сообщить объ этомъ постоянной ревизіонной комиссіи, существовавшей въ томъ уѣздѣ, хотя и навлекъ этимъ на себя массу непріятностей. О всѣхъ этихъ сношеніяхъ отъ имени губернской Управы былъ представленъ губернскому собранію въ 1878 году обширный докладъ, характеризующій его взглядъ на дѣло. „Однимъ изъ самыхъ жгучихъ и, такъ сказать, деликатныхъ мѣстъ въ земствѣ каждой губерніи, говорится въ докладѣ, слѣдуетъ признать взаимныя отношенія губернской Управы съ уѣздными. Смотря по обстоятельствамъ, въ этомъ отношеніи иногда беретъ верхъ губернская Управа и подчиняетъ себѣ

уѣздныя, а иногда—наоборотъ; словомъ, борьба идетъ о централизаціи и децентрализаціи". „Нижегородская губернская Управа, говоритъ онъ, рѣшила оставить въ сторонѣ всѣ чисто теоретическія воззрѣнія на этотъ предметъ, за исключеніемъ тѣхъ, которыя указаны въ Положеніи о земскихъ учрежденіяхъ, и смѣетъ думать, что держалась въ этомъ отношеніи на строго законной почвѣ". Еще полнѣе провелъ онъ свой взглядъ въ попыткѣ объединить дѣятельность всѣхъ земствъ и завязать взаимныя непосредственныя и постоянныя сношенія съ уѣздными Управами и губернскими гласными въ промежутокъ времени между сессіями, надѣясь этимъ путемъ возбудить иниціативу дѣятельности губернскаго земскаго собранія, вызвать болѣе оживленныя отношенія къ дѣлу губернскихъ гласныхъ и, вслѣдствіе того, стать въ земскомъ дѣлѣ на путь обобщенія земскихъ вопросовъ. Признавъ весьма важнымъ недостаткомъ отсутствіе живыхъ сношеній между губернской и уѣздными Управами, наилучшимъ путемъ для устраненія его губернская Управа нашла возможно болѣе частое присутствіе въ Нижнемъ-Новгородѣ представителей уѣздныхъ земскихъ Управъ для обсужденія различныхъ вопросовъ земской практики. Но такъ какъ подобные съѣзды затруднительны, то ею выражено желаніе письменныхъ сношеній предсѣдателя губернской Управы съ предсѣдателями уѣздныхъ Управъ и губернскими гласными. Всѣ же запросы и недоразумѣнія, которыя могли возникнуть, подвергать коллективному обсужденію губернской Управы. Въ особенности этотъ порядокъ Александръ Серафимовичъ признавалъ весьма важнымъ для объясненія общихъ, такъ сказать, принципіальныхъ вопросовъ, каковыми на первый разъ намѣтилъ слѣдующіе: 1) на сколько въ настоящее время удовлетворительно дѣйствуетъ система земскихъ раскладокъ; 2) на сколько цѣлесообразны возбужденные печатью толки о земскихъ поставкахъ на армію въ мирное время; 3) не желательна-ли (въ видахъ однообразія) централизація въ дѣлѣ народнаго образованія и медицины; 4) желательна-ли прочная и спеціальная организація земской статистики; 5) не пастоитъ-ли для прямыхъ цѣлей сельскаго хозяйства надобности въ учрежденіи метеорологическихъ станцій, въ изслѣдованіи геологическаго строенія губерніи и т. под. Ставя эти вопросы, Александръ Серафимовичъ не высказывался ни за, ни противъ и не предрѣшалъ ихъ, а имѣлъ въ виду только возбудить ихъ обсужденіе въ средѣ земскихъ гласныхъ. Попытка его, однако, не увѣнчалась успѣхомъ. Отвѣтовъ на вопросы, обращенные ко всѣмъ уѣзднымъ Управамъ и губернскимъ гласнымъ, получено только пять: два отъ предсѣдателей арзамасской и васильской Управъ и три отъ губернскихъ гласныхъ А. В. Демидова, К. Н. Дмитріева и П. К. Позернъ. Четверо изъ этихъ лицъ высказались въ принципѣ за желательность подобныхъ сношеній, а по тѣмъ вопросамъ, которые были намѣчены губернской Управой, трое изъ нихъ выразили различныя свои предположенія. Такъ напр., предсѣдатель васильской уѣздной Управы А. А. Демидовъ высказалъ свой взглядъ по первымъ тремъ вопросамъ, оставивъ послѣдніе два безъ всякаго обсужденія, какъ онъ выразился, „по недостаточной къ нимъ подготовкѣ съ его стороны". К. Н. Дмитріевъ въ своемъ отвѣтѣ подробно коснулся, между прочимъ, вопроса о замѣнѣ

натуральныхъ запасовъ денежными, а П. К. Позернъ относительно лучшей постановки медицины и народнаго образованія. Старѣйшій же изъ гласныхъ и извѣстный дѣятель по крестьянскому вопросу въ Нижегородской губерніи А. В. Демидовъ отнесся къ идеямъ, возбужденнымъ губернской Управой, отрицательно. „Вотъ уже четырнадцатый годъ, говоритъ онъ, какъ началось у насъ земское хозяйство, и каждый изъ насъ нерѣдко задаетъ себѣ вопросъ: что земство сдѣлало и устроило прочнаго въ теченіе столькихъ лѣтъ, и подвинулось-ли наше земское хозяйство и благоустройство впередъ? Но къ сожалѣнію каждый въ этомъ родѣ вопросъ не получаетъ вовсе отвѣта или же получаетъ печальный отвѣтъ: что милліоны потрачены напрасно и жаль даромъ брошеннаго труда, а еще болѣе потеряннаго времени“. Обращаясь къ обсужденію тѣхъ причинъ, которыя, по мнѣнію почтеннаго гласнаго, привели его къ такому печальному сознанію, онъ приходитъ къ заключенію, что представители земства съ самаго начала хозяйствованія пустились въ область фантазіи, какъ свойственно недорослямъ, или, вѣрнѣе, не понимая, что во всякомъ хозяйствѣ частномъ, общественномъ или государственномъ, одинаково на первомъ планѣ долженъ стоять вопросъ о томъ, чтобы прочно устроить тотъ фундаментъ, на который должно опереться зданіе—источникъ тѣхъ средствъ, которые необходимы для дальнѣйшаго ихъ развитія“. Такимъ образомъ нижегородское земство, въ лицѣ своего старѣйшаго представителя, съ которымъ, какъ увидимъ, согласилось большинство, высказалось за отрицаніе новшествъ, которыя вели бы къ движенію земской дѣятель ости впередъ по новому пути. Всѣ задачи земства сводились имъ главнымъ образомъ къ тому, чтобы, во-первыхъ, обезпечить собственность, трудъ и личность плательщиковъ, чтобы не дать лѣнивому жить на счетъ трудолюбиваго и дѣятельнаго, оградить населеніе отъ повальныхъ пожаровъ и, во-вторыхъ, быть разсчетливымъ и экономнымъ. Въ виду достиженія этой послѣдней цѣли рекомендуется, чтобы всякое предложеніе, влекущее за собой увеличеніе новаго налога или расхода, не дѣлалось иначе, какъ послѣ предварительнаго сообщенія его за мѣсяцъ или за два губернскимъ гласнымъ, чтобы дать имъ возможность вникнуть въ дѣло, и было бы полезнѣе проектируемыхъ Управой частыхъ созывовъ гласныхъ. Далѣе мы увидимъ какъ отрицательно отнеслось и само земское собраніе къ этому начинанію губернской Управы и какъ жизнь показала, что былъ болѣе правъ идеалистъ Гацискій и не правъ опытный хозяинъ практикъ и земскій дѣятель, стоявшій на практической почвѣ однихъ чисто хозяйственныхъ мѣропріятій. Теперь же отмѣтимъ пока грустный фактъ, что губернская Управа не удостоилась даже отвѣта на свои запросы отъ громаднаго большинства гласныхъ и почти всѣхъ уѣздныхъ Управъ.

Точно также не увѣнчалась успѣхомъ попытка губернской Управы выяснить путемъ сношенія съ уѣздными Управами такой важный вопросъ, какъ дѣло народнаго продовольствія. Въ своемъ циркулярѣ по этому предмету она признала необходимымъ выяснить, во-первыхъ, вопросъ объ организаціи выдачи пособій крестьянамъ на обсѣмененіе въ уѣздѣ и о томъ контролѣ, который установленъ для того, чтобы знать, дошло-ли пособіе

по своему назначенію; во-вторыхъ, о томъ, на сколько существенно пособіе, раздробляемое на каждаго домохозяина. Такимъ путемъ губернская Управа, во главѣ съ Александромъ Серафимовичемъ, думала придти къ ясному заключенію: „руководствоваться-ли на будущее время въ ассигнованіи кредита на продовольственныя нужды прежней земской практикой, или выработать въ этомъ направленіи новыя основанія, или, быть можетъ, вовсе отказаться отъ кредита на такія нужды, которыя въ дѣйствительности вовсе не удовлетворяются. Отвѣтъ поступилъ только отъ четырехъ уѣздныхъ Управъ изъ одиннадцати. Такимъ образомъ вопросъ не получилъ надлежащаго освѣщенія, и доклада въ томъ объемѣ, какъ было желательно губернской Управѣ, губернскому собранію не послѣдовало. Все, что удалось сдѣлать, это выяснить вопросъ о срокахъ выдачи ссудъ на посѣвы по разнымъ уѣздамъ и внести болѣе правильности въ открытіи кредитовъ уѣзднымъ земствамъ изъ продовольственнаго капитала.

Въ губернскомъ собраніи попытка губернской Управы оживить дѣятельность земства въ промежутокъ между сессіями была принята болѣе чѣмъ холодно. Выразителемъ мнѣній большинства по этому вопросу явился опять тотъ же гласный отъ Васильскаго уѣзда А. В. Демидовъ, который заявилъ, что „возбужденіе Управою этихъ вопросовъ не можетъ имѣть практическихъ результатовъ, за неимѣніемъ средствъ на ихъ осуществленіе, а только отвлекаетъ отъ тѣхъ прямыхъ вопросовъ, которыми теперь приходится заниматься". Затѣмъ, хотя А. С. Гацискій и пояснилъ, что Управою они намѣчены не въ видѣ возможныхъ къ осуществленію въ ближайшее время, собраніе не согласилось рѣшить это дѣло въ желательномъ для губернской Управы направленіи, а передало его въ особую комиссію, образованную для производства постоянныхъ ревизій хозяйства губернскаго земства и обсужденія всѣхъ вопросовъ, возникающихъ въ его практикѣ. Несмотря на такое рѣшеніе, на другой день гласный отъ Арзамасскаго уѣзда І. П. Кутлубицкій вновь сдѣлалъ попытку поддержать докладъ губернской Управы, предложивъ отвѣты гласныхъ, съ ихъ согласія, печатать и разсылать на обсужденіе другихъ гласныхъ, а гласный отъ Лукояновскаго уѣзда Н. И. Русиновъ, кромѣ того, находилъ полезнымъ заблаговременно разсылать печатные доклады губернской Управы. Однако собраніе, соглашаясь на предложеніе Н. И. Русинова, по вопросу, возбужденному Управой, осталось при прежнемъ рѣшеніи. Впослѣдствіи комиссія высказалась лишь по вопросу о замѣнѣ натуральныхъ продовольственныхъ запасовъ денежными, за что въ собраніи горячо ратовалъ гласный К. Н. Дмитріевъ; остальные же поставленные Управой вопросы остались въ комиссіи безъ обсужденія. Тѣмъ не менѣе дальнѣйшій ходъ земскаго дѣла показалъ, что Гацискій былъ правъ, и возбужденные имъ вопросы, вопреки мнѣнію большинства, оказались не только практически необходимыми, но и тѣсно связанными съ дѣятельностью земства. Такимъ образомъ уже въ слѣдующемъ 1879 г. въ засѣданіи 10 декабря гласный В. А. Хотяинцевъ заявилъ, что пока губернскій земскій сборъ былъ не великъ, не стоило заботиться о пересмотрѣ основаній губернской земской раскладки, но съ отнесеніемъ на этотъ сборъ рас-

ходовъ по вознагражденію за убиваніе зараженнаго чумой скота, картина круто измѣняется, сборъ значительно увеличивается, и потому необходимо заняться подробнымъ пересмотромъ основаній существующей раскладки губернскаго земскаго сбора Вслѣдствіе этого собраніе поручило губернской земской Управѣ собрать обстоятельныя свѣдѣнія для пересмотра ея. Это повело въ свою очередь къ почвенно-геологическимъ и статистико-экономическимъ изслѣдованіямъ. Дѣло въ томъ, что въ докладѣ слѣдующему XVI очередному губернскому собранію, бывшему въ январѣ 1881 г., Управа, во главѣ съ А. С. Гацискимъ, заявила, что простой теоретическій пересмотръ дѣла не приведетъ ни къ какимъ положительнымъ результатамъ, а необходимо узнать качество и количество облагаемыхъ сборами имуществъ; при этомъ указывалось на необходимость образовать особое статистическое бюро и изслѣдованіе почвъ губерніи. Обсуждая эти предложенія, какъ въ своей средѣ, такъ и черезъ редакціонную комиссію, собраніе приняло докладъ послѣдней, въ которомъ признано необходимымъ пригласить спеціалиста для опредѣленія качества грунта земли въ различныхъ мѣстностяхъ губерніи, а также собрать различныя свѣдѣнія о цѣнахъ на землю, на хлѣбъ, рабочія руки и т. под. На все это открытъ кредитъ въ 10.000 рублей. Въ слѣдующемъ собраніи, бывшемъ осенью 1881 г., былъ уже приглашенъ спеціалистъ почвовѣдъ, В. В. Докучаевъ, а затѣмъ, по окончаніи его работъ, благодаря настоянію Александра Серафимовича, нѣкоторыхъ другихъ гласныхъ и губернской Управы новаго состава, основано и статистическое бюро въ 1886 году. Нельзя также не упомянуть и о новомъ законѣ объ оцѣнкахъ 1893 года, гдѣ правительство также указало на необходимость производства раскладки, основываясь на качествахъ почвы и свѣдѣніяхъ о ея доходности. Точно также и созывы губернской Управой предсѣдателей уѣздныхъ Управъ для обсужденія различныхъ вопросовъ земской практики нынѣ, начиная съ 1890 года (голоднаго), получили, какъ извѣстно, весьма широкое примѣненіе и признаны желательными и полезными, а вопросъ о порядкѣ выдачи на сѣмена въ минувшіе три года получилъ весьма важное значеніе. Не менѣе основательнымъ и существеннымъ для благосостоянія населенія признается нынѣ и возбужденный Александромъ Серафимовичемъ вопросъ о поставкахъ на армію въ мирное время. Благодаря нѣкоторымъ, чисто формальнымъ, неудобствамъ въ осуществленіи такого рода операцій, онѣ не получили должнаго развитія, но тѣмъ не менѣе вопросъ о поставкѣ хлѣба интендантству, по случаю низкихъ цѣнъ въ прошломъ году, поднятъ самимъ правительствомъ, и во многихъ земствахъ получилъ примѣненіе. Нерѣшенными остались вопросы о централизаціи медицинскаго дѣла и народнаго образованія, хотя въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, какъ наприм., въ Московской, медицинская часть сгруппирована въ губернской Управѣ. Придетъ-ли очередь къ разрѣшенію этихъ вопросовъ, когда именно и въ какомъ смыслѣ, покажетъ будущее, но несомнѣнно одно, что вопросы эти таковы, что если можно говорить противъ нихъ, то еще болѣе есть основанія говорить и за нихъ, и можетъ быть въ самомъ ближайшемъ будущемъ дѣйствительная жизнь заставитъ заняться ихъ разрѣшеніемъ.

Все это показываетъ, что, ставя свои вопросы на рѣшеніе собранію, Гацискій былъ выше того уровня пониманія общественныхъ задачъ, которое въ то время имѣло большинство въ собраніи. Поэтому и самъ онъ казался идеалистомъ-теоретикомъ, а тѣ задачи, которыя имъ преслѣдовались, непрактичными, мало пригодными для жизни. Такимъ образомъ дальновидность образованнаго теоретика оказалась гораздо выше разсужденій практиковъ, не желавшихъ знать ничего иного, кромѣ интересовъ текущаго дня.

Немало заслугъ земству принесъ Александръ Серафимовичъ и организованными имъ изслѣдованіями кустарныхъ производствъ, на каковой предметъ онъ исходатайствовалъ у собранія особый кредитъ. Теперь эти изслѣдованія служатъ главнымъ матеріаломъ для ознакомленія съ этой важной отраслью народнаго производства и главнымъ основаніемъ для могущихъ быть мѣропріятій со стороны земства.

Чтобы покончить съ бѣглымъ обзоромъ тѣхъ принципіальныхъ и общихъ вопросовъ, которые возбуждалъ и за которые стоялъ А. С. Гацискій, упомянемъ еще, что онъ былъ горячій и убѣжденный сторонникъ подоходнаго налога, и при всякомъ случаѣ настаивалъ передъ собраніемъ о возбужденіи ходатайствъ о введеніи его. Точно также онъ былъ сторонникомъ самой широкой гласности при рѣшеніи всякаго рода земскихъ дѣлъ. На это указываетъ его горячая рѣчь въ пользу гласности и противъ предложенія одного изъ гласныхъ въ засѣданіи 13 декабря 1884 года о томъ, чтобы на хоры собранія публика пускалась по билетамъ.

Какъ уѣздный гласный, Александръ Серафимовичъ всегда стоялъ за широкое развитіе медицинской части съ устройствомъ больницъ. По его предложенію начато было описаніе уѣзда въ санитарномъ отношеніи. Всякій вопросъ по народному образованію въ смыслѣ возможно широкаго развитія его, находилъ въ немъ стойкую, энергичную поддержку. При обсужденіи же, по предложенію правительства, вопроса о преобразованіи мѣстныхъ крестьянскихъ учрежденій, онъ высказался за оставленіе въ силѣ тѣхъ началъ, которыя положены въ основу ихъ Положеніемъ 19 февраля 1861 года.

Чтобы, насколько возможно въ бѣгломъ очеркѣ, отмѣтить отношеніе А. С. Гацискаго къ земскому дѣлу, коснемся еще взгляда его на земство, какъ учрежденіе.

Отказываясь въ 1887 году, по случаю слишкомъ усложнившихся своихъ служебныхъ обязанностей, отъ участія во всѣхъ земскихъ комиссіяхъ и должностяхъ, Александръ Серафимовичъ упоминаетъ, что онъ „оставляетъ за собой лишь званіе гласнаго губернскаго земскаго собранія, которое считаетъ не въ правѣ сложить съ себя до тѣхъ поръ, пока пользуется этимъ высшимъ, съ его точки зрѣнія, почетомъ нижегородскаго уѣзднаго земства“. Уже изъ этихъ словъ видно, какъ высоко ставилъ Александръ Серафимовичъ земскую службу. Въ 1889 году въ засѣданіи губернскаго собранія, говоря по поводу предложенія І. П. Кутлубицкаго отслужить панихиду по

Творцѣ земскихъ учрежденій, въ Бозѣ почившемъ Императорѣ Александрѣ II. по случаю исполнившагося двадцатипятилѣтія дѣятельности земства, онъ, развивая и дополняя мысль почтеннаго гласнаго, такъ очертилъ значеніе земскихъ учрежденій: „Велики дѣла почившаго законодателя, велики и тѣмъ, что созданная имъ организація земскихъ учрежденій заставила людей даже помимо, иногда, ихъ воли дѣйствовать благотворно. Мы знаемъ, что всегда были лица, не расположенныя къ земскимъ учрежденіямъ; но мы знаемъ и то, что, несмотря на всѣ препятствія, эти учрежденія достигли такихъ очевидныхъ результатовъ, что остается приписать успѣхъ ихъ именно не людямъ, а тѣмъ условіямъ ихъ дѣятельности, какія создало Высочайше утвержденное 1 января 1864 года Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ". Значеніе земскихъ учрежденій въ глазахъ Александра Серафимовича было такъ велико, что его пугалъ даже всякій признакъ умаленія этого значенія. Ревниво относясь ко всему, что не только сокращаетъ дѣятельность земства, но и ставится только въ параллель съ нею, онъ предложилъ ходатайствовать объ отдаленіи срока введенія закона 12 іюля 1889 года до того времени, когда результаты его вполнѣ выяснятся тамъ, гдѣ онъ уже введенъ.

II.

ВЪ ВОТЧИНѢ КНЯЗЯ ПОЖАРСКАГО.

Посмертный трудъ А. С. Гацискаго.

ВЪ ВОТЧИНѢ КНЯЗЯ ПОЖАРСКАГО.

„Нижегородцемъ же всѣмъ его (Минина) слово любо бысть и вздумаша послать бить челомъ къ стольнику Князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому печерскаго Архимандрита Феодосія да изо всѣхъ чиновъ лучшихъ людей. Князю Дмитрію-же Михайловичу въ то время бывшу у себя въ вотчинѣ лежащу отъ ранъ отъ Нижняго сто двадцать поприщъ.“

„Лѣтопись о многихъ мятежахъ“.

I.

Въ іюлѣ.

1. По Окѣ и Клязьмѣ.

Давая отчетъ о своей поѣздкѣ въ маѣ 1887 года въ Жары, въ нижегородскую вотчину князя Д. М. Пожарскаго и утверждая, что Пожарскій жилъ въ октябрѣ 1611 г. въ Балохонской своей вотчинѣ, я однако обѣщалъ Забѣлину побывать въ селѣ Мугрѣевѣ и поразспросить тамъ, нѣтъ-ли въ мѣстномъ поселеніи преданій о пребываніи въ этомъ селѣ Пожарскаго въ 1611 году.... *) Побывать въ Мугрѣевѣ мнѣ удалось только спустя 4 года— въ 1891 году, въ концѣ іюля и въ началѣ октября.

Предполагая объѣхать всю суздальскую вотчину князя, т. е. селенія Верхній и Нижній Ландехи, Мытъ, Мугрѣево, Холуй, въ предѣлахъ нынѣшнихъ гороховецкаго и вязниковскаго уѣздовъ владимірской губерніи, я, по своему обыкновенію, началъ готовиться къ этому объѣзду, т. е. возобновилъ въ памяти, чтеніемъ, все то, что писано было ранѣе по этому предмету, начиная съ жалованныхъ грамотъ Пожарскому и кончая И. Е. Забѣлинымъ; скопировалъ себѣ на кальку теченіе Оки и Клязьмы въ предѣлахъ нижегородскаго, горбатовскаго, гороховецкаго и вязниковскаго уѣздовъ и наконецъ запасся росписаніями окско-клязьменскихъ пароходствъ. Не знаю, что чувствуетъ Эмиль Золя, когда подготовляетъ матеріалъ для своихъ романовъ; для меня-же эти подготовленія всегда полны величайшаго интереса, заключающагося главнымъ образомъ въ томъ, что мысленно обнимаешь

*) „Нижегородскій Сборникъ“, томъ X, стр. 52.

предметъ, который, такъ сказать, осязать придется, любуешься собственной географической калькой, предвкушая минуту, когда взамѣнъ полосокъ синяго карандаша увидишь настоящія рѣки, взамѣнъ черныхъ кружковъ —города и села....

Итакъ, со стороны сознанія необходимости подготовительныхъ работъ передъ самой работой между мною и Золя разницы нѣтъ; вся разница развѣ въ томъ, что Золя приходится перечитывать массу источниковъ, выспрашивать массу живыхъ лицъ-спеціалистовъ, подготовляться, словомъ, впродолженіи цѣлыхъ мѣсяцевъ, а мнѣ и читать-то почти ничего не приходилось, а для составленія географической карточки своего путешествія потребовалось всего какихъ-нибудь 15—20 минутъ.... Пожалуй еще и въ томъ разница замѣтна: о методѣ работъ знаменитаго романиста очень много писано (недавно еще читалъ я въ „Волжскомъ Вѣстникѣ" заимствованную по этому предмету изъ „L'Echo de la temoine" статью), а о моемъ методѣ я самъ сообщаю „благосклонной публикѣ", что конечно цѣннѣе въ смыслѣ достовѣрности, чѣмъ сообщенія о Золя изъ вторыхъ рукъ....

Первоначально намѣревался я подняться по Волгѣ до Костромского Пучежа и черезъ Пистяки добраться до Верхняго Ландеха; но дня за 2 до моего отъѣзда (21 іюля) прекратилось на нѣсколько дней, за мелководьемъ на ячменскомъ перекатѣ, всякое движеніе пароходовъ въ плесѣ между Нижнимъ и Пучежемъ, а потому я избралъ другой противуположный путь, по Окѣ и Клязьмѣ—на Холуй. Имѣя въ своемъ распоряженіи всего 4—5 дней, я, правда, успѣлъ побывать, въ іюльскую поѣздку, только въ Холуѣ и въ обоихъ Мугрѣевыхъ, но зато былъ вознагражденъ прелестями поѣздки по поэтической Клязьмѣ. Остальныя мѣста вотчины кн. Пожарскаго мнѣ удалось посѣтить лишь въ октябрѣ.

Своеобразіе окско-клязьменскаго пароходства даетъ себя знать съ самой нижегородской пристани, расположенной особнякомъ, до наводки плашкоутнаго моста—подъ Благовѣщенской слободой, а послѣ наводки—подъ Кунавиномъ, противъ зданій желѣзно-дорожной и новой городской водокачекъ. Ко всѣмъ пяти пристанскимъ конторкамъ (Гладкова, Штейерта и К°, пароходства „Ока", бывшее фонъ Мекка, Николаева и Щербакова) ведетъ одинъ общій мостъ, перекинутый черезъ сыпучіе пески окскаго наноса, или, какъ выражались встарину—„присыпи", „присыпного песку";*) мостъ этотъ чуть не съ версту длиною (за право устройства его пароходчики платятъ городу 500 р. ежегодной аренды), и въ пристанскомъ концѣ своемъ развѣтвляется, на подобіе родословнаго дерева, на 5 отдѣльныхъ мостовъ, самостоятельно ведущихъ къ каждой конторкѣ.

---

*) Изъ одного дѣла, хранящагося въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ (7198—1689) (картонъ 585), видно, что противъ Благовѣщенскаго монастыря, т. е. немного пониже окскихъ пристаней, существовалъ тогда уже поросшій тальникомъ островъ „присыпного песку" „наметанный" въ прошлыхъ годахъ въ вешнее время.

Я подъѣхалъ къ конторкѣ И. И. Щербакова, у которой стоялъ готовый къ отвалу въ 2 часа дня чистенькій, новенькій пароходикъ „Дѣятель". *) Я сказалъ „пароходикъ" невольно, потому что, по сравненію съ волжскими „элефантами", „Дѣятель"—игрушка, да не только „Дѣятель" и самая пароходная конторка—тоже не конторка, а конторочка, такъ все здѣсь миніатюрно для глаза, привыкшаго къ волжскимъ пароходнымъ пристанямъ.... Глазъ однако скоро привыкаетъ, и человѣкъ склоненъ судить о предметахъ относительно: скоро, войдя въ Клязьму, я въ этомъ убѣдился, такъ какъ тамъ „Дѣятель" мнѣ ужъ казался гигантомъ, да онъ и на самомъ дѣлѣ, по отношенію къ Клязьмѣ, неизмѣримо громаднѣе самаго громаднаго изъ „американцевъ" по отношенію къ Волгѣ. Но я забѣгаю впередъ....

Своеобразіе пароходства окско-клязьменскаго, помимо миніатюрности его, бросается въ глаза и своей патріархальностью, простотою нравовъ и демократичностью: росписаніе соблюдается совсѣмъ „по божески"; такса существуетъ болѣе въ воображеніи, настроенномъ не въ мѣру наивной довѣрчивостью къ неточному росписанію; раздѣленіе парохода на классы сдѣлано такъ сказать „для парада", такъ какъ въ случаѣ тѣсноты пассажиры III класса преспокойно приходятъ на ночь въ общія каюты I класса и здѣсь располагаются на полу, какъ дома.... Бываютъ однако исключенія. Отъ конечныхъ пунктовъ (Нижняго и Холуя) пароходы отходятъ аккуратно: въ 2 часа дня отъ Нижняго и въ 2 часа ночи отъ Холуя. Что касается таксы, то именно 21 іюля, въ день моего отъѣзда, случилось необычайное событіе.

Забѣжавъ нѣсколько строкъ ранѣе впередъ, я долженъ теперь вернуться назадъ. Замѣчаемое за послѣднее десятилѣтіе развѣтвленіе пароходствъ по мелкимъ притокамъ великихъ рѣкъ нашего сѣверо-востока коснулось и Клязьмы: **) извѣстный у насъ предпріимчивый костромичъ М. И. Катенинъ (ближайшій родственникъ пушкинскаго Катенина), бывшій и уѣзднымъ предводителемъ дворянства, и предсѣдателемъ земской Управы, и лѣсопромышленникомъ, и строителемъ по-американски складныхъ деревянныхъ домовъ на продажу, былъ и піонеромъ пароходствъ по Клязьмѣ: въ 1885 году онъ пустилъ нѣсколько плоскодонныхъ пароходовъ по этой причудливой рѣкѣ, и, какъ большинство піонеровъ, выражаясь попросту, прогорѣлъ. Въ настоящее время М. И. Катенинъ, кажется, нашелъ свою пристань въ должности земскаго начальника кажется въ чухломскомъ уѣздѣ

---

*) У г. Щербакова всего 4 парохода: пассажирскіе: „Дѣятель", „Энергичный" и „Трудолюбивый" и буксирный, носящій популярное и на Волгѣ, съ 17 іюля 1877 г., названіе „Весты".

**) Кстати здѣсь сказать и о началѣ пароходства на Окѣ. Первые пароходы были пущены на Оку обществомъ „Самолетъ" въ 1861 году, первоначально до Мурома, а потомъ (въ ту же, впрочемъ, навигацію 1861 года) до Елатьмы; первыми частными пароходчиками по Окѣ, послѣ общества „Самолетъ", были г г. Бородачевъ и Куракинъ, открывшіе сообщеніе между Нижнимъ и Елатьмой въ 1864 году; обществу „Самолетъ" очень помогалъ въ 1861 г. Самгинъ, заведшій и самостоятельное дѣло на Окѣ въ 1872 году (вмѣстѣ съ г. Качаловымъ) и при томъ открывшій въ этомъ году линію пароходствъ до Рязани. А. П. Самгинъ пробовалъ открывать пароходство и на р. Мокшѣ (въ 1884 г.), но тамъ оно не привилось.

костромской губерніи. Но почин быль сдѣланъ, и явились продолжатели, пользующіеся теперь плодами энергіи перваго пароходнаго Колумба на Клязьмѣ. Плодами этими нѣсколько лѣтъ невозмутимо и внѣ конкурентовъ пользовался г. Николаевъ; но вотъ на торги, назначенные нижегородской городской Управой по сдачѣ въ арендное содержаніе городскихъ мѣстъ на берегу Оки подъ постановку пароходной пристани, занимавшихся г. Николаевымъ въ навигацію 1890 года, въ декабрѣ 1890 г. является невѣдомый дотолѣ въ Нижнемъ человѣкъ въ образѣ г. Щербакова и вгоняетъ арендную плату за это мѣсто, съ 185 руб., платимыхъ г. Николаевымъ, въ 800 руб. Г. Николаевъ ретируется, но затѣмъ проситъ городскую общественную Управу сдать ему другой уголокъ, выше по Окѣ и охотно даетъ за него 900 руб.... Городъ ни съ того, ни съ сего пріобрѣтаетъ свыше 1600 руб., клязьменскіе пассажиры—большія удобства. Пріобрѣтаютъ очевидно и г. Николаевъ и г. Щербаковъ, ибо едва-ли смотрятъ на свое предпріятіе, какъ на учрежденіе благотворительное. Достигаютъ они, однако, своихъ цѣлей не безъ борьбы: такса—таксой, а конкуренція—конкуренціей. Поэтому, чтобы залучить къ себѣ пассажировъ и кладь, они понижали плату за проѣздъ и провозъ не только до возможно, но и до невозможно низкихъ предѣловъ.... На ходу я разговорился на эту тему съ одной пассажиркой, и оказалось, что она ѣдетъ по уменьшенной на цѣлую треть платѣ, а я заплатилъ за свой билетъ до Холуя на совершенно легальныхъ основаніяхъ, по таксѣ. Кстати, на счетъ патріархальности. Когда я бралъ билетъ въ кассѣ, очень любезно освѣдомились даже о моей фамиліи, званіи и цѣли путешествія. Недоразумѣніе скоро выяснилось: именно 21 іюля отмѣчено тѣмъ „событіемъ", о которомъ упомянуто выше. За часъ до отвала парохода „Дѣятель" заключена была между всѣми окско-клязьменскими пароходчиками конвенція, по которой они обязались не перебивать другъ у друга и соблюдать каждый свою печатную таксу; спутница моя явилась на пароходъ спозаранку и взяла билетъ дешевку, я пріѣхалъ по окончаніи конвенціи, когда на всѣхъ пристаняхъ отданъ былъ приказъ брать, съ часу пополудни, по таксѣ, и заплатилъ „по печатному".... Не даромъ я вѣрю во все печатное!..

Въ 2 часа пароходикъ нашъ засвистѣлъ, зашумѣлъ, запыхтѣлъ и побѣжалъ.... Берега Оки, сравнительно съ волжскими, довольно пустынны, однообразны, къ тому-же достаточно мнѣ знакомы, и потому я занялся больше тѣмъ, что было ко мнѣ ближе.

Наблюденія мои съ парохода перешли прежде всего на его команду, начиная съ командира и кончая матросомъ. И тутъ ничего похожаго на Волгу: вмѣсто характернаго волжскаго обличья матросовъ здѣсь вы видите обыкновеннаго рабочаго человѣка: кто въ синей рубашкѣ, кто въ красной, кто въ картузѣ, кто въ мѣховой шапкѣ, а кто и съ непокрытой головой, кто въ валенахъ, кто босикомъ, чуть не „въ чемъ мать родила". Командиръ еще немножко похожъ на командира буксирнаго частнаго парохода на Волгѣ: въ бѣлой фуражкѣ, въ черномъ сюртукѣ, панталоны въ сапогахъ,

помощникъ-же его—чистѣйшій типъ московскаго артельщика. Команда командира, однако, такъ же, какъ и обращеніе его съ публикой, имѣетъ свои особенности, такъ какъ refrain'ируется крѣпкими словцами, впрочемъ, цензурнаго свойства и самаго добродушнѣйшаго, безобиднаго оттѣнка. Съ машинной командой происходятъ, напр., такіе діалоги:

— Полный ходъ!

— Машина запарилась!

— Тебя не спрашиваютъ, чертова команда! Полный ходъ!

Послѣ нѣкотораго молчаливаго протеста ходъ усиливается до полнаго. Вскорѣ я дѣлаю открытіе, что машинистъ близокъ къ состоянію невмѣняемости и то и дѣло навѣдывается въ буфетъ. Узнаю какъ зовутъ командира и обращаюсь къ нему.

— Федоръ Федоровичъ, говорятъ, у васъ машинистъ-то того. .

— Да ужъ чего, не того!.. Совсѣмъ того!... говоритъ Федоръ Федоровичъ и добродушно щуритъ свои умные глазки.

— Несчастье, вѣдь, можетъ случиться,—робко замѣчаю я.

— Ничего не случится. У насъ трубы малость текутъ, пару не хватаетъ; развѣ гдѣ постоимъ, а не то, что больно прытко побѣжимъ. Да и предохранительный одинъ клапанъ тамъ, въ машинѣ-то, устроенъ (Кулибинское училище ее въ Нижнемъ работало): фунтъ лишняго пара объявится— сейчасъ клапанъ самъ откроется и вымахнетъ его....

Я устыдился своему невѣжеству и малодушію, и успокоился, объяснивъ себѣ взрывы котловъ и гибель людей на пароходахъ тѣмъ, что и техники потомъ не могутъ дать себѣ яснаго представленія о причинахъ несчастій.

Чтобы покончить о машинѣ парохода „Дѣятель", замѣчу кстати, что нѣкоторыя части этой машины сработаны Кулибинскимъ ремесленнымъ училищемъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, какъ обязательно сообщилъ мнѣ, по возвращеніи моемъ въ Нижній, смотритель училища И А. Игнатьевъ, по чертежамъ машиниста городского водопровода С. А. Овчинникова; вилы и кривошипы сдѣланы по заказу училища Кулебакскимъ заводомъ; чугунныя вещи отлиты, по училищнымъ моделямъ, на заводѣ г. Мейера; все-же остальное, начиная съ болта и гайки (работа учениковъ 2 класса) и кончая подшипниками, бугелями и шатунами, изготовлено въ училищныхъ мастерскихъ; сборка и установка машины производилась помимо училища, подъ наблюденіемъ сыновей г. Овчинникова. . Такимъ образомъ завѣтная мысль покойнаго нижегородскаго писателя Н. И. Храмцовскаго, иниціативѣ и настойчивости котораго обязанъ Нижній-Новгородъ существованіемъ въ немъ училища, посвященнаго имени И. П. Кулибина (впервые мысль свою высказалъ Н. И. Храмцовскій въ „Нижегородскомъ Ярмарочномъ Листкѣ" за 1864 г.), начинаетъ наконецъ осуществляться: училище служитъ памятникомъ Кулибину и практическимъ интересамъ его родины....

Около деревень Сосновки и Погорѣлки нѣсколько бабъ и мужиковъ попросили Федора Федоровича высадить ихъ на берегъ.

— Убавь!... Стопъ!

Заработалъ штурвальный, перестала работать машина, и пароходъ прибило къ яру праваго берега До берега доски, спущенной съ носу, не хватило, уперлась она въ воду, съ боку доски поставили наметку, въ видѣ перилъ, которыя къ концу доски сходили „на нѣтъ", публика стала стремглавъ спускаться, сильно напоминая мнѣ катанье съ горы „на собственномъ иждивеніи" въ опереткѣ „Волшебная флейта"; большинство мужиковъ срывалось въ воду, сорвалась было и одна баба, да цѣпкая была, за наметку ухватилась, чуть не переломилась подъ ней наметка, но баба на своемъ поставила—не попала въ воду, а заставила перенести доску на корму, гдѣ ближе было къ берегу, а затѣмъ вся высаженная къ ея собственному удовольствію публика гуськомъ побрела въ гору, а „Дѣятель" снова заработалъ своимъ безобиднымъ полнымъ ходомъ.

— Безпрепятственно вы пароходъ для публики останавливаете,—говорю я Федору Федоровичу.

— Всячески ее ублажаемъ, гдѣ хочетъ выходи, гдѣ хочешь садись.

Пройдя живописные остатки Дуденевскаго монастыря, неподалеку отъ Горбатова увидали мы привалившій къ лѣвому берегу пароходъ тоже г. Щербакова „Энергичный", подававшій сигналы, чтобы мы къ нему зачалили. Намъ ничего больше и не оставалось дѣлать, такъ какъ фарватеръ былъ запертъ большимъ буксирнымъ пароходомъ съ нѣсколькими баржами. Верхняя палуба „Энергичнаго", назначенная „по положенію" для прогулки пассажировъ I и II класса, вся сплошь была занята корзинами съ горбатовскими, такъ называемыми избылецкими, вишнями, непомѣстившимися на нижней палубѣ. Съ „Энергичнаго" перешла къ намъ пассажирка, ждавшая насъ въ Горбатовѣ, чтобы ѣхать въ Холуй, но которой сказали, что чѣмъ вамъ-де, сударыня, ждать на конторкѣ, скучать, садитесь на „Энергичнаго", а встрѣтитесь съ „Дѣятелемъ" подадутъ свистокъ и на него пересядете.

Пока переносили багажъ пассажирки съ „Энергичнаго" на „Дѣятеля", Федоръ Федоровичъ объявилъ командиру „Энергичнаго", сыну своему, Михаилу Федоровичу, чтобы, въ случаѣ, если пассажиръ сядетъ до Нижняго, брать съ него не 15 к., а 55, по таксѣ (отъ Горбатова).

Мы не шумно отвалили...

Къ Федору Федоровичу подбѣгаетъ оффиціантъ съ „Энергичнаго" безъ шапки.

— Федоръ Федоровичъ, какъ-же мнѣ быть?

— А чего зѣвалъ, до Горбатова недалече, тамъ ссадимъ, на любой пароходъ садись, до Нижняго доѣдешь.

— Да чего зѣвалъ, вы и свистка не давали.

— Ну, стану я для тебя свистки давать!... Полный ходъ! крикнулъ онъ въ машину.

— Просто здѣсь, на Клязьмѣ,—замѣтилъ я, сидя на сквозной лавочкѣ на верхней палубѣ и смотря какъ оба парохода быстро удалялись другъ отъ друга, оставивъ въ раздумьи оффиціанта безъ фуражки.

— Чего проще! отвѣтилъ мой сосѣдъ, Иванъ Ивановичъ М., купецъ средней руки, ѣхавшій также въ Холуй и только что выползшій изъ каюты, гдѣ онъ отъ самаго Нижняго забавлялся орѣхами, вишнями и пряниками съ барыней изъ Холуя —Надысь бѣжали мы изъ Мстеры, на мель сѣли, такъ всѣхъ пассажировъ на берегъ согнали, да заставили ихъ бичевой пароходъ-отъ вести. Слава Те, Господи, и на томъ спасибо: лучше, чѣмъ зря на мели сидѣть.

— Однако... рѣшился я возразить.

— Во всякомъ разѣ лучше: и тому, значитъ, пассажиру, кой въ классѣ привыкъ сидѣть, да книжку читать, и коему по водѣ шагать не въ диковину—все впередъ подвигается.

— Нн-да... могъ я только противопоставить такъ сказать фактической логикѣ своего сосѣда.

— Командиръ нашъ—молодецъ! началъ я, желая подладиться подъ моего собесѣдника.

— Чустовъ, Федоръ-отъ Федорычъ?—Душа, одно слово. Онъ и у Михайла Иваныча въ почетѣ былъ...

— У Катенина?

— У него самаго. Баринъ оборотистый былъ, только всетаки не потрафилъ себѣ на Клязьмѣ: не за господское дѣло, извѣстно, взялся. Теперь земскимъ начальникомъ не въ примѣръ благороднѣе себѣ кондицію нашелъ. А Ивана Ивановича Щербакова Федоръ-же Федорычъ научилъ въ Клязьму пойти.

— Да какъ они сошлись-то? полюбопытствовалъ я. Вѣдь Иванъ Ивановичъ, слышно, московскій, тамъ подрядами занимается.

— Гм! Иванъ Иванычъ и московскій и на низу работалъ, и клязьменскій. Онъ и родомъ-то съ Клязьмы, изъ села Голицъ,—тутъ вотъ пониже Гороховца будетъ, у желѣзно-дорожнаго моста... А Федоръ Федорычъ основательный, обстоятельный человѣкъ, лѣтъ 25 волжскимъ промысломъ займуется, и на Окѣ и на Вяткѣ работалъ. Самъ—елатомскій. И сына приспособилъ къ своему дѣлу—на „Энергичномъ“, вотъ, что подъ Дудинымъ монастыремъ мы повстрѣчали, командиромъ состоитъ. Молодой человѣкъ, а свое дѣло справляетъ.

— Перекатовъ много на Клязьмѣ? спросилъ я.

— Вы, знать, въ-первой?

— Никогда не бывалъ на ней...

— Сплошной перекатъ на Клязьмѣ-то, сударь мой. Да нонѣ что? Тоже форменные бакены начальство и по Клязьмѣ наставило и ночью освѣщеніе за первый сортъ, а вотъ какъ Михайло-то Иванычъ, сердечный, маялся, такъ только диву дашься. А на мели сидѣть, сударь, не будете: въ Гороховцѣ всю кладь „Дѣятель“ сдастъ, а до Холуя порожнимъ пойдетъ. Всего на 14 вершкахъ сидитъ... А вы по какой части будете? оборвалъ себя Иванъ Ивановичъ.

— Какъ вамъ сказать?... Видите-ли... Про князя Пожарскаго слыхали вы?...

— Какъ не слыхать! Въ ножевой линіи стараго-то гостинаго двора московскаго не единожды бывалъ, такъ монаментъ ему собственноручно видѣлъ... Москвы ослободитель былъ, вмѣстѣ съ нижегородскимъ посадскимъ Мининымъ.

— Такъ вотъ-съ, во владимірской и въ нижегородской губерніяхъ были у князя Пожарскаго суздальскія и балахонскія вотчины. Такъ вотъ я и разъѣзжаю, разузнаю, нѣтъ-ли какихъ разсказовъ про князя-то...

— По писательству, значитъ, въ родѣ газетчика..

— Именно такъ.

— А фамилія ваша?

Я сказалъ.

— Изъ поляковъ?

— Почти.. И знаете-ли... Москву-то въ 1612 году, вмѣстѣ со своими и поляки обижали; Пожарскій противъ нихъ вооружился, а теперь вотъ въ балахонской бывшей вотчинѣ князя народъ православный лѣчитъ врачъ Пржигодзскій, недавно судилъ народъ, до земскихъ начальниковъ, судья Врублевскій, а преданія о князѣ собираетъ Гацискій... Въ числѣ имѣній Пожарскаго было село Мытъ, а я вотъ недавно узналъ, что есть у меня въ западномъ краѣ родственники, настоящіе поляки, и владѣютъ они имѣніемъ, которое называется Отмытъ..

— На-ко-сь! Что подобрали!... фыркнулъ Иванъ Ивановичъ и ушелъ внизъ, въ каюту.. Навстрѣчу намъ снова шелъ буксирный пароходъ товарищества „Ока" съ громаднымъ возомъ.

— Сифонъ закрой! скомандовалъ Федоръ Федоровичъ въ машину.

Машинистъ даетъ тихій ходъ.

— О, чтобъ васъ розорвало! Сифонъ закрой, а онъ—тихій ходъ. Бѣда, да и только съ пьянымъ народомъ...

Сумерки быстро надвигались. Скоро на правомъ нагорномъ берегу замигали огоньки—это Избылецъ съ Горбатовымъ на носъ надвигались.

Подъ Горбатовымъ мы постояли не долго. Совсѣмъ стемнѣло. Ночь была безлунная. Но я не спускался въ каюту, потому что было тепло, хорошо дышалось, да къ тому-же до устья Клязьмы осталось всего 5—6 верстъ, хотѣлось поклониться ей передъ сномъ.

Не долго пришлось мнѣ ждать. Показались перевальные клязьменскіе огни, пароходъ нашъ круто повернулъ направо, и мы вошли, наконецъ, въ эту уютную, прихотливую красавицу.

— Бариновъ! крикнулъ Федоръ Федоровичъ караульному у перевальнаго огня...

— Здѣсь! послышался отзывъ изъ темноты.

— Приготовь къ завтрому кладнушку для Владиміра. Я заплачу.

— Ладно!...

Сдѣлка была совершена.

Красоты клязьменскихъ береговъ, долженъ былъ я самъ себѣ сознаться, за ночною тьмою рисовались преимущественно моимъ воображеніемъ. Было уже поздно: шелъ первый часъ, и я спустился въ каюту. Иванъ Ива-

новичъ М. все еще грызъ орѣхи, ѣлъ вишни и закусывалъ пряниками со своей холуйской компаніонкой.

„А ну, какъ вмѣсто „сифонъ закрой“, или тамъ въ родѣ какого-нибудь сифона, машинистъ вмѣсто тихаго дастъ невпопадъ полный ходъ,—подумалъ я, раздѣвшись и растянувшись на своемъ ложѣ во весь ростъ, по стольку, по скольку это позволяло коротенькое ложе каюты... Могутъ быть встрѣчные пароходы... Могутъ быть карши.. Эхъ. не спросилъ я, есть-ли на Клязьмѣ карши, и велики-ли... Карши... Почему одни говорятъ карши, а другіе—карчи?... Не отъ карчи-ли происходятъ карши... А вотъ Коршъ Владиміръ Федоровичъ, царство ему небесное...“

Я очевидно забывался.

„Да, если полный ходъ,—собралъ я свои мысли,—и не кстати полный, вмѣсто тихаго. При томъ... Прямо мнѣ въ голову.. Ничего, предохранительный клапанъ такой есть... Федоръ Федоровичъ говоритъ: „ничего!“...

„Предохранительный клапанъ тутъ не при чемъ, если налетимъ на что-нибудь,—сообразилъ я, снова подбираясь... А впрочемъ кому что суждено... Недавно читалъ вѣдь я, что Гекторъ, прощаясь съ Андромахой, сказалъ: „если мнѣ назначено умереть въ битвѣ, то я могу быть настигнутъ смертью и сидя на печи“.. Значитъ... какъ бишь это? Да, старушка удивлялась, узнавши, что померъ генералъ отъ инфантеріи, что прежде помирали все отъ холеры, а нынѣ вотъ отъ инфантеріи стали помирать... Да, значитъ, кому номереть отъ инфантеріи, тотъ не утонетъ... А у братьевъ Тонетъ кушетка несравненно лучше пароходной койки... А Надежда Григорьевна въ Нижнемъ, побывавъ за границей, никакъ не можетъ отличить кушетку отъ акушерки и гондолу отъ. гондолу отъ... отъ...“

Далѣе я своихъ размышленій ужъ вовсе не помню... Не слыхалъ я какъ мы приставали къ Голицамъ, проспалъ и Гороховецъ, и только утромъ 22 іюля, а утро было чудное, выйдя на палубу, вскорѣ увидалъ Вязники... Казалось, вотъ сейчасъ пристанемъ.. Но русло Клязьмы такъ прихотливо, что мы въ теченіе битаго часа то приближались къ Вязникамъ, то снова уходили отъ бѣлѣвшихъ вдали вязниковскихъ церквей.

Видъ съ Клязьмы на Вязники очень красивъ; городъ съ господствующей надъ нимъ слободой Ярополчемъ, какъ принято говорить, утопаетъ въ зелени; уходящая въ гору линія московскаго шоссе имѣетъ видъ (по направленію къ Москвѣ) роскошной аллеи парка, а надъ всѣмъ городомъ, для знакомаго съ его литературой, какъ бы витаетъ духъ его бытописателя, почтеннаго протоіерея К. А. Веселовскаго, ужъ около 30 лѣтъ посвящающаго всѣ свои силы, и словомъ, и дѣломъ, своему родному городу. Не говоря о его пастырскихъ обязанностяхъ, уважаемому Константину Александровичу обязана своимъ процвѣтаніемъ образцово-поставленная имъ Ярополчская школа; ему-же обязаны мы прекрасными изслѣдованіями о прошломъ и настоящемъ значеніи города Вязниковъ: „Городъ Вязники, исторія его, древности и статистика“, Владиміръ 1871 г., „О разведеніи вишневыхъ садовъ“, СПБ. 1887, изд. 2-ое и другія, существую-

щаго съ конца XIV или начала XV вѣка (великій градъ Ярополчъ исторически извѣстенъ съ 1389 года) и славящагося своими вишневыми садами.

„Mare an non!“ воскликнули испанцы, увидавъ многоводную рѣку, которая съ тѣхъ поръ и называется Мараньйономъ... „Кума, вина!“ кричали нижегородскіе молодцы красивой хозяйкѣ веселаго заведенія за Окой противъ Нижняго, и стала съ тѣхъ поръ извѣстна развеселая слобода „Кумавино“... Премудрый Асунъ, изъ племени Іафетова, зашелъ въ дикіе лѣса и топкія мѣста, и заложилъ тамъ градъ и нарекъ его, по своему великому сужденію, „Суждаль“, и сталъ у насъ теперь городъ Суздаль... „Уфъ!“ пропыхтѣлъ кто-то уставши и, оглянувъ мѣстность, прибавилъ многозначительно „А!“, и вышло „Уфа“... Раненъ-де былъ татарскій визирь Бурхъ въ побоищѣ съ русскими, и взялся на томъ мѣстѣ городъ „Раненъ-Бурхъ“ (Ораніенбургъ рязанской губ.), и т. д., и т. д., до безконечности, какъ безконечна фантазія человѣческая... Такая-же фантастическая легенда связана и съ названіемъ Вязниковъ... Жилъ-де былъ въ городѣ Ярополчѣ князь Кій, нравомъ не только крутой, но и прямо говорить, свирѣпый. Охотился онъ однажды за Клязьмой. переправился уже и на городской берегъ, да тутъ въ болотѣ и завязъ; слуга его вытащить князя изъ топи не могъ и кинулся въ Ярополчъ за подмогой; обрадованные вѣстью ярополчане вышли на гору и въ восторгѣ начали кричать: „Вязни, Кій! Вязни, Кій!“ Увязъ въ болотѣ Кій, а ярополчане на радостяхъ основали, на вѣчное его поминовеніе, подъ горой селеніе, назвавъ его „Вязни-ки“.*)

Осмотрѣвъ во время стоянки „Дѣятеля“ подъ Вязниками грузившійся здѣсь буксирный пароходъ того-же г. Щербакова „Веста“, съ его первоклассными и второклассными каютами, въ которыхъ человѣкъ даже средняго роста долженъ стоять согнувшись въ три погибели, я вернулся на „Дѣятеля“ съ впечатлѣніемъ человѣка, попавшаго съ „Дѣятеля“ на волжскаго американца. Если „Дѣятеля“ всего приличнѣе назвать пароходикомъ, то для „Весты“ и названіе трудно придумать; для него даже слово „пароходишко“ кажется слишкомъ громозвучнымъ.

Отвалили мы отъ вязниковской пристани, и опять началось чуть не поминутное шарканье „Дѣятеля“ о песокъ, съ выкриками по наметкѣ (едва-ли удавалось сплошь пройти съ четверть часа безъ наметыванія):

— Пять... Пять съ пулавинай... Шесть... все протяжно, спокойно, монотонно, и вдругъ тревожно, отрывисто, во всю глотку, съ сильнымъ удареніемъ на первомъ слогѣ:

— Ча́тыре!...

— Полнай! командовалъ Федоръ Федоровичъ, и мы благополучно проходили перекатъ, только изо всей мочи шаркнувъ по песку.

---

*) Масса подобныхъ примѣровъ подобрано въ статьѣ А. Н. Сергѣева „Опытъ объясненія названій русскихъ городовъ“ („Сборникъ въ память перваго русскаго статистическаго съѣзда 1870 года“, вып. 2-й, Нижній-Новгородъ, 1875, стр. 603—634).

Я сначала удивлялся командѣ „полный ходъ“ послѣ окрика „чатыре“, совершенно обратной, чѣмъ на Волгѣ, гдѣ послѣ рокового „чатыре“ слѣдуетъ самый тихій, ато и задній ходъ. Но дѣло на Клязьмѣ объясняется тѣмъ, что заднимъ валомъ подбавляется воды на перекатѣ, и пароходъ полнымъ ходомъ благополучно его минуетъ, если окончательно не втискивается при глубинѣ меньшей 12—14 вершковъ. Какъ ни часты перекаты на Клязьмѣ, не случалось, однако, видѣть на ней, какъ на Сурѣ, столкновенія парохода... съ телѣгой, о чемъ вскорѣ въ половинѣ августа сдѣлалось извѣстно изъ газетъ...

Оригинальное зрѣлище представляется на Клязьмѣ, когда съ парохода въ воду высылается „пахорь“: если перекатъ очень опасенъ и при работѣ машины тихимъ ходомъ есть основаніе думать, что пароходъ теченіемъ сносится на болѣе мелкое мѣсто, въ воду слѣзаетъ одинъ изъ лоцмановъ съ шестомъ, зачаленнымъ снастью за носъ парохода, и упираетъ этотъ шестъ въ наклонномъ положеніи отъ носа парохода: чѣмъ сильнѣе пароходъ теченіемъ тянется, положимъ, влѣво, если пахорь дѣйствуетъ справа, тѣмъ шестъ глубже уходитъ въ дно и сильнѣе этому сопротивляется.

— Тихой! Къ пристани подходимъ! командуетъ Федоръ Федоровичъ, и мы пристаемъ ко мстерской пристани.... Федоръ Федоровичъ вообще къ такъ сказать объяснительной командѣ склоненъ, посвящая машинное отдѣленіе съ мотивами своей команды: „Сифонъ закрой: пароходъ идетъ!“ или: „Тихой: лодка пристаетъ!“ и т. п.

Если съ Вязниками такъ тѣсно связано имя Константина Александровича Веселовскаго, то не менѣе, если еще не болѣе неразрывно и вѣковѣчно связано съ Мстерой имя Ивана Александровича Голышева, всю жизнь свою положившаго на изслѣдованіе и прославленіе своей родной мѣстности. Бывшій крѣпостной крестьянинъ, И. А. Голышевъ силою личной энергіи добился того, что большинство нашихъ ученыхъ обществъ и учрежденій сочли своимъ долгомъ включить его въ составъ своихъ членовъ. Открывъ въ 1858 году во Мстерѣ литографію для печатанія народныхъ картинъ, И А. Голышевъ придалъ ей однако преимущественно не коммерческій, а чисто-научный характеръ, выпуская въ свѣтъ изданія, не разсчитанныя на бойкій сбытъ, а на служеніе цѣлямъ научнымъ. Такимъ образомъ И. А. изданы цѣлые альбомы и атласы, каковы: „Древности Богоявленской церкви XVII вѣка въ слободѣ Мстерѣ“, 1870 (20 листовъ рисунковъ); „Атласъ рисунковъ со старинныхъ пряничныхъ досокъ вязниковскаго уѣзда“, 1874 (20 листовъ); „Памятники старинной русской рѣзьбы по дереву въ вязниковскомъ уѣздѣ“, 1877 (20 листовъ); „Памятники древнихъ церковныхъ сооруженій во владимірской губерніи“, 1879 (21 листъ); „Альбомъ русскихъ древностей владимірской губерніи“, 1881 (40 листовъ); „Памятники русской старины владимірской губерніи“, 1883 (20 листовъ); „Альбомъ русскихъ рукописныхъ синодиковъ 1651, 1679 и 1686 годовъ“, 1885 (30 листовъ); „Альбомъ рукописнаго синодика Богородицерождественской церкви села

Климовскаго вологодской губерніи, вельскаго уѣзда 1746 года", 1887, и другіе. Въ трудахъ владимірскаго губернскаго статистическаго комитета, изданныхъ при покойномъ секретарѣ комитета, Константинѣ Никитичѣ Тихонравовѣ, самомъ видномъ въ нынѣшнемъ столѣтіи дѣятелѣ владимірскаго края на поприщѣ учено литературномъ, помѣщена масса рисунковъ, сдѣланныхъ И. А. Голышевымъ въ его литографіи (виды мѣстностей, портреты мѣстныхъ дѣятелей, снимки со старинныхъ церквей, монастырей, церковной утвари, съ курганныхъ находокъ и т. п.). Въ мѣстныхъ изданіяхъ статистическаго комитета, въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ" и въ „Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ" И. А. Голышевымъ помѣщено нѣсколько сотъ статей, преимущественно историко-археологическаго содержанія. Изъ числа отдѣльно изданныхъ книгъ и брошюръ его слѣдуетъ назвать: „Богоявленская слобода Мстера, исторія ея, древности, статистика и этнографія", 1865; „Серапіонова пустынь въ вязниковскомъ уѣздѣ," 1867; „Борковская Николаевская пустынь вязниковскаго уѣзда, основанная по завѣщанію князя Д. М. Пожарскаго сыномъ его, Иваномъ Дмитріевичемъ, въ 1650 году," 1869; „Лубочныя старинныя народныя картинки, происхожденіе, гравированіе и распространеніе ихъ", 1870; „Мифическія изображенія двѣнадцати лихорадокъ", 1871; „Изображенія иконъ свв. Флора, Лавра, Модеста и Власія и значеніе этихъ образовъ въ народѣ", 1871; „Лубочная старинная картинка *Мыши кота погребаютъ*" и нѣкоторыя прежнія народныя гравюры, 1878; „Счастливая судьба фресокъ владимірскаго Успенскаго собора XII в.", 1884; „Мѣсто земного упокоенія и надгробный памятникъ боярину и воеводѣ князю Д. М. Пожарскому въ г. Суздалѣ и гробница думнаго дворянина К З. Минина-Сухорука въ г Нижнемъ-Новгородѣ", 1885 и др. Хотя въ большинствѣ случаевъ приложимо библейское изрѣченіе о мѣстныхъ „пророкахъ", но во Мстерѣ оцѣнили дѣятельность И. А. Голышева, и 8 іюня 1886 г. торжественно отпразднованъ былъ двадцатипятилѣтній юбилей его учено-литературной дѣятельности и даже изданы были по этому случаю двѣ довольно объемистыя брошюры; одна, неизвѣстнаго автора, подъ заглавіемъ: „Двадцатипятилѣтняя дѣятельность Ивана Александровича Голышева, бывшаго крѣпостного крестьянина-самоучки. 1861—1886", Владиміръ, 1886; другая „Двадцатипятилѣтній юбилей учено-литературной и художественной дѣятельности Ивана Александровича Голышева, бывшаго крѣпостного крестьянина-самоучки, въ усадьбѣ Голышевкѣ, рядомъ со слободой Мстерой. вязниковскаго уѣзда, владимірской губерніи, 8 іюня 1886 года," Владиміръ, 1887, принадлежитъ перу младшаго по возрасту члена, такъ сказать, тихонравовской плеяды владимірскихъ писателей, Н. С. Стромилову.

Даже сказаннаго—а сказанное заключается въ одномъ перечневомъ спискѣ—достаточно, чтобы было ясно, что сколько-бы ни было въ будущемъ работниковъ на томъ поприщѣ, которое было избрано И. А Голышевымъ, имя мстерскаго крестьянина-самоучки всегда будетъ памятно и почтено....

Плесъ отъ Мстеры до устья Тезы, повыше котораго расположена конечная пристань клязьменскаго пароходства (въ половодьѣ пароходы под-

нимаются до г. Коврова), отъ которой верстахъ въ 6 расположено, на Тезѣ, село Холуй, мы „обломали“ довольно скоро, часа въ 4. И здѣсь берега Клязьмы также красивы, извороты ея также прихотливы, мостовые проходы также оригинальны (по Клязьмѣ отъ устья ея до Холуя всего 8 пловучихъ мостовъ-однорядокъ, изъ еловаго лѣсу, открывающихъ свои „ворота“ передъ каждымъ пароходомъ и днемъ и ночью). Нѣкоторою особенностію для меня въ этомъ плесѣ было лишь большое присутствіе каршей, такъ что у лѣваго берега я видѣлъ даже спеціально каршеподъемную машину. На лѣвомъ-же берегу замѣтилъ я гигантскую каршу въ видѣ довольно прямого чернаго бревна, на глазъ саженъ въ пять....

— Такія-ли еще бываютъ! Намеднись вытащили на моихъ глазахъ десятисаженную и какъ-есть дубовую.. пояснилъ мнѣ Федоръ Федоровичъ, когда я выразилъ ему свое удивленіе, глядя на пятисаженную каршу.

Значитъ, и здѣсь по берегамъ Клязьмы, какъ и по берегамъ Сити, Волги, Оки и Камы, гдѣ мнѣ ихъ приходилось видѣть, росли въ сѣдыя до-историческія времена непроходимые дубовые лѣса.

Спустивъ у балинской пристани (пристань фабрики г. Балина) нѣсколько пассажировъ такимъ-же манеромъ, какъ у Сосновки и Погорѣлки, т. е. почти „на собственномъ иждивеніи“ (между пассажирками была женщина съ груднымъ ребенкомъ, котораго она чуть не выронила, сама свернувшись въ воду), мы къ закату солнца подошли къ холуйской пристани.

— Птицы купаются—къ дождю! замѣтилъ Федоръ Федоровичъ, ни къ кому собственно не обращаясь, увидавъ стаю воронъ, плескавшихся на обширной отмели праваго берега, и затѣмъ добавилъ уже въ машину:

— Къ пристани подходимъ!..· Запри сифонъ!... Убавь!...

2. Въ Холуѣ.

На берегу стояло нѣсколько парныхъ извозчиковъ. Мы сѣли съ Иваномъ Ивановичемъ въ тарантасъ, запряженный не столько лихой парой, сколько управляемый лихимъ ямщикомъ, „въ сильныхъ градусахъ“, Бурматовымъ, который, несмотря на всѣ наши протесты, исходившіе исключительно изъ стремленія сберечь собственныя шкуры, такъ гналъ своихъ коней, что мигомъ „представилъ“ насъ къ своему дому, въ Холуѣ.... Бурматовъ оказался не только ямщикомъ—просто, но до нѣкоторой степени чиновнымъ ямщикомъ, какъ содержатель земской станціи и взъѣзжей квартиры. Отведенная имъ намъ комната была чиста и даже нарядно оклеена темно-синими обоями, съ цвѣтами на окнахъ, съ поясньмъ портретомъ какого-то генерала николаевскихъ временъ и съ отсутствіемъ „легкой и тяжелой кавалеріи“.

Утро слѣдующаго дня, 23 іюля, какъ и наканунѣ, теплое, но чуть-чуть сѣренькое.

Итакъ, я наконецъ въ суздальской вотчинѣ князя Дмитрія Михайловича.. „И напередъ сего за тѣ службы, за царя Васильево осадное сидѣнье,—читается въ грамотѣ 1621 года,—мы, Великій Государь, Царь и

Великій Князь Михайло Θеодоровичъ всея Русіи пожаловали боярина нашего Князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго въ Суздальскомъ уѣздѣ села Мыту приселкомъ Нижнимъ Ландехомъ, да Холуй посадецъ".... *)

Но помнитъ-ли „Холуй-посадецъ" своего бывшаго господина? Нѣтъ, въ народѣ очевидно никакихъ преданій о принадлежности Холуя Пожарскому не сохранилось, иначе они такъ сказать наружу-бы били Это подтвердилъ мнѣ интересовавшійся тѣмъ-же самымъ вопросомъ почтенный о. Іоаннъ, Иванъ Михайловичъ Алявдинъ, священникъ Троицкой церкви въ Холуѣ....

— Оно и понятно, говорилъ онъ мнѣ: слишкомъ много времени съ тѣхъ поръ протекло, а въ церквахъ нашихъ, не то, что у васъ въ Пурехѣ, никакихъ, такъ-таки ровно никакихъ вкладовъ ни самого князя Пожарскаго, ни семейныхъ его не осталось, да видно ихъ и не было. Вотъ только сосѣдняя борковская пустынка одна напоминаетъ намъ о великомъ гражданинѣ... Книжное преданіе говоритъ, что когда князь Пожарскій шелъ на Москву, здѣсь около Холуя былъ, на бору, станъ его, и далъ онъ обѣщаніе построить тутъ пустынку; но не успѣлъ этого сдѣлать, а построилъ борковскую николаевскую пустынь ужъ сынъ его, князь Иванъ Дмитріевичъ, пожертвовавъ въ нее икону Казанской Божіей Матери изъ Пуреха. Боръ на этомъ мѣстѣ существовалъ еще въ семидесятыхъ годахъ и вырубленъ господами, на моихъ глазахъ: я здѣсь 40-ой годъ священникомъ, гр. Бобринскими. Крестьяне принадлежали графамъ Бобринскимъ, Соковнинымъ, князьямъ Хованскимъ, а частью были государственные, встарину—монастырскіе: Спасоефимовскій монастырь въ Суздалѣ. И теперь та часть села, гдѣ жили государственные крестьяне, называется Спасской заволокой; а вотъ у насъ еще Троицкая заволока есть, такъ тамъ жили крестьяне Троицко-Сергіева монастыря. И празднуютъ они въ Спасской заволокѣ—св. Ефимію, а въ Сергіевской—св. Сергію.... А названіе свое Холуй получилъ, какъ-бы вамъ сказать? Да отъ слова „халуй", по нашему произношенію на о—„холуй". Халуй здѣсь въ смутное время, сказываютъ, поселялись, а кто говоритъ: преступниковъ здѣсь тогда правительство селило; грабили они, обирали, *охоляли*, такъ идетъ объ этомъ въ народѣ здѣсь споръ... Народъ и по днесь здѣсь, прямо сказать, вертлявый....

— Вы назвали, батюшка, замѣтилъ я, преданіе о пути Пожарскаго въ Москву на Холуй книжнымъ, значитъ, собственно въ народѣ и этого нѣтъ. .

— Мало замѣтно . .

— Историческія данныя указываютъ на другой путь Нижегородскаго ополченія въ Москву—на Ярославль, а въ Ярославль оно шло на Балахну, Пучежъ, Юрьевецъ, Рѣшму, Кинешму, Плесъ и Кострому....

*) „Жалованная грамота Государя Царя Михаила Θеодоровича Боярину Князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому, утверждающая прежнее его владѣніе въ Суздальскомъ уѣздѣ селомъ Нижнимъ Ландехомъ и посадомъ Холуемъ съ деревнями починками и пустошьями, за его ревность, мужество и отличныя услуги, оказанныя имъ Отечеству въ правленіи Царя Василія Іоанновича Шуйскаго и при вторженіи Поляковъ и Литовцевъ въ смутныя времена междуцарствія. Писана 1621, іюля 5". См. въ „Собраніи Государственныхъ грамотъ и договоровъ" подъ № 56. Та-же грамота повторена у Графа М Д. Бутурлина („О мѣстѣ погребенія князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, и о томъ, гдѣ лѣчился отъ ранъ осенью 1611 года", Москва, 18, стр. 28—31).

— Такъ-то оно такъ. Знаю-съ... Да вѣдь и на моей памяти купцы въ Нижній на ярмарку, до постройки шоссе—не говоря ужъ о желѣзной дорогѣ—изъ Суздаля на Холуй и Балахну, ѣзжали, здѣсь былъ большой трактъ, такъ и назывался „балахонкой"... Быть можетъ, что если не все Нижегородское ополченіе съ Пожарскимъ и Мининымъ во главѣ, то часть его шла мимо Холуя, у нынѣшней борковской пустыни.... А впрочемъ, объ этомъ почитайте у Ивана Александровича Голышева....

У И. А. Голышева читаемъ мы слѣдующее: „Борковская пустынь относится къ древнимъ памятникамъ здѣшней (владимірской) губерніи. Она основана иждивеніемъ князя Іоанна Дмитріевича Пожарскаго, по завѣщанію его родителя, князя Дмитрія Михайловича. Въ несчастную годину Россіи, во время междуцарствія, въ 1612 году, князь Дмитрій Михайловичъ, идя съ дружиною на избавленіе Москвы, на семъ мѣстѣ имѣлъ остановку на нѣсколько времени, и вмѣстѣ съ прибывшей сюда новой дружиной далъ обѣтъ передъ всемогущимъ Богомъ мужественно понести всѣ трудности и опасности въ предстоящей борьбѣ съ многочисленными врагами и отечественными измѣнниками, и не щадить самой жизни, чтобы отстоять Москву и спасти отечество; въ память сихъ своихъ чувствъ въ благодарность Богу тогда-же положилъ основать на ономъ мѣстѣ обитель во имя св. Николая Чудотворца. Она построена около 1650 года на иждивеніе князя Ивана Дмитріевича Пожарскаго".

Такъ говоритъ И. А. Голышевъ въ изданной имъ въ 1871 году брошюрѣ: „Борковская николаевская пустынь," *) но отъ себя говоритъ онъ только, что „борковская пустынь относится къ древнимъ памятникамъ здѣшней губерніи. Все остальное о походѣ Пожарскаго,—объ остановкѣ его на мѣстѣ нынѣшней борковской пустыни, объ обѣтѣ его ставится И. А. Голышевымъ въ кавычкахъ, а въ концѣ ихъ слѣдуетъ подстрочная выноска со ссылкой на источникъ, откуда онъ заимствуетъ содержимое своихъ ковычекъ. Источникъ этотъ („Полный мѣсяцесловъ всѣхъ святыхъ", Спб. 1848) не изъ такихъ конечно, чтобы можно было его считать серьезнымъ; но авторъ брошюры очевидно придаетъ ему значеніе, что ясно изъ самаго заглавія брошюры съ положительнымъ утвержденіемъ показанія „Мѣсяцеслова" и отсутствіемъ у автора критики этого показанія.

Первая половина текущаго столѣтія вообще не богата у насъ исторической критикой. Достовѣрныя историческія свидѣтельства не рѣдко переплетались съ неимѣющими никакой цѣны устными и книжными небывальщинами, не только въ такихъ сочиненіяхъ, какъ какой-нибудь „Мѣсяцесловъ", но и въ такихъ, которыя имѣли всѣ внѣшніе признаки историческаго изслѣдованія и даже принадлежали авторамъ съ громкими именами въ исторической литературѣ, не говоря уже о тѣхъ авторахъ, которые главными достоинствами своими считали одинъ такъ называемый „квасной" патріотизмъ.

---

*) „Борковская николаевская пустынь во владимірской губерніи, основанная по завѣщанію князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго сыномъ его, Иваномъ Дмитріевичемъ. Историческое описаніе". Составилъ И. Голышевъ. Владиміръ 1871, стр. 4 - 5.

Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ одной легендой, а легенды конечно могутъ быть законнымъ достояніемъ исторіи только до нѣкоторой степени.

Что касается устройства обители около 1650 года сыномъ кн. Дмитрія Михайловича, Иваномъ Дмитріевичемъ, бывшаго въ живыхъ еще въ 1652 году, что видно изъ вклада его (апрѣльской минеи) въ пуреховскую макарьевскую обитель и при томъ устройство ея именно даже въ память подвиговъ отца, то въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, хотя, какъ увидимъ ниже, является нѣкоторое сомнѣніе въ принесеніи иконы Казанской Божіей Матери кн. Иваномъ Дмитріевичемъ изъ Пуреха.

Прощаясь съ Иваномъ Михайловичемъ Алявдинымъ, я сказалъ ему, что хочу посѣтить борковскую пустынь, хранящую вклады ея основателей.

— До пустыни рукой подать, вотъ только поле перейти. Хотите, я васъ провожу, время теперь для меня свободное... Кстати я тамъ давно не бывалъ, повидаюсь со строителемъ о. іеромонахомъ Никаноромъ.

Я конечно былъ радъ такому проводнику, и мы пошли сначала берегомъ Тезы—лѣвымъ, потомъ по мосту черезъ нее перешли на другую ея сторону, а справа неслась къ намъ горланистая пѣсня, которую „играли“ *) въ „мѣстѣ злачномъ и прохладномъ“; потомъ, выйдя вскорѣ изъ живописно раскинутаго по обоимъ берегамъ Тезы Холуя, въ поле, увидали черезъ поле, въ 1½—2 верстахъ бѣлѣющія постройки борковской пустыни... Я невольно остановился, такъ красива она...

— Нѣтъ, вы-бы весной, во время розлива у насъ побывали,—подзадоривалъ меня Иванъ Михайловичъ—Венеція, одно слово! Кругомъ вода, и по улицамъ вода: клязьменскія воды соединяются съ водами Тезы... и лихорадками насъ душатъ....

О. іеромонахъ Никаноръ радушно встрѣтилъ насъ, показалъ мнѣ все свое домостроительство, монастырскую опись, церкви, и увы!.. Не нашлось ни одного прочнаго свидѣтельства даже относительно иконъ, приложенныхъ въ пустынь княземъ Иваномъ Дмитріевичемъ Пожарскимъ. Объ иконѣ Николая Чудотворца имѣются лишь одни слова брошюры И. А. Голышева: „Какъ говорятъ, да и должно предполагать, безъ сомнѣнія (почему?) это та самая икона храмовая, въ честь которой былъ сооруженъ первобытный храмъ И. Д. Пожарскимъ (?), и при пожарѣ деревянной церкви обгорѣла“; а объ иконѣ Казанской Божіей Матери въ монастырской описи прямо сказано, что она—вкладъ епископа Мефодія, уроженца с. Холуя, бывшаго въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія епископомъ астраханскимъ и ставропольскимъ....

---

*) На выраженіе «играть» пѣсни впервые обратилъ свое вниманіе С. В. Максимовъ, жившій въ Холуѣ, «по офенскимъ дѣламъ» въ пятидесятыхъ годахъ («Крылатыя слова», С. Максимова, Спб. 1890, стр. 375).

— Быть можетъ, говорилъ при осмотрѣ нами этой иконы Иванъ Михайловичъ, дѣло объясняется слѣдующимъ образомъ: икона, какъ видите, снабжена частицами св. мощей.. Вотъ-съ эти-то частицы св. мощей поступили отъ епископа Мефодія, а самая-то икона всетаки есть даръ князя Ивана Дмитріевича... Приведу вамъ аналогическій фактъ: въ нашей Троицкой церкви въ Холуѣ имѣется старинный крестъ тоже съ частицами мощей, пожертвованными тѣмъ же епископомъ Мефодіемъ; крестъ съ тѣхъ поръ называется мефодіевскимъ, а п инадлежитъ онъ церкви съ незапамятныхъ временъ.

— Все можетъ быть, конечно, согласился я, такъ какъ повторяю, нѣтъ ничего невѣроятнаго, что борковская пустынь основана княземъ Иваномъ Дмитріевичемъ Пожарскимъ, а разъ она имъ основана, то понятно, должны были быть въ ней и вклады отъ него и иконами, и церковной утварью, и книгами, и могли нѣкоторые изъ нихъ дойти и до нашего времени... Во всякомъ случаѣ, въ моей поѣздкѣ меня интересовали преданія о князѣ Д. М. Пожарскомъ, и потому къ преданіямъ, относящимся къ сыну его, я относился достаточно индифферентно.

На обратномъ пути Иванъ Михайловичъ знакомилъ меня съ тѣми новыми теченіями въ области холуйскаго иконописанія, которыя современемъ, быть можетъ, сдѣлаютъ анахронизмомъ названіе „богомазъ", до сихъ поръ примѣнимое къ холуйскимъ иконописцамъ.

Полагая достаточно извѣстными, по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ, условія иконописнаго кустарнаго производства владимірской губерніи (кстати, многіе полагаютъ, судя по выраженіямъ: „суздальское письмо", „суздальскіе богомазы" и т. п., что иконописное производство—въ г. Суздалѣ, тогда какъ оно развито въ суздальскомъ и вязниковскомъ уѣздахъ, а въ г. Суздалѣ о немъ почти понятія не имѣютъ), я возстановлю здѣсь разсказъ Ивана Михайловича именно о послѣднихъ явленіяхъ въ дѣлѣ суздальскаго иконописанія, происхожденіемъ своимъ обязанныхъ инціативѣ существующаго въ г. Владимірѣ братства св. вел кн. Александра Невскаго, вообще дѣятельно преслѣдующаго свои цѣли: музей и книгохранилище братства сдѣлали бы честь любому изъ нашихъ городовъ.

— Наши холуяне, какъ вамъ небезызвѣстно,—разсказывалъ мнѣ Иванъ Михайловичъ, пишутъ кустарно, все равно, какъ и въ Палехѣ: личники умѣютъ только лики писать, доличники—все остальное, кромѣ лика. Вотъ тутъ-то и помогаетъ правильная постановка дѣла. Съ этою цѣлью у насъ и основано братствомъ въ 1883 году школа иконописанія. Содержаніе она получаетъ изъ трехъ источниковъ: отъ братства, отъ министерства народнаго просвѣщенія и земства Учитель—мастеръ своего дѣла, научно-художественное образованіе получилъ... Да вотъ дойдемъ до села, почти мимо школы пойдемъ, такъ не хотите-ли взглянуть, если время у васъ есть.

— Найдется.

Мы зашли въ школу. Помѣщеніе просторное. По стѣнамъ образцы письма развѣшаны, гипсовыхъ бюстовъ—довольно. Въ школѣ, несмотря на

вакаціонное время, работали 5—6 молодыхъ людей. Руководствъ для иконописанія въ школѣ достаточно. Во главѣ ихъ, конечно, иллюстрированное Ф. Г. Солнцевымъ изданіе Тузова (1885 г.) „Житій Святыхъ“, составленное Филаретомъ (черниговскимъ). Просматривая книжки „Житій“, я замѣтилъ, что въ нихъ не повторена ошибка, допускаемая большею частью нашихъ авторовъ: житье основателя Нижняго-Новгорода. „духомъ въ Бозѣ, а неистлѣннымъ тѣломъ своимъ въ градѣ Владимірѣ почивающаго“, отнесено въ „Житіяхъ“ Филарета не къ февралу, а, какъ слѣдуетъ, къ марту мѣсяцу, къ 4 числу, т. е. ко дню кончины Георгія Всеволодовича въ 1238 году, въ сѣчѣ съ татарами на берегахъ Сити.... *).

Сталъ накрапывать маленькій, тихій, теплый дождичекъ. Я распростился у церкви съ Иваномъ Михайловичемъ, искренно поблагодарилъ его за его „неоставленіе“ и поспѣшилъ на взъѣзжую квартиру. Пока бойкій хозяйскій сынъ, 16-ти-лѣтній Миша, подмазывалъ тарантасъ, снаряжалъ и запрягалъ лошадей, я наскоро пропустилъ съ теплымъ ситничкомъ чашечки три входящаго на нижегородской ярмаркѣ въ моду „Дзинь-Луня“, и около полудня выѣхалъ изъ Холуя, по дорогѣ къ Мугрѣеву.

— Да вамъ въ какое Мугрѣево надыть? спросилъ меня Миша, когда послѣ обычно-бѣшеной скачки по селу, мы выѣхали за околицу и ударились о песчаную дорожку косогоромъ и изволокомъ.

— Какъ: въ какое Мугрѣево? Въ село Мугрѣево.. А развѣ есть и деревня Мугрѣево?

— То-то нѣтъ: два села Мугрѣева у насъ, Мугрѣево Никольское и Мугрѣево Митровское.

— Ну, братъ, Миша, валяй въ любое, тамъ виднѣе будетъ, а я и самъ не знаю, въ какое мнѣ Мугрѣево нужно.

— Ну инъ ладно Заѣдемъ въ оба, они рядомъ съ поля на поле.

— Чудесно.

---

*) У меня подъ руками „Отчетъ о дѣятельности братства“ за 1887—1888 годъ. Дополняю по нему данныя, приведенныя въ текстѣ.

Въ 1887 1888 году въ школѣ обучалось 62 ученика, изъ числа которыхъ 35 были изъ учениковъ двухкласснаго холуйскаго училища и 27—вольно приходящихъ; занятія въ школѣ происходили у вольноприходящихъ ежедневно съ 8—10 ч. утра по рисованію и съ 10 до 11½ и съ 1½ до вечера по иконописанію: ученики двухкласснаго училища занимались въ школѣ съ 1½ до 3 часовъ по полудни; иконы писались въ школѣ и для отдаленныхъ мѣстностей, напр., для церквей Новологковской станицы Кубанской области, Гвардейской слободы самарской губ.; писались иконы и для цѣлаго иконостаса (въ с. Александровку самарской губ.). Курсъ обученія, по уставу школы, — шестилѣтній, такъ что первый выпускъ былъ въ 1888—1889 г. Заключительныя строки «Отчета» о школѣ иконописи въ Холуѣ говорятъ: „Желалось бы, чтобы особенные уроки въ ней были посвящены предметамъ преподаванія библейской церковной археологіи; съ своей стороны братство во все время существованія школы иконописанія при холуйскомъ двухклассномъ народномъ училищѣ изыскивало всѣ способы къ развитію ея. Оно пріобрѣтало руководственныя книги по рисованію и иконописи, высылало житія святыхъ полныя и сокращенныя, дѣлало на значительную сумму заказы для нея моделей и фигуръ, выписывало при всякомъ случаѣ отдѣльныя копіи и цѣлые альбомы снимковъ съ древнѣйшихъ оригиналовъ византійской иконописи и живописи“ („Отчетъ“ стр. 105 106). Всего въ теченіе отчетнаго 1887—1888 г. израсходовано на школу иконописи въ Холуѣ до 700 р.

Дорога въ Мугрѣево не представляетъ ничего особеннаго, напротивъ, по отсутствію живописныхъ видовъ довольно скучна. Единственныя „достопримѣчательности“ ея—фабрики г. Балина и лѣсъ, ему принадлежащій на протяженіи 7—8 верстъ, по которому идетъ дорога въ Мугрѣево. Фабрика расположена неподалеку отъ Клязьмы (балинскую пристань мы наканунѣ проходили) и заключаетъ въ себѣ тысячъ до трехъ рабочаго поселенія, съ больницей, аптекой, врачами, школами, лавками, магазинами, громаднымъ прудомъ, узкоколейной желѣзной дорогой для возки лѣсу и прочими фабричными принадлежностями, въ число которыхъ входитъ и чисто-острожнаго вида деревянный тынъ изъ заостренныхъ бревенъ, окружающій собственно фабричныя строенія и рабочія казармы.

Сознаюсь откровенно, что боюсь этихъ фабрикъ съ ихъ блестящимъ освѣщеніемъ по ночамъ. Только разъ въ жизни, въ 1879 г., пришлось мнѣ имѣть съ ними дѣло (конечно, не коммерческое, а по части „статистическихъ розысковъ“) въ Ивановѣ-Вознесенскѣ, въ Шуѣ, въ Вычугѣ, въ Кинешмѣ и другихъ пунктахъ влад.-костромского района, и съ тѣхъ поръ закаялся я отъ общенія съ ними, и прохожу и проѣзжаю мимо нихъ чуть не съ закрытыми глазами. Много народнаго горя пришлось мнѣ видѣть, но страшнѣе и безотраднѣе фабричнаго ада я ничего не знаю, и повторяю, боюсь его и не имѣю настолько нравственной силы, чтобы имѣть съ нимъ какое бы то ни было общеніе, въ особенности безъ всякой практической возможности быть ему хоть въ милліонной долѣ полезнымъ.

Пока мы ѣхали лѣсомъ все время шелъ дождь, разразившійся подъ конецъ ливнемъ. Я вспомнилъ предсказаніе капитана „Дѣятеля“ Федора Федоровича: „птицы купаются—къ дождю“.

3. Въ Мугрѣевѣ.

Показалось вдали Мугрѣево Никольское (или Волосьнино); влѣво пошла дорога въ Мугрѣево Дмитровское, или Спасское.

Мы поѣхали прямо, и, конечно, прямо къ церкви, къ дому мѣстнаго священника о. Федора. Ник. Смирнова.

Дождь прошелъ; засіяли послѣдніе лучи солнца передъ закатомъ; ароматъ садовой листвы широкимъ потокомъ вливался въ отворенное „итальянское“ окно. Я объяснилъ батюшкѣ цѣль своего пріѣзда въ Мугрѣево. О. Федоръ подумалъ и затѣмъ рѣшительно мнѣ сказалъ:

— Въ народѣ, въ народѣ здѣсь ничего не помнятъ о кн. Дмитріи Михайловичѣ Пожарскомъ. А лѣчился онъ отъ ранъ не иначе, какъ здѣсь, въ Мугрѣевѣ Никольскомъ, Волосьнино тожъ.

— Почему вы такъ думаете, батюшка?

— Несомнѣнно. Объ этомъ у Ивана Егоровича Забѣлина сказано, а потомъ, нужно вамъ сказать, бывшій іерей того, другого Мугрѣева—Дмитровскаго, или Спасскаго (оно приложено было княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ въ Спасо-Ефимьевскій суздальскій монастырь), почтенный о. Василій

Рубаровскій лѣтопись мугрѣевскую составилъ и въ ней всѣ матеріалы собралъ въ доказательство, что князь Дмитрій Михайловичъ именно здѣсь лѣчился отъ ранъ... О. Василій мнѣ тесть, а нынѣшній священникъ Мугрѣева Дмитровскаго, Василій Сергѣевичъ Левковъ, тоже ему зять, такъ ему, въ церковь Василій Ивановичъ и лѣтопись и всѣ матеріалы передалъ... Нынѣ вѣдь мы, священники, обязаны вести церковныя наши лѣтописи....

— А есть-ли въ вашей церкви, батюшка, какіе-нибудь вклады Пожарскаго?

— Н-нѣтъ, вкладовъ никакихъ нѣтъ ни въ нашей церкви, ни въ сосѣдней церкви села Мугрѣева Дмитровскаго и записей вообще никакихъ нѣтъ о Пожарскомъ; но лѣчился онъ отъ ранъ здѣсь; это Иванъ Егоровичъ Забѣлинъ совершенно вѣрно доказываетъ... Да по всей вѣроятности и похороненъ-то князь Дмитрій Михайловичъ здѣсь; только, конечно, неизвѣстно, въ какомъ мѣстѣ...

Счастливая увѣренность о. Федора такъ была велика, что мнѣ не хотѣлось разочаровывать его въ его мугрѣевскомъ патріотизмѣ, тѣмъ болѣе, что и съ своей стороны что́ документальнаго, несомнѣннаго, непреложнаго могъ я противопоставить ему противъ Мугрѣева, за Пурехъ или Юрино? Конечно, соображенія въ пользу послѣднихъ мнѣ кажутся тверже, основательнѣе, достовѣрнѣе, но вѣдь то-же самое можетъ казаться и о. Федору...

Въ замѣчательномъ трудѣ И. Е. Забѣлина („886Мининъ и Пожарскій. Прямые и кривые въ смутное время"), на стр. 35 сказано: „Онъ (Пожарскій) жилъ тогда изнемогая отъ ранъ, въ своей Суздальской вотчинѣ, около 120 верстъ отъ Нижняго"; и затѣмъ въ примѣчаніи къ этой страницѣ (на стр. 317): „По указанію Погодина, Пожарскій, израненый, отъ Торопца былъ отвезенъ въ село свое Нижній Ландехъ, разстояніе котораго отъ Нижняго дѣйствительно равняется указаннымъ въ лѣтописи 120 верстамъ. Но это село, по челобитью *вѣрноподданнаго* польскому королю и королевичу Григорья Орлова, было отнято у Пожарскаго за его измѣну и отдано челобитчику 17 августа 1611 года, т. е. почти наканунѣ собранія въ Нижнемъ ополченія („Сборникъ государственныхъ грамотъ и договоровъ", т. 2, № 267). Мы полагаемъ, что вѣроятнѣе всего Дмитрій Михайловичъ на излеченіе отъ ранъ проживалъ въ то время въ своей родовой отчинѣ и дѣдинѣ, именно въ суздальскомъ селѣ Мугрѣевѣ, которое въ писцовыхъ книгахъ 1630 года описывается слѣдующимъ образомъ"... Далѣе идетъ у И. Е. Забѣлина выписка изъ писцовой книги 1630 года, собственно говоря, не имѣющая никакого отношенія къ предмету; послѣ этой выписки авторъ замѣчаетъ: „Мугрѣево лежало на древней (верхней) дорогѣ изъ Суздаля въ Нижній также въ 120 верстахъ".

И только. Пресловутый же вопросъ о 120 верстахъ, или, точнѣе, о 120 поприщахъ, о которыхъ говорится въ относящихся къ предмету первоисточникахъ, т. е. въ такъ называемомъ „Новомъ Лѣтописцѣ" и въ род-

ственной ему „Лѣтописи о многихъ мятежахъ“ *), подробно разобранъ графомъ М. Д. Бутурлинымъ, въ его изслѣдованіи „О мѣстѣ погребенія князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго“, но никакихъ указаній на мѣстопребываніе Пожарскаго осенью 1611 г. не представляется, а потому и отбрасывается и самимъ авторомъ, разработавшимъ этотъ вопросъ, который въ заключеніи говоритъ совершенно основательно: „Изъ всего сказаннаго очевидно, что, для достиженія конечной цѣли настоящаго изслѣдованія (о мѣстопребываніи Пожарскаго осенью 1611 г.), нужно прибѣгнуть къ другимъ (т. е. помимо вопроса о 120 поприщахъ) соображеніямъ“.

Дальнѣйшія соображенія автора приводятъ его, какъ извѣстно, къ указанію на Юрино или на Пурехъ, о чемъ я подробно говорилъ въ статьѣ своей, напечатанной въ X томѣ „Нижегородскаго Сборника“ (стр. 35).

Заѣхавъ въ Мугрѣево Дмитровское (по предѣлу въ честь Дмитрія Солунскаго въ богоявленской церкви села), я, благодаря благосклонности священника Василія Сергѣевича Левкова, ознакомился съ рукописью его тестя, бывшаго до него священникомъ богоявленской церкви, но и въ ней не нашелъ, конечно, ничего, что бы хоть сколько-нибудь измѣнило вопросъ о Мугрѣевѣ, какъ мѣстопребываніи кн. Дмитрія Михайловича Пожарскаго осенью 1611 года.

Когда на обратномъ пути, въ сумерки, мы подъѣзжали окутанные густымъ облакомъ передвигающагося тумана, не оставлявшаго насъ всю дорогу до Холуя и затѣмъ до пароходной пристани, къ балинской фабрикѣ, я остановился у фабричной лавочки, вспомнивъ, что у меня вышелъ весь мой запасъ сахару. Запасъ этотъ пополнить мнѣ не удалось, потому что лавочка была ужъ заперта (по фабричнымъ правиламъ торговля въ лавкахъ и магазинахъ прекращается въ 9 часовъ вечера); но зато я разговорился со случившимся тутъ, точно выросшимъ изъ земли рабочимъ, при чемъ между нами произошелъ слѣдующій діалогъ:

— Вонъ, сказываютъ,—какъ-то шипѣлъ рабочій, хозяева хотятъ намъ избы задаромъ строить, съ зачетомъ за нихъ работой на фабрикѣ....

— Ну!.. Хорошо вѣдь это,—наивно заключилъ я: каждый отработаетъ на фабрикѣ и своимъ домкомъ заживетъ....

— Хорошо-то оно, баринъ, хорошо, да только этакъ насъ совсѣмъ, въ вѣчную кабалу этими избами вгонятъ.

Я только крякнулъ неопредѣленно, поспѣшилъ сѣсть въ тарантасъ, и еще сильнѣе сталъ представляться мнѣ въ воображеніи, при видѣ залитыхъ электрическимъ свѣтомъ фабричныхъ корпусовъ, этотъ земной адъ со всѣми муками его, созданными народной фантазіей для ада загробнаго.

*) .... бывшу въ числѣ Стольничества и въ то время прилучился въ вотчинѣ своей: лежаше бо отъ ранъ подъятыхъ на Москвѣ, отъ Нижняго 120 поприщъ“ („Новый Лѣтописецъ“, изд. княземъ М. А. Оболенскимъ, Москва 1853 г., стр. 145).

Смѣнивъ въ Холуѣ усталыхъ лошадей, сдѣлавшихъ со мной въ два конца слишкомъ 50 верстъ (въ Мугрѣевѣ Никольскомъ Миша ихъ кормилъ часа два), я въ глухую полночь все въ тѣхъ-же бѣлыхъ облакахъ тумана, лишь иногда открывавшаго черную ночь, подкатилъ къ пароходной пристани того-же господина Щербакова, у которой стоялъ пришедшій вчера изъ Нижняго „Энергичный"....

4. На обратномъ пути.

Сонный, усталый и даже нѣсколько продрогшій отъ проникавшаго насквозь тумана (въ жизни моей только 2 раза приходилось мнѣ путешествовать въ такомъ „всеобъемлющемъ" туманѣ—подъ селомъ Сарлеями нижегородскаго уѣзда, тѣмъ самымъ, въ которомъ спасался въ 1742 году отъ мордвы нижегородскій епископъ Дамаскинъ, подъ бочкой у сарлейской попадьи, и въ лодкѣ на Сурѣ) вошелъ я на совершенно почти пустую палубу „Энергичнаго", прошелъ мимо каютки со складомъ провизіи подъ названіемъ „Грамадже", вполнѣ достойнымъ тургеневскаго „можедома", и спустился внизъ, въ помѣщеніе каютъ, и—о, удивленіе! въ общей дамской каютѣ спитъ, какъ говорится, „во всѣ завертки" все тотъ-же Иванъ Ивановичъ М. Рѣшительно судьба наша неразлучна. Не желая нарушать его безмятежнаго сна, я осторожно и самъ предался „въ объятія Морфея", какъ говорили наши отцы и дѣды, и на другой день, 24 іюля, проснулся ужъ подъ Вязниками.

24-е іюля на Клязьмѣ было также тепло и ясно, какъ и за день передъ тѣмъ, когда я впервые познакомился съ этой красивой рѣкой.

Въ Вязникахъ мы приняли порядочный грузъ коробовъ съ иконами.

Подъ Гороховцемъ мы стояли съ полчаса, что было достаточно, чтобы сбѣгать въ городъ, начинающійся непосредственно у пристани; до центральной части его всего минутъ съ 5 скорой ходьбы. Я не бывалъ въ Гороховцѣ съ 1861 года, когда проѣхалъ его передъ самымъ открытіемъ линіи московско-нижегородской желѣзной дороги, да и проѣзжать-то его все ночью, по шоссе, приходилось, такъ что любовался имъ совершенно заново. А онъ именно вполнѣ достоинъ того, чтобы имъ любоваться, такъ онъ живописно разбросанъ по возвышенному правому берегу Клязьмы, такъ археологичны его церкви и даже дома... Въ немъ сохранилось нѣсколько домовъ XVII вѣка; къ искреннѣйшему моему сожалѣнію, я уже не засталъ замѣчательно сохранившагося еще до нынѣшняго года дома, принадлежавшаго г. Шумилову, нынѣ—Кобякову, постройка котораго относится къ XVI вѣку: онъ весь передѣлывается подъ помѣщеніе въ немъ почтовой конторы.

Въ Гороховцѣ на „Энергичный" сѣло довольно много пассажировъ и между ними одна нѣсколько болѣзненнаго вида пассажирка съ чудными глазами, оставляющими по себѣ долгое впечатлѣніе даже тогда, когда они перестаютъ дѣйствовать на васъ непосредственно. Такіе глаза рѣдко встрѣчаются... Въ Андалузіи съ ея мавританскимъ наслѣдствомъ—неописуемою

красотою глазъ они, быть можетъ, не такъ поражали бы... На Клязьмѣ и на Волгѣ мы ими не избалованы, и потому даже люди моего возраста ими досыта не налюбуются; людямъ-же, не вышедшимъ изъ возраста романическаго, съ такими глазами сталкиваться положительно опасно.

Между пассажирами всего болѣе обращалъ на себя вниманіе заштатный дьяконъ, неистово басившій всевозможныя канты, дѣлавшій отчаянные возгласы и раздававшій на всѣ четыре стороны свои благословенія... Дѣло кончилось тѣмъ, что „отче святый“ былъ подъ руки сведенъ двумя матросами съ верхней палубы внизъ, при чемъ онъ громогласно возвѣстилъ всему нашему пароходному міру, что съ апостолами поступали.... много хуже....

Верстахъ въ 10-ти отъ устья Клязьмы показался передъ нами желѣзнодорожный мостъ, какъ стрѣла перекинутый черезъ Клязьму (между станціями Гороховецъ—со стороны Москвы и Ильинымъ—со стороны Нижняго), совершенное подобіе, въ миніатюрѣ, съ знаменитымъ волжскимъ мостомъ у Батраковъ.... Глазъ такъ привыкаетъ ко всему малому и великому, именно потому, что малое и великое мало и велико только относительно, что смѣло можно утверждать о почти полной тождественности впечатлѣній, которыя производятъ на глазъ волжскій мостъ на Волгѣ и клязьменскій на Клязьмѣ.

Ниже моста—голицкая пристань съ обширными на берегу постройками, принадлежащими г. Щербакову, уроженцу расположенной неподалеку деревни Голицъ.

За этой пристанью вскорѣ показывается на высокомъ окскомъ берегу г. Горбатовъ, но еще до него верстъ 10, если не больше, потому что еще до устья Клязьмы отъ желѣзно-дорожнаго моста версты 4, а съ устья, по Окѣ, по крайней мѣрѣ 6....

Наконецъ вотъ клязьменское устье. Привыкши въ теченіе нѣсколькихъ дней къ клязьменскимъ размѣрамъ, я готовъ былъ воскликнуть, увидавъ Оку: „Mare an non!“ и вполнѣ понялъ чье-то удачное сравненіе, что, свернувши съ Волги на Суру, попадаешь точно съ бойкой людной улицы въ переулочекъ... Входъ въ Оку произвелъ на меня именно то-же, но обратное впечатлѣніе, точно изъ тихаго узенькаго переулочка, я вышелъ на безпредѣльно широкую улицу..... А давно-ли Ока мнѣ казалась такою молоденькой сестрицей Волги!...

Часамъ къ 5 вечера подошли мы къ Горбатову, сдѣлавъ оборотъ передъ пристанью... У клязьменскихъ пристаней, пароходъ, идя сверху, не дѣлаетъ оборотовъ, потому что теченіе не сильно; подъ Вязниками оно однако настолько сильно, что требовались бы обороты, да негдѣ ихъ дѣлать, и поневолѣ пароходъ прямо подходитъ къ пристани.

— Долго-ли простоимъ, Михаилъ Федоровичъ? спросилъ я капитана, называя его по имени и отчеству, подчиняясь клязьменскимъ патріархальнымъ порядкамъ.

— Весь городъ успѣете осмотрѣть, да еще не торопясь.

— Чудесно!.. Иванъ Ивановичъ,—обратился я къ Ивану Ивановичу М. Пойдемте въ гору: городокъ хорошій.

— Видалъ-съ, городъ самый обнакновенный, а гора—страшенная, и вамъ не совѣтую.

— Пойдемте! приставалъ я,—все равно нечего вамъ здѣсь на пароходѣ дѣлать. Холуйской-то барыни съ орѣхами да съ пряниками нѣтъ....

Послѣ долгихъ уговариваній Иванъ Ивановичъ наконецъ сдался, и мы пошли.

И ругался-же Иванъ Ивановичъ, когда мы поднимались на дѣйствительно высокую горбатовскую гору—самыми отборными выраженіями, и только нѣсколько развлекся, разговаривая съ горбатовскимъ мѣщаниномъ съ ведрами на плечахъ: для чая берутъ ведрами воду изъ ключика, текущаго у подошвы горы.

Прошлись по бульвару, зашли въ бесѣдку на крутомъ обрывѣ съ чуднымъ видомъ на Оку и все зарѣчье.

Попадая въ маленькій городокъ на большой рѣкѣ, съ неизмѣннымъ бульваромъ и бесѣдкой, я никогда не могу отрѣшиться отъ впечатлѣній, еще въ молодости навѣянныхъ „Грозой" Островскаго.

На стѣнахъ бесѣдки мнѣ чудятся адскія муки, того и гляди, что вбѣжитъ въ бесѣдку сумасшедшая генеральша... Въ довершеніе иллюзіи въ горбатовской бесѣдкѣ, когда я въ нее вошелъ, вытянувшись во весь ростъ, спалъ какой-то горбатовскій гражданинъ... Несомнѣнно, это былъ Кулагинъ, притворившійся, что онъ спитъ, но размышлявшій о perpetuum mobile.

Я сообщилъ объ этомъ Ивану Ивановичу.

— Несуразныя мысли вамъ въ голову, сударь, приходятъ.. Видалъ я на тіатрѣ эту самую „Грозу" и ничего окромя морали въ ней на купечество не нахожу...

Ночью, верстахъ въ 40—50 отъ Нижняго, пройдя всѣ сциллы и харибды клязьменскія, втискались мы преосновательно въ песочное окское дно, съ котораго снялись только къ утру, измучивъ всю команду.. Даже командиръ парохода, сынъ Федора Федоровича съ „Дѣятеля", Михаилъ Федоровичъ Чустовъ, раздѣвался и лазилъ въ воду съ фонаремъ, разыскивая ходъ для „Энергичнаго"....

Стоя на верхней палубѣ, я разглядывалъ въ темнотѣ неподалеку отъ себя пассажирку съ чудными глазами.

— Намъ непріятно, а ужъ капитану и того хуже, замѣтилъ я.

— Да, я не желала-бы быть на его мѣстѣ....

— Куда вы?.. Будьте осторожнѣе, тутъ проволока перекинута! крикнулъ я ей, замѣтивъ, что она идетъ по направленію къ трубѣ парохода.

— Ничего, я вижу,—былъ отвѣтъ и она скрылась отъ меня въ темнотѣ.

Я стоялъ долго, но больше ея не видалъ.

На мгновеніе я понялъ чувство Н., отъ лица котораго написана Тургеневская „Ася“, когда онъ потерялъ Асю. Мнѣ неудержимо захотѣлось еще разъ увидать эти чудные глаза, но они не показывались.. Съ сознаніемъ невозвратно потерянной молодости вспомнилъ я далекую старину: идя подъ вечеръ, въ 35—40 году по нижегородскому откосу, я увидалъ довольно большую компанію гуляющихъ, быстро съ веселымъ говоромъ спускавшуюся вдали отъ меня по крутой дорожкѣ... Раздался молодой дѣвическій чудный, да чудный, иначе я его не могу назвать, смѣхъ.... Красивый, художественный, чудный смѣхъ такъ же рѣдкостенъ, какъ красивые, художественные, чудные глаза... Обладательница этого чуднаго дара природы, смѣха, осталась для меня неизвѣстной. Она, быть можетъ, давно померла; она теперь, если жива, должна быть почтенной старушкой, утратившей этотъ чудный смѣхъ вмѣстѣ съ зубами... А всетаки ея былой смѣхъ до сихъ поръ звучитъ въ моихъ ушахъ.. Глаза гороховецкой пассажирки, также оставшейся мнѣ неизвѣстной, вполнѣ гармонировали бы тому чудному смѣху. Чудные глаза то и дѣло попадаются въ романахъ; въ дѣйствительности ихъ черезъ-чуръ мало, и, если встрѣтишь ихъ въ жизни разъ-другой, такъ же, какъ чудный смѣхъ, ихъ не забываешь. Сообразивъ однако свое «position sociale» и почтенный возрастъ, я заставилъ себя сойти внизъ и препрозаично завалиться спать.

На другой день мы съ Иваномъ Ивановичемъ проснулись поздно, не слыхали, какъ и съ мели снялись, какъ и къ нижегородской пристани подошли....

Пассажирки съ чудными глазами уже не было на пароходѣ.

— Давайте здѣсь чайку напьемся, предложилъ я Ивану Ивановичу.

— Дѣло доброе!...

— А замѣтили вы вчера, въ Гороховцѣ на пароходъ сѣла пассажирка, какіе чудные глаза у нея.

— Невдомекъ мнѣ, признаться, сударь. Видѣлъ ее. Глаза—какъ глаза: и бѣлки, и зрачекъ при нихъ какъ слѣдуетъ быть... Еще стаканчикъ соблаговолите....

II.

Въ октябрѣ.

1. Въ Вязникахъ и по старымъ мѣстамъ.

Какъ уже раньше было замѣчено, вторую поѣздку въ суздальскую вотчину князя Дмитрія Михайловича удалось мнѣ сдѣлать только въ октябрѣ 1891 года, на возвратномъ пути изъ Владиміра съ торжества освященія владимірскаго Успенскаго собора (30 сентября) по случаю окончанія его полной реставраціи.

Эту октябрьскую поѣздку мнѣ привелось начать съ Вязниковъ. Проведя ночь съ 5 на 6 октября на вязниковской желѣзно-дорожной станціи, я рано

утромъ 6-го числа выѣхалъ со станціи въ г. Вязники. Погода послѣ чудныхъ яркихъ, теплыхъ дней конца сентября и первыхъ 5-ти дней октября круто измѣнилась 6-го числа на пасмурную, прохладную, съ утра—густо-туманную. Лошадка мнѣ попалась бодрая, такъ что 6-верстный путь отъ вязниковскаго вокзала до Вязниковъ (сначала по желѣзно-дорожной мостовой, потомъ по мостовой земской и, наконецъ, по московско-нижегородскому шоссе) былъ сдѣланъ довольно быстро.

Прежде чѣмъ въѣхать въ Вязники, мнѣ неминуемо нужно было быть въ Ярополчѣ, а быть въ Ярополчѣ, не заѣхавши къ К. А. Веселовскому, конечно было немыслимо. Дома его я однако не засталъ: онъ былъ въ церкви, гдѣ кончалъ раннюю обѣдню, куда я и направился, ставъ въ сторонѣ, чтобы не быть замѣченнымъ почтеннымъ о. протоіереемъ при совершеніи имъ литургіи.

Расчитывая пробыть у Константина Александровича всего нѣсколько часовъ (я думалъ, по-лѣтнему, подняться по Клязьмѣ до Холуя), я провелъ у него слишкомъ 2 сутокъ—6, 7 и утро 8 октября, въ безконечныхъ бесѣдахъ о предметахъ, намъ обоимъ близкихъ, въ прогулкахъ по городу, несмотря на моросившій дождь, въ посѣщеніяхъ Благовѣщенскаго монастыря, съ симпатичнымъ строителемъ котораго, о. Макаріемъ, меня Константинъ Александровичъ познакомилъ.

Подниматься по Клязьмѣ мнѣ рѣшительно отсовѣтовалъ Константинъ Александровичъ, такъ какъ пароходы сильно запаздывали, за туманами, предложивъ мнѣ слѣдующую комбинацію: 7-го вечеромъ долженъ былъ вернуться въ Вязники изъ Флорищевой пустыни строитель борковской пустыни, о. Никаноръ, съ которымъ я уже былъ знакомъ, и онъ-то меня и захватитъ съ собой въ пустынь, усадивъ меня въ свой тарантасикъ Умныя рѣчи всегда пріятно слушать, и потому я охотно послѣдовалъ совѣтамъ Константина Александровича.

Такъ, по его рецепту все и совершилось: 8 числа утромъ послѣ содержательнаго „трапезованія“ у о. Макарія, содержательнаго не по явствамъ, а по бесѣдѣ, помѣстился я рядомъ съ о. Никаноромъ въ его открытомъ тарантасикѣ, запряженномъ парою добрыхъ монастырскихъ коней, и, напутствуемые пожеланіями К. А. Веселовскаго и о. Макарія, покинули мы Вязники.

Поѣхали мы не на Мстеру, горами, а луговымъ, лѣвымъ берегомъ Клязьмы, кратчайшимъ путемъ, на Рыло, Пустынь и Глушицы. Кратчайшій путь нашъ, однако, удлинился по крайней мѣрѣ верстъ на 6, на 7 плутанья, такъ какъ возница о. Никанора, Иванъ Якимычъ, продѣлывалъ его впервые, и потому сразу никакъ не могъ попасть на первое (почти ровно на полдорогѣ до Холуя) селеніе—Рыло. Зато, проѣхавъ его, онъ лихо крикнулъ:

— Ну, прощай, Рыло! Теперь дорога—моя!..

Ободренные такимъ восклицаніемъ, и кони, казалось, побѣжали увѣреннѣе: до Рыла частые обратные повороты, когда Иванъ Якимычъ убѣждался, что ѣдетъ не туда, сбивали съ толку конечно и коней. Начиная съ Рыла, дорога была Ивану Якимовичу знакома, и, несмотря на надвигавшіеся сумерки, мы уже болѣе не плутали: за Глушицами показалось жилье на балинской пристани, потомъ хуторъ купца Прозорова, а затѣмъ, проѣхавъ въ Холуѣ по лѣвому берегу Тезы, мы преблагополучно добрались до Борковской пустыни.

Наговорившись вдоволь еще у о. Макарія и дорогой, мы съ о. Никаноромъ нѣсколько осовѣли часамъ къ 10-ти вечера, и потому, пропустивъ въ себя нѣсколько чашекъ китайскихъ травъ, мирно отошли ко сну.

Съ ранняго утра 9 октября обвелъ меня о. Никаноръ по всему своему строительству: и по церквамъ, и по кельямъ, и по амбарамъ. Осмотрѣлъ я, между прочимъ, и легендарныя четыре старыя сосны, растущія противъ сѣверныхъ воротъ монастыря; на одной изъ нихъ виднѣется какая-то надпись, въ которой можно разобрать лишь отдѣльныя буквы: *н*, *м*, *п*, *и*... Конечно, по преданію, надпись эта сдѣлана самимъ Пожарскимъ....

Въ главномъ Троицкомъ храмѣ пустыни въ придѣльномъ отдѣленіи Николая Чудотворца и Іоанна Богослова оканчивалъ свою работу по расписанію стѣнъ холуйскій мастеръ Владиміръ Федоровичъ Карпышевъ; при мнѣ онъ кончалъ большую, во всю стѣну, копію съ Успенія Божіей Матери въ московскомъ храмѣ Христа Спасителя.

Наслушавшись затѣмъ, послѣ обхода всей пустыни, добродушныхъ разсказовъ престарѣлаго іеромонаха о. Ясона, я со всѣми распростился и двинулся въ походъ, при чемъ на козлахъ плетюшки оказался мой іюльскій знакомецъ—Миша (самого Бурматова не было въ Холуѣ, онъ уѣхалъ въ Мстеру). Но я выѣхалъ въ Мугрѣево не прямо, а заѣхалъ въ Холуй, тоже къ знакомому ужъ мнѣ священнику, Ивану Михайловичу Аляндину... Кстати о дорогѣ въ Мугрѣево. Дорога эта называлась *балахонкой* по своему направленію къ г. Балахнѣ; шла она мимо Борковской пустыни, по правую ея сторону, смотря отъ Холуя. Здѣсь, противъ монастырской ограды и часовенка до сихъ поръ стоитъ, но безъ пользы для общежитія, а въ прежнее время проѣзжавшіе по балахонкѣ на нижегородскую ярмарку купцы непремѣнно заѣзжали въ пустынь, молебенъ отслужить, а кто ужъ очень торопился, тотъ, не останавливаясь въ пустыни, „подаяніе" свое оставлялъ безотлучно у часовенки находящемуся представителю братіи. Балахонка заброшена по ходатайству владѣльцевъ южинской фабрики, гг. Балиныхъ, такъ какъ имъ не такъ удобно было по ней возить свои фабрикаты на егорьевскую станцію шуйско-ивановской желѣзной дороги. Новая дорога въ Мугрѣево на Южу, впрочемъ, не длиннѣе, по своему протяженію, прежней—балахонки.

Въ бесѣдѣ съ Иваномъ Михайловичемъ Аляндинымъ конечно затронута была „злоба дня"—неурожай.

— У насъ, благодареніе Господу Богу, жаловаться не на что,—говорилъ мнѣ Иванъ Михайловичъ; урожай, по нашимъ мѣстамъ, да по нашимъ привычкамъ прекрасный—самъ-6, потому что обыкновенно-то здѣсь всегда меньше бываетъ—самъ-4, мало самъ-5 бываетъ; до Рождества только хлѣба достаетъ; у рѣдкихъ единичныхъ хлѣбъ за хлѣбъ заходитъ....

Замѣтивъ, что Иванъ Михайловичъ очень интересуется положеніемъ продовольственнаго дѣла, и конечно ближе всего—по географическому положенію—въ нижегородской губерніи, я ему подробно разсказалъ все, что мнѣ самому было въ этомъ отношеніи извѣстно.

— Да, со вздохомъ замѣтилъ Иванъ Михайловичъ, внимательно выслушавъ мой разсказъ,—противъ силъ природы не пойдешь, а они, въ ряду другихъ причинъ, чуть не главную роль играли въ нашей деревенщинѣ... Но, съ другой стороны.... какъ бы вамъ сказать?—Что намъ все на небо смотрѣть?.. Господь Богъ и милуетъ и наказуетъ насъ, посылаетъ намъ и засухи и дождливые періоды, даетъ намъ и обильный и скудный урожай, и полный недородъ хлѣба, но вѣдь Господь же Богъ нашъ и разумъ намъ далъ.. Вонъ, почитаешь, въ Америкѣ, хоть-бы къ примѣру сказать, такъ система орошенія полей благодатно дѣйствуетъ, когда природа на влагу скупится,—а вѣдь это дѣло ума человѣческаго. И у насъ: возьмемъ капусту, вѣдь поливаемъ мы ее; точно также и въ поляхъ можно было бы колодезей нарыть .. Разскажу вамъ одинъ случай. Въ сороковыхъ годахъ переселены были сюда, къ намъ, въ Холуй, помѣщикомъ Засѣцкимъ три крестьянскихъ двора изъ его пензенскаго помѣстья. Стали они заниматься конечно хлѣбопашествомъ. У здѣшнихъ коренныхъ, положимъ, рожь, а у нихъ, на ихъ поляхъ вдвое лучше. Что за диво? Наши рѣшали: „это не съ-проста, они-де колдуны!“ Ну, однако, и наши холуяне этому „колдовству“ вскорѣ обучились, узнавши, что весь секретъ пензяковъ состоитъ въ болѣе глубокой пахотѣ и въ болѣе сильномъ унавоживаніи....

— Не помните-ли Сергѣя Васильевича Максимова? спросилъ я между прочимъ своего собесѣдника, узнавъ, что онъ священствуетъ въ Холуѣ слишкомъ 30 лѣтъ.

— Какъ не помнить? Какъ сейчасъ его вижу: иду я однажды, гуляю по берегу Тезы *); смотрю: незнакомое лицо.—„Максимовъ, говоритъ и такъ привѣтливо прибавляетъ: тоже, говоритъ, хотѣлъ съ вами познакомиться“. Такъ и познакомились. Прекрасной души человѣкъ Сергѣй Васильевичъ. Недѣли съ двѣ у насъ прожилъ. Часто видались мы и помногу бесѣдовали. До всего охотникъ былъ доходить; вертлявость нашихъ холуянъ первый онъ замѣтилъ и въ своемъ „Путешествіи“ описалъ... Рѣдкостный человѣкъ Сергѣй Васильевичъ.

Иванъ Михайловичъ очень одушевился, говоря про С. В. Максимова; это воспоминаніе у него, очевидно, связывалось и съ воспоминаніемъ о соб-

*) Про свои прогулки по берегу Тезы разсказываетъ С. В. Максимовъ и въ своей послѣдней книгѣ «Крылатыя слова» (см. ст. «Пѣсни играть», стр. 375).

ственныхъ молодыхъ годахъ, и съ эпохой конца пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ вообще....

— Пріѣду въ Нижній, непремѣнно напишу Сергѣю Васильевичу, какую онъ хорошую память по себѣ оставилъ.

— Напишите-съ и поклонъ мой ему передать не забудьте....

По знакомой дорогѣ всегда кажется скорѣе ѣдешь. Мишу я не торопилъ, ѣхали мы легкой рысцой, ато и шагомъ—по изволокамъ, но доѣхали, какъ мнѣ показалось, до Мугрѣева (Дмитровскаго), гдѣ слѣдовало смѣнить лошадей, такъ какъ здѣсь находится земская станція (по-владимірски „пунктъ"), совсѣмъ незамѣтно, несмотря на однообразіе пейзажа по всему протяженію дороги, несмотря даже на хмурую чисто осеннюю погоду.

На козлы взгромоздился сынъ содержателя станціи, Григорія Васильевича Марунова, Василій Григорьевичъ, показавшійся мнѣ гигантомъ послѣ холуйскаго Миши; передъ мордами лошадей, съ веселымъ трескучимъ лаемъ завертѣлся очень крупнаго сложенія, съ добраго лягаваго пса, рыжій щенокъ Лыска, очевидно намѣреваясь сдѣлать съ нами parti de plaisir, и мы тронулись. Къ священнику Мугрѣева-Дмитровскаго, Василію Сергѣевичу Левкову, я не заходилъ, узнавши, что онъ лежитъ больной, въ жару, а, въѣхавъ въ Мугрѣево-Никольское (Волосьнино), попросилъ Василія Григорьевича остановиться у крыльца Федора Никаноровича Смирнова.

Смерклось. Въ окнахъ о. Федора былъ видѣнъ яркій свѣтъ отъ керосиновой лампы, но дверь на крыльцѣ была крѣпко заперта, и долго я никого не могъ достучаться. Наконецъ въ сѣняхъ послышались тяжелые шаги самого о. Федора, вслѣдъ затѣмъ раздался его зычный голосъ, даже, какъ мнѣ показалось, съ нѣсколько напускной басовой и очевидно смѣшливой интонаціей:

— Кто по ночамъ священника тревожитъ?

Тяжелый же лѣзный дверной крюкъ упалъ, дверь распахнулась—и передо мной предстала мощная крупная фигура о. Федора съ фонаремъ въ рукѣ, свѣтъ котораго онъ направлялъ на мою физіономію.

— Ба, ба, ба! воскликнулъ о. Федоръ, узнавъ меня.... Александръ Серафимовичъ, пожалуйте, чай, закусочка къ вашимъ услугамъ, ночлегъ уготованъ будетъ самый покойный.... Здѣсь, въ нашемъ Мугрѣевѣ-Волосьнинѣ великій патріотъ жилъ, лѣчился, отдыхалъ,—отдохните и вы, высокоуважаемый гость....

Не расчитывая, однако, ночевать въ Мугрѣевѣ (до Нижняго Ландеха мнѣ предстоялъ переѣздъ въ 17 верстъ), я зашелъ къ о. Федору, какъ говорится, лишь на минутку, засвидѣтельствовать ему свое почтеніе, попросить его передать мой поклонъ его сосѣду, В. С. Левкову, и распростился съ нимъ.

Когда я вышелъ отъ о. Федора, напутствуемый всевозможными его благопожеланіями, на дворѣ уже было совсѣмъ темно. По ровной дорогѣ,

идущей, такъ же, какъ и между обоими Мугрѣевыми, по правому берегу р. Луха, вскорѣ доѣхали мы, сопровождаемые веселой Лыской, до перевоза черезъ Лухъ; на пути до перевоза расположены двѣ деревни—Бобриха и Китайново. Подъѣзжая къ Бобрихѣ, я увидалъ сильный огонь и думалъ, что это пожаръ, но оказалось, что бобрихинцы, выгадывая время, продолжали молотьбу при освѣщеніи пылавшаго смолья....

Перевозъ черезъ Лухъ въ этомъ мѣстѣ, на шестахъ, на сколько я могъ разглядѣть его въ ночной темнотѣ, очень красивъ и даже поэтиченъ, не говоря уже о своей оригинальности: Лухъ не широкъ, гораздо уже Клязьмы, въ которую онъ впадаетъ между Вязниками и Гороховцемъ, а между тѣмъ онъ здѣсь тянется на цѣлыя три-четверти версты, потому что направляется не прямо поперекъ рѣки, а вдоль ея, извилинами вверхъ по теченію, почти до устья Ландеха, вливающагося здѣсь въ Лухъ.

Содержится перевозъ не однимъ лицомъ: съ праваго берега купцомъ Діановымъ, за 120 руб. въ годъ (перевозъ сданъ земствомъ на 6 лѣтъ, съ правомъ взиманія 25 к. съ лошади и 45 к. съ пары); съ лѣваго княгиней Щербатовой, за 150 р.

— Одно пустое дѣло! говорилъ мнѣ мой ямщикъ, Василій Григорьевичъ, про перевозъ, стоя около правой подножки плетюшки, въ которой я сидѣлъ на паромѣ, и держа подъ узцы распряженную пристяжную.—Кромѣ убытка, почитай, ничего нѣтъ. Только и живы перевозчики, что казенными, даровыми подорожными (кстати, въ отличіе отъ нижегородско-земскаго жаргона земскія станціи во владимірской губерніи, какъ выше сказано, называются „пунктами", наши земскіе открытые листы—„подорожными"): господа съ подорожными на чай больше такціи даютъ: кто 50 к., а кто и больше. Сторона ваша глухая, проѣзду здѣсь никакого, развѣ обозы съ кіотами мужички изъ Пуреха провезутъ въ кои-то вѣки—для Холуя и Мстеры.

— Ну, а какъ у васъ, около Мугрѣева, насчетъ урожая? полюбопытствовалъ я.

— Чего Бога гнѣвить! И не помнимъ такой благодати. Самъ-10 нынѣ уродилось, плохонькой мужиченко, и тотъ на цѣльный годъ запасся хлѣбомъ.... Сиротамъ вотъ бѣда: наши-то, у кого, опричь себя, хлѣба много, еле продерживаютъ, не продаютъ; хлѣбъ къ намъ всегда изъ Василевой Слободы идетъ – 70 верстъ до нея, ну и вотъ дорогонекъ теперь—пудъ ржаной муки 1 р. 60 к., ну и плохо сиротамъ-то.. Цыма! окрикнулъ Василій Григорьевичъ заметавшуюся на паромѣ Лыску. Но Лыска, забывши относительно меня нѣкоторую свою нелюдимость,—раньше она никакъ не давала мнѣ себя погладить и приласкать, – съ сильно встревоженнымъ видомъ безъ всякихъ околичностей прыгнула ко мнѣ въ плетюшку, насторожила на темную линію того берега свои большія остроконечныя уши и, недвижимо присѣвши, прижалась ко мнѣ. Я ее сталъ гладить, успокоивать, и на этотъ разъ она ужъ противъ этого ничего не имѣла. Тревога ея была небезосновательна: вскорѣ съ щербатовской перевозной стороны сталъ доноситься до насъ грозный, свирѣпый лай, очевидно, громаднаго сердитаго пса,

который затѣмъ, когда мы причаливали къ берегу, такъ и рвался къ намъ. Я крикнулъ перевозчикамъ на щербатовскомъ берегу, чтобы его убрали на привязь и не спускалъ Лыску на землю даже отъѣхавши отъ перевоза на далекое, съ версту, разстояніе.

— Ну ужъ и хитра-же Лыска, замѣтилъ Василій Григорьевичъ, когда она, успокоенная, снова во всю прыть стала рѣзвиться, то забѣгая впередъ, то кидаясь въ сторону отъ дороги, то немного отъ насъ отставая...—Песъ у Щербатихи злющій-презлющій—въ клочки бы ее разорвалъ!...

Я попросилъ Василія Григорьевича и на обратномъ пути поберечь Лыску, оградивъ ее отъ злого пса „Шербатихи“.

— Нѣчто ее живьемъ ему отдавать!.. Сохранимъ. Песъ Лыска хорошій. Выраститъ, тогда и самъ тому вонъ аспиду рвачку задастъ. Вонъ, вѣдь, щенокъ еще, а на вотъ, поди, какой рослый!..

Скоро въѣхали мы въ темный вѣковой лѣсъ, наша дорога по которому шла на цѣлыхъ 10 верстъ. Влѣво отъ насъ, то приближаясь къ намъ, то убѣгая, бѣлѣла рѣчка Ландехъ, о которую лѣсъ обрывался; вправо лѣсная чаща, въ которой, верстахъ въ 7-ми отъ дороги, спрятался Святоозерскій женскій монастырь *), тянется безъ перерыва вплоть до Гороховца, слѣдовательно, въ одной связи съ лѣсомъ Флорищевой пустыни.

Однообразіе лѣсного пути, да еще въ ночное время располагаетъ къ хорошимъ разговорамъ, по душѣ. Занятый основной мыслью своей поѣздки—образами и событіями великой эпохи 1611—1612 годовъ, я заговорилъ на эту тему съ Василіемъ Григорьевичемъ.

— Никакихъ такихъ слуховъ у насъ, ни про Пожарскаго, ни про Минина нѣту,—съ какимъ-то сожалѣніемъ сказалъ онъ мнѣ, когда я его спросилъ о нихъ, въ 2—3 словахъ пояснивъ ихъ значеніе въ нашемъ прошломъ.

Я сталъ ему разсказывать, насколько умѣлъ просто, про Нижегородское ополченіе, про походъ его къ Москвѣ **). Василій Григорьевичъ слушалъ меня внимательно, очевидно, съ большимъ интересомъ, задавая повременамъ такіе вопросы, съ цѣлью разъясненія большихъ подробностей моего разсказа, которые именно доказывали мнѣ, что лекція моя идетъ въ прокъ.

---

*) Святоозерскій женскій монастырь расположенъ въ 10 вер. отъ Нижняго Ландеха; онъ прежде былъ мужскимъ и основанъ въ XIV столѣтіи митрополитомъ Кипріаномъ, какъ это видно изъ церковной лѣтописи села, о которой сказано будетъ ниже.

**) Кстати, если въ октябрѣ 1611 г. нижегородское посольство было въ Мугрѣевѣ, т. е., иными словами, если кн. Пожарскій жилъ тогда здѣсь, а не въ Пурехѣ или Юринѣ, то Козьма Мининъ съ товарищами ѣхали слишкомъ 280 л. тому назадъ не иначе какъ по балахонкѣ: нынѣшняя дорога между Мугрѣевымъ Ландехомъ, по которой я ѣхалъ въ ночь съ 8 на 9 октября 1891 г., вроложена, какъ говорятъ старики, по словамъ Василія Григорьевича, всего лѣтъ сто тому назадъ. Балахонка между Мугрѣевымъ и Ландехомъ теперь совсѣмъ заброшена; она шла лѣвѣе нынѣшней, и служитъ лишь тропой для пѣшеходовъ и для ѣзды только въ зимнее время, сокращая разстояніе версты на 3; остатками благоустройства на балахонкѣ являются обломки гатей и мостовъ. Здѣсь же прибавлю, что по веснамъ, и когда рѣка Ландехъ становится многоводной, по ней производится сплавъ лѣса (кн. Щербатовой) на Лухъ—въ Клязьму и Оку.

— Да, не мѣшаетъ и нашему брату это знать,—сказалъ онъ, когда я кончилъ свое импровизированное повѣствованіе.... Вотъ я и въ училищѣ былъ, кончилъ курсъ, а ничего въ немъ про эту, вотъ, самую исторію не слыхалъ... Да мало-ли что не мѣшало бы! Вотъ церковь у насъ стоитъ. Хорошо бы, если бы кто намъ, хоть въ училищѣ, разсказалъ бы кто ее построилъ, когда... Вотъ и мы бы не такіе темные были....

Очевидно, требованія Василія Григорьевича, бывшаго ученика мѣстной школы, шли дальше и были шире того, что давала ему школа... А я лично чувствовалъ себя вполнѣ удовлетвореннымъ и былъ крайне доволенъ, что пришла мнѣ охота разсказать, въ тиши ночной, лѣсной, подъ звукъ колокольчика и неторопливый топотъ лошадей, моему случайному собесѣднику то, что его такъ заняло.... Когда чиновникъ бесѣдуетъ съ мужикомъ (а изъ „интеллигенціи“ кто же съ нимъ бесѣдуетъ какъ не чиновникъ), мужикъ томится, и въ репликахъ своихъ, гдѣ ужъ онъ не видитъ возможности обойтись безъ нихъ, вретъ чиновнику напропалую... Когда говорятъ съ мужикомъ, признавая его имѣющимъ свои духовные умственные интересы, онъ, видимо, наслаждается бесѣдой, находитъ въ ней психологическую гармонію. Ему скучно, обыденщина ему надоѣдаетъ такъ же, какъ и всякому другому; онъ радъ свѣжему человѣку, открывающему ему новые горизонты. И это не одинъ мужикъ испытываетъ, это замѣтно не только на развитыхъ людяхъ, живущихъ въ глуши,—это психологическій фактъ, приложимый ко всякому мыслящему существу; знать, стремиться къ знанію, пріобрѣсти его въ возможно большихъ размѣрахъ это необходимая сущность человѣка, кто бы онъ ни былъ, даже такъ называемый лѣнтяй гимназистъ, котораго, быть можетъ, не занимаетъ, по складу его ума, синтаксисъ любого языка, но который также жаждетъ знанія и пріобрѣтаетъ то, которое ему по вкусу и по силамъ....

Верстахъ въ 5 отъ Нижняго Ландеха, куда мнѣ путь лежалъ, рѣка Ландехъ совсѣмъ близко подошла къ дорогѣ, и такъ и блестѣла все время до села Ландеха, просвѣчивая сквозь вѣтви гигантскихъ сосенъ, растущихъ по лѣвому берегу, по которому мы ѣхали.

2. Въ Нижнемъ Ландехѣ.

Уже въ глухую полночь подвезъ меня Василій Григорьевичъ къ взъѣзжей квартирѣ на площади села, неподалеку отъ церкви и школы. Я вошелъ въ обширную, чистую съ диванами безъ бѣгающихъ и прыгающихъ прибавленій, съ бѣлоснѣжными шторками и цвѣтами на окнахъ, съ чистыми скатертями на крашеныхъ столахъ, комнату. Вскорѣ зашипѣлъ передо мною толстопузый самоваръ, на столѣ разставлена была чисто вымытая, безъ всякихъ изъянцевъ въ видѣ отшибленнаго рыльца у чайника, чайная посуда, прекрасныя густыя сливки, вкусный ржаной хлѣбъ. Естественно рождался вопросъ, хотя вовсе не по тому поводу, по которому онъ обыкновенно цитируется: „Ou est la femme?“ такъ какъ во всемъ обиходѣ „взъѣзжей“ чувствовалось присутствіе заботливой женской руки.

Такъ оно и оказалось: хозяйками дома, единственными его обитательницами, были двѣ „сироты“: вдова Ольга Силантьевна Г. и дѣвица Анна Ивановна Ш., ея двоюродная племянница; обѣимъ, какъ говорится, „за-сорокъ“. За свою „взъѣзжую“ получаютъ онѣ отъ волостного правленія по 4 р. въ мѣсяцъ....

— Сиротское наше житье ужъ извѣстно, кабы не рукодѣлье, и содержаться было-бы нечѣмъ: велики-ли деньги 4 р. на двухъ,—говорили онѣ мнѣ за чаемъ, до котораго онѣ большія охотницы и который онѣ изъ моего запаса пили съ величайшимъ наслажденіемъ: обыкновенно онѣ пьютъ не чай, а какіе-то спивки, платя за нихъ по 1 р. 80 к. за фунтъ.

На другой день, 10 октября, я снова пригласилъ моихъ хозяекъ побаловаться моимъ чайкомъ. Завелъ я между прочимъ разговоръ и о Пожарскомъ. Кое-какіе намеки дошли и до собесѣдницъ моихъ. Фамилію Пожарскаго онѣ не знаютъ, но сообщили мнѣ, что въ селѣ есть гора, которая называется *княжой горой*; дѣтьми онѣ по зимамъ съ нея въ салазкахъ катались. Такъ какъ извѣстно, что Нижній Ландехъ принадлежалъ Пожарскому, что, конечно, нѣтъ ничего мудренаго, что гора въ Ландехѣ сохранила названіе *княжой*, такъ же, какъ и бывшій въ Юринѣ прудъ. Болѣе мнѣ мои хозяйки на историческія темы отвѣтовъ никакихъ дать не были въ состояніи, и разговоръ перешелъ на темы житейскія, современныя.

— Плохое наше житье сиротское,—жаловались мнѣ онѣ въ одинъ голосъ. Пить-ѣсть надо, а много-ли мы заработаемъ! Дрова, вонъ, нынѣ рубль шесть гривенъ, ато и всѣ два, въ лѣсу взять. (Я даже облизнулся отъ такихъ цѣнъ, припомнивъ наши, нижегородскія). Вотъ только строчкой пробавляемся....

Въ Нижнемъ Ландехѣ, по словамъ моихъ хозяекъ, въ средѣ женскаго его населенія, сильно развито домашнее рукодѣліе, называемое строчкой—молодой составъ его почти сплошь, поголовно занятъ этимъ рукодѣліемъ полотенца, простыни, наволочки, накомодники, покрывала на кровати, женскія накидки, ручные платки, салфетки, сорочки—все это идетъ или посредствомъ Пистяковъ (по мѣстному говору, Пистяково, а не Пистяки), гдѣ базары бываютъ по пятницамъ, или прямо въ Москву и въ низовыя поволжскія мѣста въ богатыя крестьянскія и купеческія семьи (покрывала на кровати стоятъ до 100 р.: строчка—работа копотная); „господа“ этотъ товаръ мало спрашиваютъ. Сбываютъ свое рукодѣліе ландеховскія мастерицы, конечно, какъ и вездѣ, крупнымъ скупщикамъ, вѣрнѣе скупщицамъ, которыхъ въ селѣ нѣсколько человѣкъ: Нѣминъ съ матерью, Калинина и Ясникова; мелкихъ скупщиковъ очень много.

Наживаются скупщики очень быстро, такъ какъ барыши ихъ колеблются между 45 и 50% на рубль. Сколько остается чистаго барыша въ карманѣ мастерицъ; я отъ своихъ хозяекъ узнать не могъ, и такъ, и сякъ подходилъ я къ этому деликатному вопросу, но въ руки онъ мнѣ не давался. Купивъ у нихъ, для „поддержанія коммерціи“ три полотенца, я за-

платилъ за нихъ 3 р. 75 к. Мужское населеніе Нижняго Ландеха занимается хлѣбопашествомъ и отхожими промыслами, преимущественно уходятъ на сторону пильщиками.

Насладившись, такимъ образомъ, за утреннимъ чаемъ, бесѣдою съ своими хозяйками на современныя съ историческимъ оттѣнкомъ темы, я вышелъ изъ дому часу въ 10-омъ. Стало потеплѣе; моросилъ дождь. Первый визитъ мой былъ къ мѣстному священнику, Александру Павловичу Харизоменову. Къ сожалѣнію я его не засталъ: онъ былъ въ отъѣздѣ, по деревнямъ своего прихода, „за сборомъ“; второй священникъ въ ландеховской церкви въ селѣ совсѣмъ недавно, какъ сообщила мнѣ племянница о. Александра Екатерина Семеновна Харизоменова, которую одну засталъ я дома (о. Александръ вдовый). Оставивъ записку А. П. Харизоменову съ просьбою прислать мнѣ въ Нижній отвѣты по интересующимъ меня вопросамъ, я отправился въ ландеховскую школу *).

Я засталъ школьную жизнь въ полномъ разгарѣ, по всѣмъ ея тремъ отдѣленіямъ, въ которыхъ занимались учителя: Иванъ Борисовичъ Колобовъ, Михаилъ Алексѣевичъ Владыгинъ и учительница Александра Павловна Тихомирова. Школа, повидимому, поставлена очень хорошо. Я разговорился съ Иваномъ Борисовичемъ Колобовымъ. Онъ мнѣ также подтвердилъ слова моихъ хозяекъ о существованіи княжой горы, добавивъ къ тому, что противъ княжой горы, за старымъ русломъ Ландеха, находится лугъ, который тоже называется *княжимъ*; на теперешнемъ лугу, по преданію, росла роща, принадлежавшая Пожарскому. По большой дорогѣ въ Пистяки, въ верстѣ отъ Нижняго Ландеха, расположена деревня Даниловская; здѣсь, по преданію, были княжескія конюшни. По преданію-же, всѣ вотчины Пожарскаго между Нижнимъ Ландехомъ и Пурехомъ, съ центральной между ними пистяковской волостью, населены были, по его распоряженію, плѣнными поляками, почему и теперь жителей этой мѣстности зовутъ „ляхами“.

Вотъ все, что могъ сообщить мнѣ Иванъ Борисовичъ Колобовъ на первый разъ. О пребываніи Пожарскаго именно въ Ниж. Ландехѣ осенью 1611 г, когда пріѣзжало къ нему нижегородское посольство, никакихъ преданій не слышится; письменные памятники изъ вотчиннаго правленія

---

*) А. П. Харизоменовъ почтилъ меня отвѣтомъ въ двухъ письмахъ, доставивъ даже выписку изъ церковной лѣтописи. Изъ этихъ отвѣтовъ и изъ лѣтописи (составленной въ новѣйшее время по распоряженію Синода) видно только, что Нижній Ландехъ принадлежалъ въ XIV столѣтіи къ митрополичьей волости, а затѣмъ находился, въ началѣ XVII в., во владѣніи кн. Пожарскаго; что въ мѣстности, называемой княжой горой, по преданію былъ дворецъ кн. Д. М., и что никакихъ вкладовъ князя въ ландеховскихъ церквахъ нѣтъ, и были-ли они прежде, неизвѣстно; точно также неизвѣстно ничего о Ниж. Ландехѣ, какъ о мѣстопребываніи кн. Пожарскаго въ 1611 г. Слѣдуетъ при этомъ припомнить, что Ниж. Ландехъ отнятъ былъ у Пожарскаго, за его измѣну, по челобитію польскому королевичу Григорія Орлова и отданъ челобитчику 17 августа 1611 г., т. е. до нижегородскаго посольства къ Пожарскому; возвращенъ же Нижн. Ландехъ Пожарскому уже только въ 1621 году. (Забѣлинъ, стр. 316).

давнымъ давно куда-то исчезли *); бывшій управляющій въ селѣ Нижн. Ландехѣ, г. Елшинъ, который принималъ живое участіе въ литературѣ вопроса о мѣстопребываніи кн. Пожарскаго въ 1611 году, также давно уже померъ.

И. Б. Колобовъ, впрочемъ, обѣщалъ мнѣ написать въ Нижній, если что-нибудь узнаетъ поподробнѣе о связи Нижняго Ландеха съ Пожарскимъ, что и исполнилъ. Ничего существеннаго, однако, въ письмѣ г. Колобова, полученномъ мною въ концѣ октября, я не нашелъ, кромѣ того, что никакихъ слѣдовъ отъ княжескихъ построекъ ни въ Нижнемъ Ландехѣ ни въ деревнѣ Даниловской нѣтъ, а что они вѣроятно были, въ этомъ конечно сомнѣваться особенно нечего: въ центральныхъ пунктахъ обширной суздальско-балахонской вотчины кн. Пожарскаго (Пурехѣ, Юринѣ, Ландехѣ и друг.), по всей вѣроятности, были у князя если не дворцы, какъ указываютъ преданія, то собственные дома со всякими домашними пристроями на случай въѣзда его въ селеніе, и кромѣ голословнаго преданія о пребываніи Пожарскаго въ Нижнемъ Ландехѣ осенью 1611 года, вѣроятно циркулирующаго въ селѣ (и то преимущественно въ интеллигентной грамотной его части) со временъ управленія селомъ г. Елшинымъ.

„Для порядка“, чтобы исчерпать весь запасъ мѣстныхъ источниковъ, зашелъ я, изъ школы, къ К. Г. Дефье, управляющему имѣніемъ кн. Щербатовой при Нижнемъ Ландехѣ, и получилъ полное подтвержденіе того, что разузналъ и раньше, т. е. въ вотчинномъ правленіи никакихъ старинныхъ документовъ нѣтъ, нѣтъ ихъ и въ главной конторѣ, въ Петербургѣ, а затѣмъ—общій припѣвъ о княжой горѣ.

Вдоволь насытившись прекрасной картофельной похлебкой моихъ хозяюшекъ, я усѣлся въ крытую плетюшку, какъ очевидно для читателя, съ совершенно легкимъ багажемъ ландеховскихъ данныхъ относительно осени 1611 года.

Крытая плетюшка мнѣ была очень мила, потому что дождь, моросившій до полудня, обѣщалъ быть суточнымъ; небо было сплошное сѣрое.

Дорога моя лежала на село Мытъ.

3. На Мыту.

И небо-то было сѣро, и мелкій, но непрерывный почти дождь развелъ великую слякоть по дорогѣ, и дорога-то самая отъ Нижняго Ландеха совсѣмъ унылая—безжизненная равнина, мелкіе перелѣски, болотца, ни одной рѣчки, почти ни одного людского поселенія на протяженіи всѣхъ 18 верстъ.

*) Кромѣ грамотъ на имя Пожарскаго названіе Ландеха попадается и въ другихъ старинныхъ актахъ; такъ, напр., мы его находимъ, въ одной поступной записи 1693 г., показаннымъ „суздальскаго уѣзда мыцкаго стана“ подъ названіемъ «полусела Ландеха» (см. въ описаніи *Линевскаго архива*, образцово изданномъ председателемъ костромской губ. ученой архивной коммиссіи Н. Н. Селифонтовымъ: «подробная опись 440 рукописямъ XVII, XVIII и начала XIX ст. перваго собранія Линевскаго архива», Н. Н. Селифонтова, Спб. 1892, стр. 36).

Я ѣхалъ въ самую глушь гороховецкаго уѣзда—къ его крайней сѣверо-западной границѣ (село Мытъ лежитъ почти на самой границѣ владимірской губерніи съ костромской). Собственно Мытъ состоитъ изъ двухъ поселеній, имѣющихъ съ внѣшней стороны видъ двухъ отдѣльныхъ селъ, съ церквами въ каждомъ. Раздѣляются они рѣчкой Таехомъ, и потому первое, по дорогѣ отъ Нижняго Ландеха меньшее, по числу дворовъ, поселеніе называется Затаеховской слободой. Я заѣхалъ къ мѣстному священнику Василію Ивановичу Доброхотову. Онъ уже 30 лѣтъ здѣсь священствуетъ. Были, по его словамъ, какіе-то старинные документы не ранѣе, однако, XVIII вѣка по вотчинѣ кн. Голицина, которому Мытъ принадлежалъ, цѣлый возъ ихъ лежалъ въ сараѣ княжескаго управляющаго, но и тѣ, въ пожарѣ 1886 года всѣ сгорѣли. О томъ, что Мытъ принадлежалъ кн. Пожарскому Василій Ивановичъ Доброхотовъ никогда не слыхивалъ, и самое имя Пожарскаго въ мѣстномъ населеніи неизвѣстно.

Не расчитывая, конечно, на болѣе обширныя свѣдѣнія въ самой митрополіи—въ селѣ Мыту, и, слѣдовательно, не располагая пробыть въ немъ долго, я заѣхалъ къ „пунтовщику“ (земскій „пунктъ“ помѣщается въ Затаеховской слободѣ), съ просьбою прислать мнѣ лошадей къ священнику села Ивану Ефимовичу Харизо́менову (троюродному брату нижне-ландеховскаго священника) часа черезъ 1½, и спустя нѣсколько минутъ, переѣхавъ по мосту черезъ рѣку Таехъ, остановился у подъѣзда дома почтеннаго Ивана Ефимовича, священствующаго на Мыту тоже слишкомъ 30 лѣтъ.

Какъ всякій, живущій въ глуши, Иванъ Ефимовичъ сначала отнесся ко мнѣ нѣсколько опасливо, показался мнѣ суровымъ, нелюдимымъ меланхоликомъ, но затѣмъ, когда мы разговорились, за чайкомъ, онъ развернулся, и опять-таки, какъ заброшенный судьбою въ глушь, которой отдалъ всю свою жизнь, онъ, видимо, былъ радъ свѣжему человѣку и сталъ словоохотливъ и привѣтливъ.

Въ разговорѣ нашемъ Иванъ Ефимовичъ мнѣ подтвердилъ слова В. И. Доброхотова о томъ, что не только по всей ближайшей округѣ, гдѣ деревенское населеніе еще „темнѣе“, но даже и на Мыту о Пожарскомъ никто и понятія не имѣетъ, а тѣмъ болѣе о томъ, гдѣ жилъ онъ въ 1611 году; слышалъ Иванъ Ефимовичъ когда-то, еще на первыхъ годахъ своего священства, нто не на Мыту, а на сторонѣ, что казанская икона въ мѣстной церкви будто-бы приложена Пожарскимъ. Тесть его, бывшій здѣсь священникомъ тоже около 30 лѣтъ, умершій „въ заштатѣ“ въ 1874 году, говорилъ ему, что при церкви была какая-то историческая запись, описывавшая собственно церковное „строеніе“, да и та сгорѣла въ пожарѣ 1848 года.

Давно ужъ звякалъ колокольчикъ подъ дугой „пунтового“ коренника у подъѣзда, а бесѣда наша, скоро оборвавшаяся по отношенію къ кн. Пожарскому, такъ такъ Мытъ не давалъ ей никакой пищи, все еще продолжалась, и наконецъ окончилась уже въ сумерки... Кстати замѣчу, что извѣстный саратовскій земскій статистикъ, Сергѣй Андреевичъ Харизоме-

новъ, племянникъ Ивана Ефимовича (сынъ родного его брата, Андрея Ефимовича Харизоменова, покойнаго протоіерея ильинской церкви въ г. Владимірѣ).

На Дарьино, Филатово, Моклоково, Муровку, Вершиниху, Царенкову и Токарево выѣхалъ я въ Верхній Ландехъ, отстоящій отъ Мыта, такъ же, какъ и Нижній Ландехъ, въ 18 верстахъ.

Дождь пересталъ идти; свѣжѣло, ночь была безпросвѣтно темна, но дорога (проселочная) была ровна и хороша, за исключеніемъ убійственныхъ гатей.

Въ глухую полночь въѣхалъ я въ Верхній Ландехъ и вошелъ въ чистыя, украшенныя обоями, занавѣсками и цвѣтами комнаты „пунтового" дома, содержимаго Петромъ Васильевичемъ Тарутинымъ.

4. Въ Верхнемъ Ландехѣ.

Хорошо почувствовалъ я себя, послѣ томительнаго, по погодѣ, дня и доброй половины ночи, въ ландеховскомъ „пунтовомъ" домѣ, чистомъ, даже до нѣкоторой степени эстетическомъ, почти а-джіорно освѣщенномъ стѣнными и столовыми керосиновыми лампами, съ чисто-вычищеннымъ самоваромъ на большомъ передъ-диванномъ столѣ, съ перспективой сидящаго за какой-то книгой въ сосѣдней комнатѣ Петра Васильевича; только передъ тѣмъ, какъ отправиться „на боковую", когда во мнѣ тепло отъ чайныхъ пріемовъ стало поиспаряться, почувствовалъ я, что точно будто въ комнатѣ холодновато. Тутъ только замѣтилъ я, что зимнія рамы въ окнахъ—а комната блистала обиліемъ ихъ—еще не вставлены. Положивъ рядомъ съ собой, на всякій случай, шубу я спокойно заснулъ въ надеждѣ на ея своевременную мнѣ помощь. Ночью я проснулся отъ жесточайшаго холода На дворѣ шумѣла настоящая буря, вѣтеръ грозилъ вдребезги разбить оконныя стекла, рамы дрожали, свѣжій наружный воздухъ, врываясь въ оконныя щели въ комнату, свободно разгуливалъ по ней по всевозможнымъ направленіямъ. Зарывшись подъ шубой, я кое-какъ не то проспалъ, не то продремалъ до утра; во снѣ-дремотѣ мнѣ все снилось, что я участвую въ какой-то сѣверной полярной экспедиціи....

На утро оказалось, на основаніи показанія вывѣшеннаго у наружной части оконной рамы градусника, котораго я съ вечера не замѣтилъ, что температура воздуха упала за ночь до 7° холода. Это было 11 октября, тогда какъ еще 5 числа стояла чудная, солнечная, чуть-чуть не лѣтняя погода... Поневолѣ приснятся тутъ сѣверно-полярные сны!

За утреннимъ чаемъ:

— Что это вы такъ долго читали вчера? спросилъ я Петра Васильевича Тарутина.

— Книжку журнала „Недѣли" дочитывалъ, да Золя „Человѣкъ—звѣрь" началъ,—отвѣтилъ мнѣ просто, безъ всякихъ претензій (вотъ, молъ, каковскіе мы) Петръ Васильевичъ.

— И много вы вообще читаете?

— Да какъ вамъ сказать? Времени-то свободнаго много, по гостямъ я не охотникъ ходить, къ себѣ звать—тоже, ну, и читаешь, въ этомъ всю отраду находишь. Одна бѣда: иногда такъ подберется, что читать нечего. Ну, перечитываешь что раньше читано.

— Кромѣ содержанія земскаго пункта чѣмъ-нибудь еще занимаетесь, если говорите, что времени у васъ свободнаго много?

— Какъ-же! Проѣздъ у насъ тутъ не важный, доходомъ съ пункта не разживешься—по 160 р. на лошадь отъ земской Управы получаю, такъ занимаюсь грибной торговлей.

— Да, сторона у васъ грибная, знаю; цѣлые обозы случалось мнѣ встрѣчать подъ Пурехомъ великимъ постомъ, все отъ васъ, да изъ коренного грибного царства—костромского посада Парфентьева....

— Какъ-же, безъ гриба здѣсь плохо-бы было. Ито почитай весь народъ, въ отлучкѣ—офени все! Ну, грибы и поддерживаютъ, кто въ офеняхъ не ходитъ. Бѣлый грибъ здѣсь все больше. Набираемъ мы его со времени роста—съ іюня, вплоть до масляницы въ районѣ Верхняго Ландеха, Пистяковъ, Нижняго Ландеха, Пуреха; наборъ дѣлаемъ по базарамъ и ярмаркамъ; даемъ за пудъ отъ 15 до 30 р., смотря по урожаю и по отдѣлкѣ тоже. Въ отдѣлкѣ гриба большая важность. Самая лучшая отдѣлка—около Нижняго Ландеха.

— Это значитъ ландеховскіе грибы не уступятъ и парскимъ, парскій грибъ, вѣдь, кромѣ того еще особымъ ароматомъ отличается,—замѣтилъ я, вспомнивъ свою лѣтнюю поѣздку и грибной патріотизмъ пассажира на „Энергичномъ"....

— Нѣтъ-съ, никакого особаго аромату въ парскомъ грибѣ нѣтъ: грибъ, какъ грибъ—вездѣ одинъ и тотъ-же, а только, правда, что парскій грибъ отдѣлывается не хуже ландешскаго. Вся сила въ отдѣлкѣ; а состоитъ она въ томъ, что у шляпки гриба оставляютъ немножко (и мѣру нужно знать) корешка, а главное, сушатъ каждый грибъ отдѣльно, на лучинкахъ: втыкаютъ лучинки, штукъ по 20 и больше, въ песокъ, наполняющій плошки, насаживаютъ на нихъ по грибу—и въ печь; какъ скутаютъ печь—къ утру грибъ готовъ; снимаютъ его съ лучинокъ и нанизываютъ на нитки. Копотное это дѣло. Около Нижняго Ландеха по старинѣ имъ аккуратно занимаются, и грибъ выходитъ хорошій; ну, а въ другихъ мѣстахъ неглижируютъ, поскорѣе-бы сбыть, благо теперь нашего брата, торговцевъ наборщиковъ, много развелось—изъ Москвы, изъ другихъ мѣстъ наѣзжаютъ, всего около 2000 пудовъ по нашимъ мѣстамъ набираютъ,—ну и грибъ хуже выходитъ и конечно дешевле стоитъ. Въ нашей семьѣ этимъ наборомъ давно занимаются: дѣдушка еще мой грибомъ торговалъ. Я набираю пудовъ отъ 200 до 300; сбываю въ Петербургъ знакомому торговцу; онъ тамъ рублей 5—6 на сотню наживаетъ. Тоже и на мою долю приходится рубля 4, рублей 5—6 на пудъ; правда, иногда и 10 р. наживешь, но рѣдко; зато иной разъ только свои выручишь, особенно, если великъ урожай въ другихъ мѣстахъ—въ Польшѣ, напр., оттуда тоже много гриба въ Петербургъ идетъ. Сдаю я то-

варъ (самъ въ Петербургъ не ѣзжу) на Шуйской станціи; за провозъ до станціи 10 к., да по желѣзной дорогѣ до Петербурга 40 к. Отправляются нами грибы главнымъ образомъ въ Петербургъ и Москву, въ тальниковыхъ корзинахъ, обернутыхъ рогожей; корзины покупаемъ въ Пучежѣ *) по 4 р. за десятокъ.... Соленый груздь у насъ только на Мыту бываетъ; тамъ его и солятъ на мѣстѣ.

Полюбопытствовавъ ознакомиться нѣсколько съ біографическими данными Петра Васильевича, я узналъ, что онъ обучался въ мѣстной начальной школѣ, а затѣмъ былъ писаремъ въ тифлисскомъ окружномъ судѣ; по выходѣ въ отставку, снова и окончательно поселился на родинѣ, гдѣ и продолжаетъ торговое грибное дѣло своего отца и дѣда, а между прочимъ содержитъ и земскую гоньбу.

— А что вы скажете о теперешней и прежней школѣ? спросилъ я Петра Васильевича.

— Куда-же! И сравненія нѣтъ! Какъ видите, я не старый человѣкъ, нѣтъ еще мнѣ и 50-ти лѣтъ; ну, въ мое время бились мы съ грамотой годами, а вотъ теперь мой мальчикъ въ школу бѣгаетъ,—въ три недѣли ужъ читаетъ!... Никакого сравненія нѣтъ, не говоря уже о прежней „педагогикѣ" съ колотушками, тасканьемъ за вихры и всяческими потасовками!...

— А нѣтъ-ли здѣсь разговоровъ о кн. Пожарскомъ? Въ оныя времена Верхній Ландехъ входилъ въ составъ его вотчины....

— Н-нѣтъ,—протянулъ Петръ Васильевичъ; ни о Пожарскомъ, ни о смутномъ времени вообще у насъ и понятія не имѣютъ. Есть, впрочемъ, одно преданіе, да ужъ очень оно, какъ-бы сказать.... наивно: отъ одного нашего грамотѣя довелось мнѣ однажды слышать, что на колокольнѣ нашей вознесенской церкви Пожарскій „спасался".. Отъ кого, какъ, когда „спасался", того мнѣ грамотѣй пояснить не могъ, а только указывалъ на чуланчикъ въ колокольнѣ. Дѣйствительно, такой чуланчикъ, съ однимъ оконцемъ въ немъ, существуетъ, съ трудомъ двоимъ въ немъ помѣститься можно—аршина въ 1½ онъ въ ширину и глубину, вышиною—въ ростъ человѣка; стоять и сидѣть въ немъ можно, ну, а ужъ лежать—какъ угодно!...

Грамотѣй-грамотѣемъ, подумалъ я, но нельзя не сознаться, что иногда и нашъ братъ, ученый и неученый изслѣдователь, своими разспросами и „наведеніями" наводитъ на населеніе нѣкоторое „сумленіе" и разноситъ разсказы, превращающіеся потомъ въ чудовищныя легенды, какъ иногда врачи разносятъ заразу—дифтеритъ, тифъ и т. п.

Заручившись отъ Петра Васильевича свѣдѣніями о томъ, какъ зовутъ мѣстнаго священника, а также о всѣхъ мѣстныхъ грамотѣяхъ, я отправился на поиски.

Глубокія лужи отъ послѣднихъ дождей промерзли насквозь; дулъ сѣверный рѣзкій вѣтеръ (мнѣ попутный,—сообразилъ я, такъ какъ дорога изъ

---

*) Верхній Ландехъ отстоитъ отъ Пучежа, Катунокъ, Василевой Слободы и Пуреха въ равномъ разстояніи: около 40 верстъ.

Верхняго Ландеха лежала на Пистяки, почти по прямому направленію съ сѣвера на югъ); морозъ не только не унимался, а сильно крѣпчалъ.

Первый визитъ мой былъ къ священнику Павлу Васильевичу Бѣляеву. Разговоры относительно мѣстной памяти о Пожарскомъ все тѣ-же. Была какая-то, по словамъ покойнаго священника, предмѣстника Павла Васильевича, Александра Васильевича Святославова, въ вотчинномъ правленіи кн. Іевлича, одного изъ послѣднихъ владѣльцевъ Верхняго Ландеха, рукописная историческая запись неизвѣстнаго содержанія; выпрашивалъ ее у бурмистра Демидова о. Александръ себѣ, для храненія въ церковной ризницѣ, но тотъ ему не далъ, а въ 1870 году запись эта, какъ и большинство нашихъ записей, сгорѣла вмѣстѣ съ домомъ вотчиннаго правленія.

— Въ Нижнемъ Ландехѣ, говорятъ, кое-какія преданія о Пожарскомъ существуютъ, сообщилъ мнѣ Павелъ Васильевичъ, а у насъ нѣтъ, ничего нѣтъ.

— Я слышалъ отъ содержателя станціи П. В. Тарутина, что есть преданіе о чуланчикѣ въ колокольнѣ возвесенской церкви.

— Есть,—усмѣхнулся Павелъ Васильевичъ. Толкуютъ, что здѣсь спасался отъ разбойниковъ строитель церкви, богатый человѣкъ, Левъ Прокофьевичъ Наумовъ....

— А когда именно вознесенская церковь и колокольня ея построены? полюбопытствовалъ я.

— Это извѣстно документально: въ 1737 году.

Князю Пожарскому, конечно, здѣсь „спасаться“ было въ 1737 году неудобно....

Никакихъ слѣдовъ отъ Пожарскаго въ церкви, по словамъ Павла Васильевича Бѣляева, тоже нѣтъ—ни иконъ, ни книгъ, ни облаченій.

Выйдя отъ П. В. Бѣляева, я обошелъ всѣхъ рекомендованныхъ мнѣ мѣстныхъ грамотѣевъ: дочь бывшаго въ крѣпостное время бурмистра Демидова Татьяну Михайловну, Михаила Ефимовича Шумилова, Матрену Михайловну Сонину, дочь покойнаго земскаго писаря Горева, бывшаго бурмистромъ до Демидова... Единственнымъ результатомъ моихъ визитовъ было то, что Татьяна Михайловна Демидова, старая-престарая дѣвица, большая охотница до чтенія газетъ, имѣетъ рукописное стихотвореніе о Дмитріи Донскомъ, но о Пожарскомъ ей что-то ни слыхать, ни читать не доводилось.

5. Черезъ Пистяки къ Нижнему.

Корыстные виды мои на попутный вѣтеръ вполнѣ оправдались: Петръ Васильевичъ далъ мнѣ крытый тарантасъ, верхъ котораго дрожалъ отъ порывистаго леденящаго вѣтра; то и дѣло попадавшіеся мнѣ на встрѣчу за Пистяками пѣшеходы, преимущественно женскаго пола, видимо, коченѣли отъ холода, лица и руки ихъ были красны, какъ кумачъ, разсѣкавшіе злобный, противный Борей, торсы ихъ сильно наклонялись впередъ, а мнѣ было сидѣть въ тарантасѣ сполагоря. Попадавшіеся мнѣ на встрѣчу женщины и частью мужчины шли въ Пурехъ на базаръ съ шерстяными варе-

гами, чулками и носками на коромыслахъ; этотъ крестьянскій товаръ, по всей округѣ радіусомъ отъ 5 до 10 верстъ отъ Пистяковъ, выдѣлывается въ громадномъ количествѣ. Одну женщину дорогой я остановилъ и купилъ у нее вареги (12 к.) и чулки (16 к.); чулки безъ пятокъ, въ видѣ мѣшка.

— А много-ли въ недѣлю сработаете варегъ? спросилъ я варежницу.

— Да я вотъ съ дѣвочкой 40 паръ въ недѣлю работаю.

Дорога отъ Верхняго Ландеха до Пистяковъ шла перелѣсками, красивыми извилинами, ровная, гладкая, лошади у Петра Васильевича ухорскія (вообще нужно замѣтить. что „земскіе пункты" въ гороховецкомъ уѣздѣ, какъ со стороны помѣщеній, такъ и лошадей, экипажей, содержатся прекрасно), и потому довольно скоро, несмотря на 18-верстный перегонъ, показалось передо мною послѣ переѣзда черезъ рѣчку Курочку, которая течетъ сюда изъ-подъ Пуреха, громадное торговое село Пистяки.

На Пистяки, по отношенію къ Пожарскому, у меня ужъ не было никакихъ „расчетовъ". Но зато, разговорившись за чаемъ, во время смѣны лошадей, съ „пунтовщикомъ" крестьяниномъ, Александромъ Павловичемъ Морозовымъ, я былъ вполнѣ удовлетворенъ дѣятельностью мѣстной школы.

Вотъ нашъ разговоръ.

— А что, дяденька, не слыхать-ли чего здѣсь о Пожарскомъ?

— Какъ не слыхать. Вѣстимо всякое баютъ.

— А что баютъ-то? Что онъ сдѣлалъ?

— Ну какъ: что? Мало-ли дѣловъ онъ надѣлалъ!

— Какія-же такія дѣла?

— Да всякія, вопче много дѣловъ.

— Однако, какія-же именно?

— Ополченіе собиралъ... Спасать значитъ...

— Кого?

— Кого?.. Свое имѣніе...

— А когда это было?

— Въ двѣнадцатомъ году.

— Противъ кого?

— Извѣстно противъ кого—противъ француза...

— Значитъ въ 1812—омъ?

— Не иначе...

— А жилъ онъ гдѣ?

— Пожарскій-то?

— Да.

— Кто знатъ. Кто баитъ—въ Пурехѣ, кто-- въ Ландехѣ; намъ это неизвѣстно.

— А откуда это вы все знаете?

— Я-то?

— Да.

— Сынишка болтаетъ, въ училище онъ бѣгаетъ, такъ ихъ тамъ учитель этому всему доподлинно обучаетъ.

— Дома-ли сынишка-то?

— Теперь дома. Гдѣ ему быть. Позвать что-ли его къ вамъ?

— Пожалуйста.

Вошелъ сынъ Александра Павловича, Петръ, мальчикъ лѣтъ пятнадцати. Началъ я его разспрашивать про смутное время, просилъ разсказать мнѣ что онъ знаетъ, и получилъ связный, толковый разсказъ общеизвѣстныхъ фактовъ дѣятельности Минина и Пожарскаго. Всѣ свѣдѣнія свои Петръ Морозовъ получилъ изъ школы. Честь и хвала пистяковскимъ учителямъ, которые сознаютъ, что стыдно въ мѣстностяхъ, исторически связанныхъ съ событіями смутнаго времени, не знакомить, путемъ школы, мѣстное населеніе съ дѣятелями этой великой эпохи нашего прошлаго. Въ школахъ поволжскаго и подмосковнаго края конечно было-бы большою и даже, пожалуй, излишнею роскошью знакомить учениковъ съ заселеніемъ побережья Чернаго моря, съ исторіей литовскаго порубежья и т. п., но какъ во владимірской, нижегородской, ярославской и костромской школѣ не сообщать свѣдѣній о смутномъ времени, какъ въ томской или тобольской школѣ не пропагандировать имя Ермака, или въ школахъ побережья Чернаго моря имени Потемкина, а въ виленской или минской школѣ—имени королевы Варвары и т. п.—этого конечно не поймутъ наши потомки, даже ближайшіе. Жизнь идетъ впередъ, и я увѣренъ, что чѣмъ дальше мы уйдемъ отъ эпохи смутнаго времени, тѣмъ болѣе будетъ населеніе съ нею знакомиться, при сознаніи необходимости знакомства съ прошлымъ своей ближайшей родины. Пистяковская школа до этого сама додумалась... До думаются до этой простой потребности современемъ и другія школы...

Село Пистяки было послѣднимъ пунктомъ моей поѣздки по связи ея съ именемъ Пожарскаго...

— Ну и что-же? спроситъ меня читатель.

— То есть что-же? переспрошу я его.

— Только и всего?

— Только,—отвѣчу я со спокойнымъ сердцемъ и духомъ.

Не я виноватъ, что дошли до насъ такія скудныя свѣдѣнія о мѣстопребываніи осенью 1611 года кн. Дмитрія Михайловича Пожарскаго; *) не я виноватъ, что болѣе живыя, вѣроятныя свѣдѣнія слѣдуетъ пріурочить къ балахонской вотчинѣ князя, къ Юрину, къ Пуреху, такъ какъ здѣсь хотя остаются налицо преимущественно одни преданія, они всетаки цѣнны, потому что частью не противорѣчатъ, а частью даже вполнѣ согласны съ историческими данными; не я, наконецъ, виноватъ, что такія преданія или вовсе отсутствуютъ, или они крайне сбивчивы, туманны и невѣроятны въ такихъ мѣстахъ, какъ Мугрѣево, Верхній и Нижній Ландехи и вообще остальные пункты вотчины Пожарскаго.

---

*) Попадаются иногда не только скудныя, но и прямо вздорныя свѣдѣнія. Извѣстный составитель «Памятника событій въ Церкви и отечествѣ», Яковъ Васильевичъ Орловъ, нижегородскій педагогъ конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія, говоритъ: «Сухорукій поспѣшилъ къ кн. Пожарскому, который тогда лѣчился отъ ранъ въ вотчинѣ своей, называемой и понынѣ—Жарахѣ («Памятникъ», 1818 г. IV, стр. 355), очевидно, думая, что существовало какое-то село *Жараха* или *Жарахъ*. Да и не одинъ Орловъ, и М. П. Погодинъ не мало погрѣшилъ со своимъ черниговскимъ Погаремъ, Пожаромъ, отъ котораго даже производилъ фамилію Пожарскаго. Были охотники

Я поставилъ своей задачей—исчерпать, насколько это отъ меня зависѣло, вопросъ, о которомъ идетъ рѣчь, посѣтить рѣшительно всѣ мѣста, которымъ такъ или иначе присвоивается извѣстная историческая роль и собрать все, что по этому предмету въ этихъ мѣстахъ разсказывается Это я постарался исполнить, а затѣмъ—умываю руки и. перехожу къ окончанію описанія своей октябрьской поѣздки, такъ какъ въ виду довольно неопредѣленнаго его заглавія: „Въ вотчинѣ князя Пожарскаго"—я имѣю возможность касаться здѣсь и такихъ предметовъ, которые къ дѣятельности Пожарскаго мало, или даже вовсе не относятся.

За Пистяками пошла уже совсѣмъ лѣсная сторона: чѣмъ дальше, тѣмъ перелѣски попадались все чаще, а наконецъ они перешли уже въ настоящій лѣсъ. Разговорившись съ ямщикомъ (старшимъ сыномъ пистяковскаго „пунтовщика", Павломъ), я узналъ, что знаменитое Якушево лежитъ всего верстахъ въ 8-ми, влѣво, отъ деревни Лупаловой, ближайшаго земскаго пункта, куда я теперь направлялся, отстоящаго отъ Пистяковъ въ 17 верстахъ. Якушево—разсадникъ расходящихся по всему востоку и югу (наполняютъ собою Сибирь, заходятъ за Баку) плотниковъ, которые зовутся по центральному мѣсту своей родины—„якушами", и о которыхъ я уже имѣлъ случай говорить почти 20 лѣтъ тому назадъ *); такъ зовутся не только плотники собственно изъ деревни Якушевой, но и изъ всѣхъ сосѣднихъ съ ней деревень, въ томъ числѣ и Лупалова.

Отъ Лупалова, маленькой лѣсной деревнюшки, всего съ одной улицей и при томъ такой узкой, какую мнѣ нигдѣ еще не приводилось видѣть

и до села Пожарокъ подъ г. Сергачемъ нижегородской губерніи... Кстати привожу здѣсь цѣликомъ выписку изъ путешествія Погодина по балахонскому уѣзду, напечатанную въ № 11 «Москвитянина» за 1841 г. (пользуюсь текстомъ біографіи М. П. Погодина Николая Барсукова въ его «Жизни и трудахъ М. П. Погодина», кн. шестая, стр. 174 и 175): «А что много у васъ дѣлаютъ балахоновъ? спросилъ Погодинъ у неизвѣстнаго ему собесѣдника въ трактирѣ г. Балахны. Мы не отъ балахоновъ, а отъ Волхова.—Отъ какого Волхова?—Отъ новогородскаго: мы назывались Волохна, а ужъ послѣ прозвались Балахна; мы природные новогородцы, и присланы сюда Иваномъ Васильевичемъ».—Погодину было очень пріятно встрѣтить въ трактирѣ такого собесѣдника. Разговоръ продолжался: «Ну, не слыхали-ли чего о селѣ Юрьевѣ (такъ называлъ Погодинъ Юрино), гдѣ погребенъ кн. Пожарскій?—Какъ не слыхать, да вѣдь говорятъ разно: мнѣ сказывалъ одинъ священникъ, что кн. Пожарскій лежитъ въ селѣ Суховатовѣ.—Гдѣ-же это село Суховатово?—Верстахъ въ 8 отсюда, по дорогѣ въ Жары. Какіе Жары? спросилъ я моего собесѣдника,—записываетъ Погодинъ, прибавляя затѣмъ съ увѣренностью: потому что созвучіе Жары съ Пожарскимъ возбудило мое любопытство, хотя прозваніе происходитъ отъ Пожара, города въ черниговскомъ древнемъ княжествѣ.—Волость жарская, отвѣчалъ онъ,—большая волость, которая искони принадлежала князьямъ Пожарскимъ».—Странно, что балахонскіе Жары не навели М. П. Погодина, или по крайней мѣрѣ не отвлекли его мысли о черниговскомъ Погарѣ, которыя онъ впослѣдствіи еще повторилъ и развилъ не въ легкомъ описаніи путешествія, а въ настоящемъ ученомъ трактатѣ, гдѣ онъ соображеніямъ о Погарѣ отвелъ подробное ученое толкованіе (см. его «Изслѣдованіе о мѣстѣ погребенія кн. Дм. Мих. Пожарскаго», напечатаннаго въ «Ученыхъ Запискахъ» Академіей Наукъ въ 1852 г., т. I, стр. 162—201). О селѣ Суховатовѣ, священномъ памятью о Пожарскомъ, см. въ статьѣ моей «Въ Жарахъ» въ «Нижегородскомъ Сборникѣ», т. X, 1890 г., стр. 79 и 80).

*) «Первый Шагъ», сборникъ, изданный въ Казани въ 1876 году, статья «Изъ путевыхъ замѣтокъ по Нижегородскому Поволжью», стр. 227—284.

(кромѣ нижегородскаго села Павлова до пожара 1872 года, да еще развѣ Франкфурта на Майнѣ, въ старинной его части), до предположеннаго мною ночлега у почтеннаго архимандрита Антонія, во Флорищевой пустыни, оставалось 19 верстъ. Здѣсь я только смѣнилъ лошадей и, признаться, радъ былъ оставить „пунктъ", такъ какъ жутко было смотрѣть на хлопотавшаго черезъ силу около лошадей станціоннаго старосту, дряхлаго старика совсѣмъ больного, съ совершенно краснымъ лицомъ отъ снѣдавшаго его жара; помочь я ему ничѣмъ не могъ... Смеркалось, а когда я доѣхалъ до расположенной въ дремучемъ лѣсу, на 9-ой верстѣ отъ Лупалова, у рѣчки Пурешки, берущей свое начало у деревни Бородулина подъ Пурехомъ, лѣсной конторы купца Демидова, около которой выросъ чуть не цѣлый поселокъ, была ужъ настоящая ночь Затѣмъ были переѣзды черезъ двѣ рѣчки: Сѣзухъ и передъ самымъ монастырскимъ, т. е. принадлежащимъ Флорищевой пустыни, лѣсомъ, за 5 верстъ до пустыни, р. Утрехъ.... Поражаютъ слухъ невольно, конечно, эти окончанія во всей мѣстности названій на *ехъ*: Таехъ, Ландехъ, Палехъ, Люлехъ, Пурехъ, Тюлехъ, Утрехъ и т. д., точно такъ же, какъ на *ма*: Клязьма, Кинешма, Ухтома, Кострома.... Исчезли народы или ассимилировались съ болѣе сильными народностями и потеряли свой собственный обликъ; наука только гадаетъ о нихъ по курганнымъ остаткамъ, а данныя ими прозвища остались живы, живутъ и будутъ несомнѣнно жить до тѣхъ поръ пока живо нынѣшнее населеніе этихъ мѣстъ.

Поздней ночью подъѣхалъ я къ пустыни. Даже ворота ея не монашескаго поселенія (собственно, монастырь окруженъ каменною стѣною, а затѣмъ прилегающій къ нему съ сѣверной стороны свѣтскій поселокъ, населенный монастырскими служителями и состоящій изъ всякихъ хозяйственныхъ построекъ съ монастырской гостиницей, огороженъ крѣпкимъ деревяннымъ заборомъ).

Мнѣ отвели прекрасную чистую комнату окнами къ монастырю (всего для „чистой" публики въ гостиницѣ 6 номеровъ, раздѣленныхъ широкимъ свѣтлымъ корридоромъ), и только что расположился я „какъ дома", какъ вошелъ ко мнѣ привѣтливый благообразный монахъ съ фонаремъ въ рукѣ— отецъ-казначей Іоанникій и позвалъ меня чай пить къ о. архимандриту Антонію.

О. Іоанникій шелъ впереди, освѣщая путь фонаремъ. Вступивъ за монастырскую ограду, за ночною темнотою, я не могъ хорошенько оріентироваться, видѣлъ только что то внушительно-грандіозное.... Наконецъ мы вступили въ теплыя, уютныя, съ присущимъ имъ обычнымъ запахомъ воска и лампаднаго масла архимандричьи покои.

Вышелъ о. архимандритъ Антоній, троекратно мы съ нимъ облобызались, за ароматнымъ чаемъ появились прекрасныя сливки съ вкуснымъ монастырскимъ бѣлымъ хлѣбомъ, и потекла наша бесѣда, при участіи, конечно, о. Іоанникія. Я разсказывалъ о. Антонію, съ которымъ я видѣлся во Владимірѣ при торжествѣ 30 сентября, про свою поѣздку 1—5 октября

въ Москву; онъ мнѣ про то, какъ онъ проводилъ это время, принимая у себя гостей: и офиціальныхъ (ревизія благочиннаго) и интимныхъ (о.о. Никаноръ борковскій и Макарій вязниковскій), а подъ-конецъ бесѣда наша перешла на „злобу“ моего дня. Я ему изложилъ вкратцѣ результаты своей поѣздки, а подъ-конецъ зашла у насъ рѣчь объ имѣющей также значеніе въ жизни Пожарскаго, особенно въ періодъ движенія, подъ его предводительствомъ, нижегородскаго ополченія, такъ называемой казанской иконѣ. Меня, между прочимъ, интересовало: гдѣ въ настоящее время находится подлинникъ этой иконы, и все, что я зналъ по этому предмету, сообщилъ я о. Антонію, вообще очень любознательному и начитанному человѣку. Обѣщавъ ему письменно изложить въ доступныхъ для меня подробностяхъ положеніе вопроса, я это исполнилъ впослѣдствіи, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, изъ Нижняго, кстати пополнивъ свои свѣдѣнія тѣми, которыми я заручился во время поѣздки своей въ декабрѣ того же 1891 года въ Москву и Петербургъ.

Въ виду тѣсной связи вопроса съ именемъ кн. Пожарскаго, приведу здѣсь все то, что я сообщилъ о. Антонію въ письмѣ своемъ изъ Нижняго отъ 21 апрѣля 1892 года.

Послѣ необычайнаго пожара въ Казани въ 1579 г. (по Заринскому: 23 іюня), на мѣстѣ сгорѣвшаго дома стрѣльца Онучина *) обрѣтена была его 10-лѣтней дочерью Матреной икона Богородицы, которая вскорѣ прославилась чудесами, такъ что Иванъ Васильевичъ Грозный приказалъ построить церковь на мѣстѣ обрѣтенія и устроить здѣсь женскій монастырь, что нынѣ дѣвичій Богородицкій монастырь въ Казани. Такъ сказано у бывшаго казанскаго профессора (теперь директора Демидовскаго лицея въ Ярославлѣ) С М. Шпилевскаго, въ его „Указателѣ историческихъ достопримѣчательностей г. Казани“ (1873, стр. 23).

По словамъ архимандрита Іосифа, въ его „Путеводителѣ къ святынѣ и священнымъ достопримѣчательностямъ Москвы“ (1882, изд. 9-ое, стр. 102), по желанію Ивана Васильевича Грознаго, снятъ былъ *списокъ* съ новоявленной казанской иконы и присланъ въ Москву. Съ того времени установлено празднованіе казанской иконѣ Богоматери 8 іюля, въ честь ея явленія. Въ какой храмъ поставленъ былъ этотъ списокъ, у архимандрита Іосифа не сказано. Далѣе у него говорится, что когда Кремль былъ освобожденъ въ 1612 году, совершенъ былъ въ слѣдующій воскресный день крестный ходъ съ казанской иконою Богоматери (т е. со спискомъ?) на лобное мѣсто; въ память же избавленія Москвы отъ враговъ съ тѣхъ поръ празднуется 22 октября (кромѣ 8 іюля—дня обрѣтенія иконы) и совершается крестный ходъ (въ Москвѣ) въ Казанскій соборъ, а до построенія этого собора (построенъ въ 1630 г.) казанская икона (другой списокъ?) находилась въ домѣ Пожарскаго, близъ церкви Введенія на Лубянкѣ; крестный ходъ первоначально

*) По Заринскому („Очерки древней Казани“, К., 1877, стр. 37): *Данило* Онучинъ, такъ названъ онъ въ писцовой книгѣ города Казани 1566—1568; дворъ его былъ около Николы Тульскаго.

совершался изъ Кремля въ эту (введенскую) церковь; когда же устроенъ былъ Казанскій соборъ, то сюда перенесена была и чудотворная казанская икона Богоматери (здѣсь уже говорится архимандритомъ Іосифомъ не про списокъ, а прямо про икону; что слѣдуетъ разумѣть подъ этими словами, списокъ-ли, сдѣланный по приказанію Грознаго, или тотъ образъ, который былъ въ домѣ Пожарскаго, и одинъ-ли это и тотъ же образъ, или два разныхъ, неизвѣстно).

Въ „Путеводителѣ по Петербургу" Р. С. Попова (изд. 3-е, 1886, стр. 52) говорится утвердительно, хотя и не особенно обстоятельно: „Замѣчательную особенность и историческую достопримѣчательность Казанскаго собора (въ Петербургѣ на Невскомъ) представляетъ образъ казанской Божіей Матери; этотъ образъ находился сначала въ Казани, потомъ, по повелѣнію Іоанна Грознаго, перевезенъ былъ въ Москву (значитъ, не списокъ, а подлинникъ?), оттуда въ смутное время сопутствовалъ дружинѣ кн. Пожарскаго, а потомъ сдѣлался семейной святыней русскихъ государей, и наконецъ перенесенъ Петромъ Великимъ въ Петербургъ". У того же автора мы читаемъ нѣсколько выше (стр 50), что первоначальная казанская икона была въ Троицкомъ соборѣ; въ Казанскій она перенесена уже послѣ Петра Великаго, такъ какъ Казанскій соборъ построенъ первоначально императрицей Анной Іоанновной, въ 1737 году (въ нынѣшнемъ своемъ видѣ онъ существуетъ, по проекту архитектора Воронихина, съ 1811 г.) Какая икона, подлинная или списокъ, была перенесена изъ Казани въ Москву Грознымъ, изъ Москвы въ Петербургъ Петромъ Великимъ, на это г. Поповъ никакого отвѣта не даетъ.

Въ продающейся въ книжной торговлѣ при Казанскомъ соборѣ, въ Петербургѣ, брошюрѣ „Чудотворная казанская икона Божіей Матери, находящаяся въ с.-петербургскомъ Казанскомъ соборѣ" (изд. 4-е, 1891), говорится: „На другой день обрѣтенія иконы (въ Казани) въ соборѣ была отслужена литургія. Архіепископъ и воевода сняли *списокъ* съ явленной иконы и вмѣстѣ съ описаніемъ явленія и чудесъ ея послали его въ Москву, къ царю Ивану Васильевичу Грозному" (стр. 6)... „Изъ многихъ городовъ пошли ополченія на освобожденіе Москвы (1611); Казань также выслала свои дружины къ Москвѣ съ *казанской иконой* Божіей Матери" (стр. 8)... „Чудотворный образъ, пробывъ съ ополченіемъ у Москвы до зимы, обратно отпущенъ былъ съ казанскимъ протоіереемъ и принесенъ въ Ярославль. Въ то же время прибыли въ Ярославль дружины Пожарскаго и Минина, шедшія къ Москвѣ изъ Нижняго-Новгорода. Рать пожелала имѣть святую икону съ собою, а *въ Казань послали списокъ съ нея*. Въ Ярославлѣ дружина эта (?) соединилась съ нижегородскимъ ополченіемъ подъ начальствомъ Пожарскаго и Минина, и вмѣстѣ съ нимъ пошла къ Москвѣ, имѣя при себѣ явленную въ Казани чудотворную икону"... „22 октября 1612 года, съ надеждою на помощь Божію, съ казанской иконою Божіей Матери въ рядахъ войска, русскіе напали на поляковъ", и т. д. (стр. 9)... „Свою спутницу и помощницу въ походахъ и сраженіяхъ—св. казанскую икону Божіей Матери—

князь Пожарскій поставилъ въ Москвѣ, въ своей приходской церкви Введенія Богородицы на Лубянкѣ" (стр. 10)... „Князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій.... на собственныя средства воздвигъ въ Китай-городѣ, на углу Никольской улицы и Красной площади „Теремный казанскій соборъ" и въ этотъ соборъ перенесъ икону Богоматери на своихъ рукахъ въ 1633 году" (стр. 11)... „Когда Петръ I-й задумалъ открыть Россіи доступъ къ Балтійскому морю и вступить въ борьбу со шведами, онъ взялъ изъ Москвы казанскую икону Божіей Матери" (стр. 13) и т. д. разсказывается о томъ. гдѣ въ Петербургѣ была поставлена икона, какъ построенъ былъ Казанскій соборъ, и т. д. Неизвѣстный авторъ этой брошюры не разъ (стр. 4, 9, 11 и 13 и друг.) ссылается на изданную въ 1869 году книгу „Историко-статистическія свѣдѣнія о с.-петербургской епархіи". Вотъ что выписалъ я изъ этой книги, въ декабрѣ же 1891 года, въ Москвѣ, по экземпляру, принадлежащему библіотекѣ Румянцевскаго музея: „Подлинная же икона пребывала въ Казани до нашествія поляковъ на отечество въ 1612 году. Для изгнанія ихъ Казань, подобно другимъ городамъ русскимъ, выслала свои дружины къ Москвѣ съ образомъ казанской Богоматери. Ратники имѣли великую вѣру къ образу Пречистыя, потому что отъ него были знаменія благодатной помощи Прибывшія къ Москвѣ со св. иконою дружины, содѣйствіемъ небесной заступницы, 26 мая отняли у поляковъ Новодѣвичій монастырь и взяли въ плѣнъ двѣ роты ихъ и 500 нѣмцевъ. Чудотворный образъ пробылъ съ ополченіемъ у Москвы до зимы; обратно отпущенъ былъ съ казанскимъ протоіереемъ и принесенъ въ Ярославль. Въ то же время прибыли въ Ярославль дружины Пожарскаго и Минина, шедшія къ Москвѣ изъ Нижняго-Новгорода. Рать пожелала имѣть св. икону съ собою, а въ Казань послать списокъ съ нея". („Историческо-статистическія свѣдѣнія о с.-петербургской епархіи", томъ I, изд 1869 г., стр. 132). Далѣе говорится уже извѣстное о постановкѣ иконы Пожарскимъ въ церковь Введенія на Лубянкѣ, о построеніи Казанскаго собора въ Петербургѣ, о перенесеніи иконы въ Петербургъ, и т. д.—Въ разговорахъ моихъ съ духовенствомъ Казанскаго собора въ Петербургѣ ясно слышалась мною увѣренность, что находящаяся въ соборѣ икона—подлинная, обрѣтенная въ Казани въ 1579 г., несмотря на указанія мои на относительную свѣжесть красокъ (письма) иконы. Въ Казанскомъ-же соборѣ въ Москвѣ мнѣ сообщили (11 декабря 1891 г.) нѣчто иное, болѣе вѣроятное. хотя и въ формѣ преданія: «Захворалъ,—говорили мнѣ,—князь Дмитрій Михайловичъ. „Тяжко мнѣ, говоритъ, пошлите за иконой Царицы Небесной въ Казань, молебенъ хочу отслужить передъ ней". Послали въ Казань. Взяли *списокъ* съ иконы. Пожарскій выздоровѣлъ, и потомъ этотъ списокъ съ собой постоянно имѣлъ, а по очищеніи Москвы, поставилъ его въ введенскую церковь, а затѣмъ—въ Казанскій соборъ".—Московская икона небольшихъ размѣровъ (несравненно меньше петербургской)—7-ми вершковъ въ вышину; ликъ Богоматери темный, письмо очевидно гораздо старше петербургскаго. Въ Москвѣ полагаютъ, что подлинная икона осталась въ Казани, а списокъ съ нея начала XVII вѣка—въ Казанскомъ соборѣ въ Москвѣ; въ Петербургѣ-же находится дру-

гой списокъ, позднѣйшій, по всей вѣроятности, сдѣланный въ петровское время.

У С. М. Шпилевскаго, на стр. 25, читаемъ: „Ратники, отправившіеся изъ Казани подъ Москву, взяли съ собою *списокъ* чудотворной иконы казанской Богородицы, которая (рый?) среди всего русскаго войска скоро пріобрѣла (лъ?) особенное уваженіе, ея (его?) чудесной помощи приписывали и спасеніе Москвы отъ поляковъ; послѣ освобожденія Москвы выбранный всею землею царь Михаилъ построилъ (?) въ Москвѣ Казанскій соборъ въ честь этой иконы и установилъ 2 раза въ году праздновать въ Москвѣ память этой иконы: 8 іюля, день обрѣтенія казанской чудотворной иконы, списокъ съ которой такъ прославился и стоялъ въ московскомъ Казанскомъ соборѣ, и 22 октября день освобожденія Москвы. При Петрѣ Великомъ изъ Москвы чудотворная икона (списокъ?) была перенесена въ Петербургъ, въ которомъ также былъ построенъ во имя ея соборъ, въ которомъ она (списокъ?) и находится въ настоящее время". (Указатель, 1873, стр. 25).

У спеціальнаго біографа кн. Пожарскаго—С. К. Смирнова (покойнаго ректора московской духовной академіи, скончавшагося 16 февраля 1889 г.), въ его книгѣ «Біографія князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго» (Москва, 1852, стр. 132) говорится: „Кромѣ многочисленныхъ вкладовъ въ монастыри, памятникомъ его (Пожарскаго) благочестія служитъ московскій Казанскій соборъ, который онъ построилъ въ 1630—1637 годахъ, на собственное иждивеніе, и въ который онъ перенесъ изъ своей приходской церкви (т. е. введенской на Лубянкѣ) присланную ему изъ Казани икону Богоматери". Какая икона, подлинная или списокъ, была прислана кн. Пожарскому изъ Казани, изъ сочиненія г. Смирнова не видно.

Въ статьѣ П. И. Мельникова „Нѣсколько новыхъ свѣдѣній о смутномъ времени" („Москвитянинъ", ноябрь 1850), на стр. 6—8 есть указаніе на то, что патріархъ Гермогенъ, изъ заточенія благословляя нижегородцевъ на возстаніе, велѣлъ имъ взять въ полки свои *„принятую имъ на свои руки* икону казанской Богородицы во время ея явленія". Выраженіе *„принятую имъ на свои руки"* объясняется тѣмъ, что во время обрѣтенія иконы (1579) патріархъ Гермогенъ былъ въ Казани (еще въ званіи священника), что видно изъ оставленнаго имъ объ этомъ сказанія подъ заглавіемъ: „Мѣсяца Іюля въ 8 день. Повесть чюдеси пречистыя Богородицы: честнаго и славнаго Ея явленія образа иже въ Казани. Списано смиреннымъ Ермогеномъ митрополитомъ казанскимъ. Благослови отче" (рукопись эта находится въ Румянцевскомъ музеѣ, № 364, въ Москвѣ; есть списокъ и въ Императорской публичной библіотекѣ, въ хранилищѣ Погодина, № 791. № 944). Въ этой рукописи говорится: „Мнѣ же (т. е. Гермогену), тогда въ чину поповствѣ святого Николы (немедленно по обрѣтенію иконы была перенесена въ ближайшую церковь св. Николая) ижь зовется Гостинъ... азъ же... прикоснухся чудотворному образу и взяхъ з древца и идохъ съ иконою въ близь сущую ту церковь святого Николы, ижь зовется Тульскій" и т. д. По словамъ того же покойнаго П. И. Мельникова („Нижегор. Губ. Вѣдо-

мости“ 1847, № 26, стр. 402), икона въ 1612 г. сначала находилась въ рядахъ кн. Трубецкаго, а потомъ уже у кн. Пожарскаго, въ нижегородскомъ ополченіи.

Въ сочиненіи „Мѣсяцесловъ святыхъ“. изданномъ безъ имени автора въ 1882 г., въ Воронежѣ (авторъ этого труда – нынѣшній подольскій преосвященный Димитрій), на стр. 226 и 227, выпуска IV-го, сообщаются подобныя вышеприведеннымъ свѣдѣнія, и между прочимъ говорится, что „въ томъ же году (т. е. 1579) снята была копія съ чудотворной иконы и отправлена въ Москву, къ царю. Въ 1595 году царь Θеодоръ Іоанновичъ на мѣстѣ явленія иконы повелѣлъ построить женскій монастырь въ честь Божіей Матери и тогда-же установлено праздновать явленіе иконы Богоматери 8 іюля“, и далѣе: «по желанію Іоанна Васильевича Грознаго, *списокъ* съ нея, съ обстоятельнымъ описаніемъ явленія ея и чудесъ, доставленъ въ Москву. *Подлинная* же икона пребывала въ Москвѣ до 1612 года. Для изгнанія враговъ изъ Москвы Казань, подобно другимъ городамъ русскимъ, выслала свои дружины, въ 1612 г., къ Москвѣ съ образомъ казанской Божіей Матери. Съ этого времени эта святая икона стала священною для всѣхъ русскихъ. Какъ священный памятникъ и свидѣтель изгнанія поляковъ изъ Москвы и восшествія дома Романовыхъ на царскій престолъ, ихъ семейный чудотворный образъ Казанской Богоматери въ 1710 г., по повелѣнію императора Петра I-го, перенесенъ изъ Москвы въ С.-Петербургъ въ освященіе новой русской столицы“, и т. д. Ссылается авторъ, какъ на источникъ, на «Четь-Минеи и прологъ 8 іюля Дебольскаго, Дни Богослуженія“, (ч. 1, стр. 150).

Въ „Опытѣ Казанской исторіи древнихъ и среднихъ временъ“ Рычкова (Казань, 1767, стр. 178) говорится: „Сей монастырь (дѣвичій богородицкій) для имѣющагося тутъ чудотворнаго образа Богородицы (подлиннаго?), называемый казанскимъ, между знаменитѣйшими считается“.

Въ „Календарѣ Волжскаго Вѣстника“ на 1888 годъ (Казань, 1888, стр. 61): «Казанской Божіей Матери чудотворная и явленная икона, находящаяся въ казанскомъ богородицкомъ женскомъ монастырѣ. въ соборномъ храмѣ ея имени. Явилась 8 іюля 1579 года на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, черезъ нѣсколько лѣтъ, въ царствованіе Θеодора Іоанновича возникъ въ ея честь самый монастырь. Одна изъ главнѣйшихъ русскихъ святынь. Празднуется 8 іюля.

Въ спеціальномъ объемистомъ трудѣ г-жи Софьи Снессоровой („Земная жизнь Пресвятой Богородицы и описаніе святыхъ чудотворныхъ ея иконъ, чтимыхъ Православною Церковью на основаніи священнаго писанія и церковныхъ преданій“, Спб., 1892) говорится о казанской иконѣ на стр. 307—311 и 466—468; но ничего новаго мы и въ этой книгѣ не находимъ, какъ относительно исторіи иконы, такъ и по вопросу о томъ, гдѣ находится подлинникъ ея; послѣдній вопросъ г-жей Снессоровой, какъ и большинствомъ предшествовавшихъ ей авторовъ, даже не затронутъ.

Не приводя дальнѣйшихъ выписокъ, что было-бы крайне утомительно, такъ какъ о казанской иконѣ Богородицы писано слишкомъ много (и безъ того я, кажется, нѣсколько злоупотребилъ обиліемъ выписокъ), полагаю, что изъ вышеприведеннаго можно вывести слѣдующія заключенія: во-1) что нѣкоторые авторы точно будто намѣренно обходятъ вопросъ о теперешнемъ мѣстонахожденіи иконы, замалчиваютъ его, считая, быть можетъ, предметъ нѣсколько деликатнымъ; другіе очевидно не замѣчаютъ того недоумѣнія, которое невольно рождается при мысли о томъ, гдѣ-же подлинникъ иконы 1579 года; во-2) что подлинная икона, обрѣтенная 10-лѣтней Матреной Онучиной въ 1579 году, находится въ Казани, въ дѣвичьемъ Богородицкомъ монастырѣ и въ-3) что въ Москвѣ были два списка съ иконы: сдѣланный по повелѣнію царя Ивана Васильевича Грознаго и другой въ смутное время, такъ какъ едва-ли можно предположить, что Казань такъ легко уступил‹ подлинникъ своей святыни. По всей вѣроятности, первый древнѣйшій списокъ находится въ московскомъ Казанскомъ соборѣ, а второй, позднѣйшій—въ петербургскомъ.

Во всякомъ случаѣ несомнѣннаго свидѣтельства мы и тутъ не имѣемъ, какъ не имѣемъ его по отношенію къ цѣлому ряду фактовъ и событій нашего прошлаго, и должны поневолѣ довольствоваться догадками и предположеніями чисто субъективнаго свойства.

На другой день, 12 октября, очутившись, въ первый разъ во время своей поѣздки, въ комфортабельной, удобной для работы обстановкѣ (на волѣ было морозно, но ясно, въ моемъ номерѣ монастырской гостиницы—сухо, тепло, уютно), проведя часть утра за чаемъ у о. Антонія, я получилъ отъ завѣдывающаго монастырской библіотекой о. Іоанникія нѣсколько интересовавшихъ меня рукописей и книгъ и сдѣлалъ изъ нихъ необходимыя мнѣ выписки.

Флорищевская библіотека, благодаря заботамъ о ней о.о. Антонія и Іоанникія, какъ я въ этомъ успѣлъ убѣдиться потомъ, находится, или вѣрнѣе сказать, поддерживается въ образцовомъ порядкѣ. Порядокъ этотъ строго теперь поддерживается, а установленъ онъ еще покойнымъ А. Е. Викторовымъ, который здѣсь когда-то жилъ около мѣсяца, описалъ библіотеку и затѣмъ издалъ, при помощи Румянцевскаго музея Немало потрудился въ этомъ направленіи и почтенный владимірскій изслѣдователь, современникъ патріарха владимірскихъ работниковъ К. Н Тихонравова († 1879) покойный Н. А. Артлебенъ, составившій „Каталогъ старинныхъ рукописей, печатныхъ книгъ, грамотъ и актовъ, хранящихся въ библіотекѣ Флорищевой пустыни, состоящей въ гороховецкомъ уѣздѣ владимірской губерніи“, и напечатавшій его во «Владим. Губ. Вѣдомостяхъ» за 1880 г (№№ 47, 48, 49, 51 и 52) и 1881 годъ (№№ 2, 4, 5, 6 и 7), а также и. отдѣльными оттисками.

Я не буду излагать здѣсь исторіи пустыни, которой посвящено нѣсколько брошюръ. Ограничусь указаніемъ на одну изъ лучшихъ—„Жизнь

Илларіона, митрополита суздальскаго и основателя Флорищевой пустыни", изданную духовникомъ Спасо-Преображенскаго монастыря въ Гуслицахъ, іеромонахомъ Іеронимомъ, бывшимъ строителемъ Николаевскаго гороховецкаго монастыря, М, 1859 г., и на то, что вообще въ библіотекѣ пустыни находится много очень цѣнныхъ рукописей и книгъ. Такъ, между прочимъ, въ ней находится извѣстный „Временникъ" нижегородскаго дьяка Ивана Тимофеева, обстоятельно разобранный профессоромъ С. Ф. Платоновымъ въ его замѣчательномъ трудѣ („Древне-русскія сказанія и повѣсти о смутномъ времени XVII в."), а затѣмъ имъ же напечатанномъ въ томѣ XIII-мъ издаваемой археологической комиссіей „Исторической Библіотекѣ". Благодаря любезности о. Антонія, подлинная рукопись Ивана Тимофеева была нѣсколько времени уступлена имъ, для обозрѣнія, нижегородской губернской ученой архивной комиссіи. Въ настоящее время рукопись эта находится въ книгохранилищѣ братства святого благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго во Владимірѣ, куда вытребованы и нѣкоторыя другія флорищевскія рукописи. Особенно много матеріаловъ флорищевская библіотека имѣетъ объ основателѣ своемъ, митрополитѣ Илларіонѣ, нижегородскомъ уроженцѣ (родился въ с. Кириковѣ на р. Сундовикѣ нынѣшняго макарьевскаго уѣзда нижегородской губерніи, верстахъ въ 5-ти отъ села Лыскова); подробное „Житіе" его издано, кажется, по соловецкому списку, одному изъ самыхъ лучшихъ, въ Казани, въ 1868 году, редакціей „Православнаго Собесѣдника". Не стану, впрочемъ, повторять здѣсь того, что сообщено мною по этому предмету въ рефератѣ моемъ по поводу поѣздокъ моихъ въ с. Кириково и Флорищевскую пустынь, въ засѣданіи нижегородской архивной комиссіи 22 октября 1891 года, напечатанномъ въ выпускѣ II-мъ „Дѣйствій" комиссіи. Ограничусь сообщеніемъ, что списанный мною 12 октября перечень хранящихся въ библіотекѣ флорищевской пустыни рукописей, имѣющихъ отношеніе къ нижегородскому краю (а такихъ тамъ достаточно, въ нихъ отыскался между прочимъ упоминаемый и въ „Нижегородскомъ Лѣтописцѣ" нижегородскій гость Семенъ Задоринъ, строитель въ Нижнемъ церквей—каменной „Николая Чудотворца, что у гостина двора, у таможни", и друг.), переданъ мною комиссіи и будетъ ею современемъ напечатанъ въ издаваемыхъ ею „Дѣйствіяхъ". На нѣкоторыхъ рукописныхъ книгахъ библіотеки сохранились собственноручныя надписи, по мѣстамъ, митрополита Илларіона; содержаніе одной изъ нихъ слѣдующее: „7202 (1704) года Марта въ 22 день приложилъ преосвященный іларіонъ Митрополитъ Суждальскій і юрьевскій приложилъ сію книгу псалтірь толковую десять каѳисмъ переплетено надвое а другая десять каѳисмъ водномъ переплете Гороховскаго уѣзду вмонастырь Успенія Пресвятыя Богородицы Флорищевыхъ горъ; кто ея оттоя обители; отцеркви восхититъ: судить ево Господь Богъ во второе его пришествіе на страшномъ; праведномъ своемъ судѣ". Несмотря на такое предостереженіе, нѣкоторыя рукописи, съ подобными же подписями Илларіона, взяты во Владиміръ, вѣроятно на основаніи извѣстнаго компромисса „восхитить" рукопись не на вѣки, а лишь временно....

Не имѣя, однако, достаточно времени закончить всѣ свои выписки изъ флорищевскихъ матеріаловъ, такъ какъ я располагалъ еще засвѣтло выѣхать изъ Флорищъ, я пошелъ въ началѣ 2-го часа на зовъ о. Антонія, раздѣлить съ нимъ его монашескую трапезу и получилъ отъ него разрѣшеніе захватить нѣкоторые матеріалы съ собою до Знаменскаго подворья, гдѣ вечеромъ того-же дня и утромъ слѣдующаго я расчитывалъ кончить свою работу, оставить на подворьѣ всѣ матеріалы, для возвращенія ихъ во Флорищи.

До трапезы, однако, о. Антоній показалъ мнѣ все свое монастырское строительство, послѣ обозрѣнія монастырскихъ церквей (внутренность громаднаго Успенскаго собора поражаетъ легкостью своей архитектуры и массой свѣта въ ней): обширныя, помѣщающіяся подъ всей троицкой церковью, трапезныя для братіи и богомольцевъ, украшенныя портретами Илларіона и царя Феодора Алексѣевича (пустынь никому не отказываетъ въ пропитаніи, иногда въ праздники скопляется въ ней по нѣскольку сотъ человѣкъ, которыхъ всѣхъ нужно напоить-накормить, что обходится монастырю каждый разъ рублей по 500), кухни, пекарни, квасныя, скотный дворъ (съ теплыми отопляемыми помѣщеніями, гдѣ доятъ коровъ), конюшенный дворъ, мастерскія, водопроводъ, устроенный о. Антоніемъ лѣтъ 8 тому назадъ (строилъ водопроводъ инженеръ покойный М. П. Бѣнкевичъ) на берегу р. Луха, подъ горой, на которой стоитъ пустынь (отъ этой горы она и называется въ старинныхъ рукописяхъ монастыремъ Флорищевыхъ горъ). Дѣйствительно, недаромъ идетъ далекій слухъ объ образцовомъ хозяйствѣ неутомимаго о. Антонія, у котораго все въ порядкѣ не только тамъ, гдѣ ежедневно наблюдаетъ за этимъ его собственный глазъ, но даже и тамъ, гдѣ онъ бываетъ по нѣскольку разъ въ году, наѣздомъ, напр., на Пильнѣ на Пьянѣ, впадающей въ Суру, недалеко отъ устья ея (такъ называемый Пиловаленскій заводъ, черезъ который мнѣ довольно часто доводилось проѣзжать въ семидесятыхъ годахъ, когда я еще и не зналъ о. Антонія), гдѣ находится водяная мельница, принадлежащая пустыни.

Оставивъ меня съ отцомъ Іоанникіемъ, о. Антоній пошелъ въ свои кельи распорядиться по трапезной части, а мнѣ, тѣмъ временемъ, показалъ о. Іоанникій каменный корпусъ, въ которомъ жилъ князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, *) здѣсь въ 1714 г. скончавшійся и здѣсь-же неподалеку отъ Успенскаго собора погребенный (надъ могилой его возведенъ каменный склепъ), а затѣмъ повелъ меня въ свое любимое хранилище-библіотеку. Помѣщеніе библіотеки (въ соборной колокольнѣ) прекрасное: достаточно обширное, свѣтлое, уютное, располагающее къ работѣ, безопасное отъ пожара, но серьезный недостатокъ его—отсутствіе печей, такъ что въ холодное время года конечно заниматься невозможно. Но что всего болѣе бросается въ глаза во Флорищевой библіотекѣ, это образцовое ея устройство: всякая

*) О кн. Б. А. Голицынѣ см. въ „Словарѣ достопамятныхъ людей русской земли", Москва, 1836, ч. II, стр. 50 - 53, Вантышъ-Каменскаго, а также въ книгѣ казанскаго профессора Д. А. Корсакова—„Изъ жизни русскихъ дѣятелей XVIII вѣка (Казань, 1891 г.).

книга, всякая рукопись черезъ 2—3 минуты въ рукахъ о. Іоанникія, такъ какъ этого времени ему совершенно достаточно для справокъ по каталогамъ, раздѣленіямъ на отдѣлы и отысканія книги или рукописи. Не многіе, конечно, монастыри могутъ похвастаться и такими цѣнными библіотеками и такими достойными всякаго подражанія порядками, какіе можно встрѣтить во Флорищахъ. Изъ оконъ библіотеки и вообще съ колокольни чудный видъ на окружающее пустынь море лѣса, съ сверкающими тамъ и сямъ озерами, извилинами р. Луха; 12 октября день былъ пасмурный, но въ ясные дни, когда воздухъ чистъ и прозраченъ, съ колокольни, по словамъ о. Іоанникія, явственно видны Вязники.

Послѣ легкой, но превкусной трапезы у о. Антонія съ Іоанникіемъ и мирныхъ успокоительно дѣйствующихъ на нервы разговоровъ, о. Антоній усадилъ меня въ свой легонькій рессорный тарантасикъ, запряженный парой сильныхъ гнѣдыхъ монастырскихъ лошадей, колокольчикъ забрякалъ, и, напутствуемый всякими благопожеланіями о. о. Антонія и Іоанникія, съ самыми лучшими впечатлѣніями о своемъ пребываніи во Флорищахъ, тронулся я въ путь—къ Гороховцу, или вѣрнѣе, къ расположенному на этомъ (лѣвомъ) берегу Клязьмы, принадлежащему Флорищевской пустыни, Знаменскому подворью, гдѣ мнѣ предстоялъ ночлегъ подъ крылышкомъ управляющаго подворьемъ, древняго старца о. Димитрія.

Переѣздъ отъ Флорищъ до Знаменскаго подворья сдѣланъ былъ мною, при помощи ровной, крупной рыси монастырскихъ коней, довольно быстро; дорога къ тому-же шла все лѣсомъ, песками, утомительными лѣтомъ, но слежавшимися и почти съ гладкой поверхностью отъ мороза за послѣдніе дни; на разстояніи около 10 верстъ лѣсъ имѣлъ, однако, самый унылый видъ, особенно слѣва по дорогѣ, къ Нижнему, вслѣдствіе громаднаго лѣтняго пожара, истребившаго въ іюнѣ или іюлѣ того года сотни десятинъ вѣкового лѣса въ гороховецкомъ и балахонскомъ уѣздахъ.... Если-бы не этотъ унылый видъ лѣсного пожарища, послѣдній мой переѣздъ къ Гороховцу былъ-бы очень пріятенъ. Не то, говорятъ, бываетъ лѣтомъ, когда здѣсь житья нѣтъ отъ комаровъ и слѣпней; послѣдніе чуть не съ воробья величиной; житья нѣтъ отъ нихъ ни людямъ, ни животнымъ, такъ что днемъ въ пустыни всѣ животныя—въ стойлахъ, люди по кельямъ и избамъ, и только ночью бываетъ сносно, и животныя выпускаются на пастьбу; даже пахота монастырская производится по ночамъ.

Къ Знаменскому подворью подъѣзжалъ я въ глубокія сумерки. Не доѣзжая до него съ 1/4 версты, лѣсъ началъ рѣдѣть, сквозь него стали мелькать какіе-то огоньки, наконецъ лѣсъ разомъ оборвался, и я увидалъ передъ собою настоящій игрушечный Нижній: передо мною мерцала миніатюрная Волга—Клязьма, а за ней на миніатюрной горѣ, съ бѣлѣющими церквами, съ огоньками въ домахъ красовался совсѣмъ точно Нижній—Гороховецъ; на этомъ берегу слѣва отъ дороги пріютилось Знаменское подворье, красивымъ видомъ котораго я такъ любовался на возвратномъ пути

изъ Холуя въ іюлѣ, съ пароходной палубы „Дѣятеля", стоявшаго у гороховецкой пристани. У воротъ подворья, крѣпко за позднимъ временемъ запертыми, остановились добрые монастырскіе кони.

Восьмидесяти-двухлѣтній старецъ о. Димитрій радушно, съ распростертыми объятіями встрѣтилъ меня, если-бы даже монастырскій рабочій—кучеръ не шепнулъ ему нѣкотораго рода рекомендаціи по моему адресу, и, не прочитавши еще письма о Антонія, переданнаго ему кучеромъ, повелъ меня въ комнату рядомъ со своей, которая всегда занимается о. Антоніемъ въ наѣзды его на подворье. Обѣ комнаты выходятъ въ свѣтлый корридоръ, а послѣдній въ обширныя сѣни, на противуположной сторонѣ которыхъ находится кухня, кладовая и т. п. хозяйственныя помѣщенія. Нечего и прибавлять, что вездѣ чистота, уютность и, такъ сказать, фундаментальность, основательность постройки (жилое помѣщеніе подворья строилось о. Антоніемъ).

Моментально поспѣлъ мнѣ самоваръ, и я расположился совсѣмъ какъ дома, обложившись матеріалами флорищевской библіотеки, изъ которыхъ и покончилъ всѣ необходимыя выписки въ теченіе вечера 12 и слѣдующаго утра 13 октября, оставивъ всѣ матеріалы о. Димитрію для пересылки ихъ во Флорищи.

Отказавшись отъ чаю, такъ какъ онъ только что передо мною вволю его напился, о Димитрій почасту заходилъ ко мнѣ, присаживаясь къ столу, за которымъ я работалъ, добродушно, съ постоянной улыбкой отвѣчалъ на мои вопросы, самъ начиналъ свои разсказы, затѣмъ вдругъ вставалъ, и со словами: „Пойти, посмотрѣть, заданъ-ли кормъ коровамъ"—уходилъ отъ меня. Видимо, онъ весь въ принципала, такой-же хлопотунъ, несмотря на свой почтенный возрастъ.

Отецъ-іеромонахъ Димитрій родомъ изъ страны Зворыкиныхъ, т. е. изъ города Мурома; *) молодость свою провелъ онъ въ Нижнемъ, служа у нижегородскаго купца Цыбышева въ приказчикахъ на перевозѣ черезъ Оку; потомъ пошелъ онъ на николаевскую желѣзную дорогу, гдѣ былъ также приказчикомъ при постройкѣ моста черезъ Валдай. Повинуясь однако зародившемуся у него еще въ юности влеченію къ монастырской жизни, онъ поступилъ послушникомъ въ ростовскій Яковлевскій монастырь, откуда перешелъ въ Борковскую пустынь, и наконецъ прочно основался во Флорищахъ, гдѣ постриженъ въ монашество относительно недавно о. архимандритомъ Антоніемъ и въ настоящее время поставленъ управлять Знаменскимъ подворьемъ. Во Флорищахъ о. Димитрій уже 23 года. Наружность его очень внушительна и симпатична. Смолоду онъ, видно, просто красавцемъ былъ, такъ хороши черты его лица, глаза и особенно умная и добродушная

*) Въ Муромѣ до 15 родовъ Зворыкиныхъ, при чемъ случаются иногда большіе курьезы для публики и затрудненія для носителей этой фамиліи. Такъ, однажды на имя двоихъ Зворыкиныхъ съ однимъ и тѣмъ-же именемъ и отчествомъ полученъ былъ на почтѣ денежный пакетъ на крупную сумму: стоило большого труда разобрать, которому-же именно адресованъ пакетъ.

улыбка; росту онъ крупнаго, тѣлосложенія крѣпкаго, плечистъ, въ мѣру дороденъ; на головѣ густые, нѣсколько вьющіеся сѣдые волосы, сѣдая борода, но умѣреннаго красиваго оклада. Когда-то онъ владѣлъ хорошимъ голосомъ.

— Съ лучшими дьяконами ровняться не подъ силу было, добродушно разсказывалъ онъ мнѣ,—ну, а среднихъ-то бывало загонивалъ.

Знаменское подворье, состоящее теперь всего изъ одной крошечной старинной церковки въ видѣ часовни, взъѣзжаго дома, да немногочисленныхъ хозяйственныхъ построекъ, прежде было монастыремъ и называлось Знаменскимъ монастыремъ на Красной Гривѣ. Въ архимандричьихъ покояхъ подворья печь сложена изъ остатковъ отъ печи разломаннаго въ первой четверти нынѣшняго столѣтія деревяннаго дворца царя Феодора Алексѣевича во Флорищахъ.

На другой день, 13 октября, пошелъ я пѣшкомъ, по пѣшеходной тропкѣ, въ Гороховецъ. Перекинутый пловучій мостъ черезъ Клязьму, гостепріимно раскрывавшій передъ нами въ іюлѣ свои „ворота“, былъ совсѣмъ мокрый отъ наступившаго мокраго тепла съ моросившимъ съ половины ночи дождемъ; Клязьма была пустынна и свинцово-сѣра; только городокъ съ его многочисленными церквами и значительнымъ числомъ каменныхъ частныхъ построекъ, расположенныхъ по пригоркамъ, весело и бойко смотрѣлъ, несмотря на хмурившуюся погоду.

Осмотрѣлъ я старинный каменный домъ, несомнѣнно начала XVII вѣка, принадлежащій теперь Прасковьѣ Савельевнѣ Сапожниковой-Селиной (хороши очень въ немъ изразцовыя печи, а также деревянныя дубовыя ворота); поскорбѣлъ о „реставраціи“... подъ почтовую контору тоже каменнаго дома г. Кобякова, построеннаго еще раньше дома г-жи Сапожниковой—въ эпоху Грознаго (въ „Нивѣ“, говорили мнѣ, напечатаны рисунки съ этого дома до его „реставраціи“, происшедшей въ 1891 году; теперь сохранились лишь 5 оконныхъ колонокъ да крыльцо, выходящее на дворъ), и направился съ горя искать тѣлеснаго подкрѣпленія своихъ нарушенныхъ такою скорбью душевныхъ силъ. Это оказалось не такъ легко, какъ я думалъ. Разысканный мною въ Никольскомъ переулочкѣ трактиръ г. Гладышева не функціонировалъ, потому что день былъ не базарный, и я былъ несказанно счастливъ, что обрѣлъ въ немъ кусокъ холодной телятины съ соленымъ огурцомъ.

Я было полагалъ сѣсть на вечерній московскій поѣздъ, но случайно встрѣтившись на улицѣ съ давнишнимъ знакомцемъ, переселившимся лишь недавно изъ Нижняго въ свое имѣніе подъ Гороховцемъ, Н. П. Краснощековымъ, узналъ отъ него, что въ Нижній идетъ еще въ 7 часовъ вечера ковровскій поѣздъ, поспѣшилъ на земскую станцію, заѣхалъ на поданныхъ мнѣ лошадяхъ за своимъ багажемъ въ Знаменское подворье, распростился съ почтеннымъ о. Димитріемъ, и „былъ таковъ“. Едва поспѣвши къ отходу поѣзда съ гороховецкой желѣзно-дорожной станціи (отъ Гороховца до нея 11 верстъ), я черезъ 3 часа былъ въ Нижнемъ.

Отъ Н. П. Краснощекова узналъ я что въ поселеніи крѣпко держится преданіе, что во времена незапамятныя Гороховецъ былъ обширнымъ городомъ, растянувшимся вдоль по берегу Клязьмы на цѣлыхъ 7 верстъ*)...

Жаль мнѣ было сознавать, что поѣздка моя пришла къ концу; жаль мнѣ и теперь ставить послѣднюю къ описанію ея точку, такъ какъ, описывая ее, я снова переживалъ всѣ впечатлѣнія ея, вспоминалъ видѣнную мною природу и людей, а люди эти мнѣ въ сотый разъ доказывали, что согласныхъ съ нами убѣжденій всякаго рода людей встрѣчать не часто удается, да если-бы это слишкомъ часто удавалось, было-бы совсѣмъ скучно и тошно жить на бѣломъ свѣтѣ; но „хорошихъ“ людей много, очень много, несравненно больше, чѣмъ это обыкновенно принято думать...

Въ заключеніе изложу здѣсь свое мнѣніе по одному вопросу, касающемуся эпохи смутнаго времени по отношенію къ движенію нижегородскаго ополченія.

Вопросъ этотъ не крупнаго значенія, онъ не имѣетъ не только первостепеннаго, но и послѣдовательнаго за нимъ значенія, но онъ важенъ съ мѣстно-исторической точки зрѣнія, отводящей подобающее мѣсто въ исторіи и вопросамъ мелкимъ, не играющимъ рѣшающей роли въ историческихъ событіяхъ... Да ито, впрочемъ, нужно сказать, что крупные-то вопросы эпохи смутнаго времени частію или разрѣшены и исчерпаны, а частію не разрѣшены, и потому не могутъ быть вовсе исчерпаны; мелкіе же, которыми историки вовсе не интересовались, находя ихъ незаслуживающими вниманія исторической науки, большею частью не затронуты и неизвѣстны не только большой, но и малой публикѣ**).. На эту тему я, впрочемъ, писалъ уже достаточно; теперь она (конечно, и помимо меня) ужъ прочно вошла въ сознаніе людей науки, и потому ограничиваюсь сказаннымъ.

---

*) Къ слову о преданіяхъ. Въ статьѣ г. Макарова „Мои вѣсти о Козьмѣ Мининѣ“ (нужно сознаться безтолковой и вообще вздорной), напечатанной въ № 16 „Телеграфа“ за 1833 г., между прочимъ разсказывается, со словъ мѣстныхъ жителей, что Мининъ изъ своего центральнаго села Богородскаго, пожалованнаго ему въ 1615 г., гдѣ у него былъ главный складъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ его обширной вотчины, направляемыхъ имъ въ Москву черезъ Владиміръ, отправлялъ часть этихъ продуктовъ и на *гороховецкую* пристань. (Жалованная грамота Минина на с. Богородское съ деревнями въ нѣсколькихъ редакціяхъ напечатана въ „Дѣйствіяхъ Ниж. губ уч. архивн. ком.“, выпускъ 9 и 11, на стр. 393 и 523),

**) Насколько еще смутны наши историческія познанія, или вообще, насколько небрежно мы относимся къ нашему прошлому, видно изъ слѣдующаго примѣра: въ одной изъ залъ Румянцевскаго музея въ Москвѣ, на самомъ видномъ мѣстѣ выставлена картина художника Пескова съ подписью: „Возваніе къ *новогородцамъ* гражданина Минина въ 1612 году“. Въ 2—3 словахъ двѣ крупныхъ несообразности: смѣшеніе Новгорода съ Нижнимъ-Новгородомъ и дѣятельности Минина въ Москвѣ въ 1612 г. съ дѣятельностью его въ Нижнемъ въ 1611-омъ, и это въ такомъ почтенномъ учрежденіи, какъ Румянцевскій музей... Недавно мнѣ случилось видѣть литографированный снимокъ съ картины художника Думитрашко, въ которой, конечно, по обыкновенію собственная фантазія художника затираетъ избранную имъ историческую тему, съ подписью: „Избраніе на царство Михаила Феодоровича Романова (21 февраля 1613 г.)“ На картинѣ изображенъ юный Михаилъ, котораго цѣлый сонмъ представителей земли русской избираетъ, или упрашиваетъ принять избраніе на царство: а извѣстно, что на соборѣ 21 февраля Михаила Феодоровича не было, что посольство къ нему выѣхало изъ Москвы только 2 марта, прибыло въ Кострому 13-го и къ Михаилу Феодоровичу, въ Ипатьевскій монастырь, направились съ крестнымъ ходомъ 14 марта... Если художникамъ, „штудирующимъ“ свои темы, такъ хорошо онѣ извѣстны, что-же сказать о большой публикѣ?...

Направленіе движенія нижегородскаго ополченія, передовыя части котораго выступили изъ Нижняго 8 февраля 1612 года, точно и опредѣленно извѣстно изъ нашихъ историческихъ первоисточниковъ: „Лѣтопись о многихъ мятежахъ" подробно описываетъ походъ Минина и Пожарскаго, указывая на мѣста стоянки, на событія при этотъ происходившія *); такимъ образомъ мы знаемъ, что ополченіе шло изъ Нижняго къ Ярославлю, придерживаясь направленію теченія Волги, на Балахну, Юрьевецъ, Рѣшму, Кинешму, Плесъ и Кострому. Тотъ-же путь показанъ въ близкомъ къ названной „Лѣтописи о многихъ мятежахъ", такъ называемомъ „Новомъ Лѣтописцѣ" **).

Рядомъ однако съ такимъ чисто-историческаго свойства показаніемъ мы имѣемъ, въ преданіяхъ, показанія и на другія мѣста по отношенію къ направленію пути нижегородскаго ополченія. Существуютъ преданія очевидно вздорнаго происхожденія. Чтобы не ходить далеко, сошлюсь на преданіе о томъ, какъ князь Пожарскій „спасался" въ чуланчикѣ церковной колокольни въ селѣ Нижнемъ Ландехѣ. Но есть и такія преданія, съ которыми нужно считаться, если, во-1), они слишкомъ настойчиво сохраняются памятью народной, во-2), не противорѣчатъ исторически извѣстнымъ несомнѣннымъ фактамъ и, слѣдовательно, въ-3), дополняютъ, а не искажаютъ писанную исторію. Къ числу такихъ преданій отношу я преданіе о томъ, что нижегородское ополченіе въ пути своемъ задѣло и такія относительно отдаленныя отъ береговой волжской линіи, какъ Борковская пустынь, самое основаніе которой связывается съ мѣстонахожденіемъ стана князя Пожарскаго.

Если и теперь встрѣчаются громадныя затрудненія при передвиженіи по одному пути большихъ массъ войска, то не мелкія, а еще большія затрудненія должны были существовать въ началѣ XVII вѣка. Вотъ можно, мнѣ кажется, положительно допустить, что за борковскимъ преданіемъ естъ извѣстная достовѣрность, такъ какъ нижегородское ополченіе могло и, по всей вѣроятности, даже должно было идти отрядами, по возможности разными путями, чтобы облегчить себѣ условія своего продовольствія и тяжесть похода для жителей. По отношенію ко времени мы знаемъ достовѣрно, что ополченіе шло волжскимъ берегомъ не разомъ, всей своей массой, потому что имѣемъ историческое извѣстіе о выступленіи изъ Нижняго 8-го февраля *передовой* рати; остается предположить, что есть вѣроятность въ преданіяхъ о раздѣленіяхъ ополченія на отряды и по отношенію къ мѣстностямъ, по которымъ шло ополченіе. Очень можетъ быть, что главная его масса шла по волжской магистрали во главѣ съ Мининымъ и Пожарскимъ, а части, отряды шли боковыми путями, напр., изъ Нижняго прямо на Бурцево, Юрино, Пурехъ (или на Пурехъ отъ Гумнищъ), Пистяки

*) „Лѣтопись о многихъ мятежахъ", 2-е петербургское изданіе 1771 года, стр. 252—255.
**) „Новый Лѣтописецъ", по списку князя Оболенскаго, Москва, 1853 года, стр. 147.

Нижній Ландехъ, Мугрѣево, Борки, Палехъ, Васильевское, г. Шую и далѣе прямо въ Ярославль. Разницы въ разстояніяхъ при этомъ почти не было, а условія похода получались лучшія; между тѣмъ дорога эта была тоже торная вплоть до нашихъ дней, а извѣстно, что наши пути проселочные и большіе торговые, слѣдовательно, и стратегическіе именно до нашихъ дней, т. е. сначала до устройства шоссейныхъ, а потомъ желѣзныхъ дорогъ, держались вѣками, не мѣняя своего направленія.

Лѣтъ 10 тому назадъ, до учрежденія въ Нижнемъ-Новгородѣ губернской архивной комиссіи, (1887) когда разборъ архивныхъ дѣлъ мѣстныхъ губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій лежалъ на обязанности статистическаго комитета, я ознакомился съ однимъ дѣломъ, тогда-же меня заинтересовавшимъ, не предполагая вовсе, что оно мнѣ пригодится впослѣдствіи. Дѣло это въ настоящее время хранится, въ числѣ прочихъ, въ историческомъ архивѣ нижегородской архивной комиссіи и носитъ названіе: „Дѣло по отношенію нижегородской губернской строительной и дорожной комиссіи о проселочной дорогѣ отъ г. Шуи черезъ Балахну до Нижняго-Новгорода“, № 2934, началось 25 мая 1850, кончилось 15 января 1851 года. Возникло оно по иниціативѣ стоявшаго тогда во главѣ почтоваго вѣдомства главноначальствующимъ надъ почтовымъ департаментомъ еще въ декабрѣ 1849 г., съ цѣлью сократить разстояніе шуйско-нижегородскаго почтоваго тракта (333½ версты на Суздаль, Владиміръ и Вязники), замѣнивъ его обращеніемъ проселка отъ Шуи къ Нижнему (189 верстъ на Мытъ, Пистяки и Пурехъ). Изъ переписки по этому поводу выяснилось, что послѣдній трактъ вовсе не проселокъ, а самый оживленный, испоконъ вѣка существующій, по которому, кромѣ обознаго движенія, постоянно ѣздятъ купцы, приказчики и вообще весь коммерческій людъ изъ Ярославля на ярмарки и въ низовыя губерніи, для закупки хлѣба. Дорога эта шла изъ гор. Шуи на селенія Васильевское, Мытъ, Пистяки, Пурехъ, Гумнище и Балахну и упиралась о Нижній-Новгородъ *).

Такимъ образомъ, повторяю, кромѣ главнаго направленія нижегородскаго ополченія берегомъ Волги на Балахну, Юрьевецъ, Рѣшму, Кинешму, Плесъ и Кострому, указываемаго писанными историческими свидѣтельствами, очень вѣроятно и направленіе дополнительное, лѣтописями незаписанное: по „балахонкѣ“—на Балахну, Гумнищи, Пурехъ (съ развѣтвленіемъ: Нижній—Буряевъ, Юрино—Пурехъ), Пистяки (съ развѣтвленіемъ: Пистяки—Нижній Ландехъ - Мугрѣево—Борки—Шуя), Мытъ, Васильевское, Шуя, Ярославль (на Писцовъ и Ростовъ или прямо на Писцовъ и Нерехму). Этимъ можно себѣ объяснить настойчивыя преданія о станѣ Пожарскаго на мѣстѣ нынѣшней Борковской пустыни, основаніе которой несомнѣнно

---

*) Поименовываются въ дѣлѣ еще два селенія—Бурлей и Букарка въ раіонахъ Мыта и Васильевскаго; но ни на картахъ, ни въ изданныхъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ «Спискахъ населенныхъ мѣстъ» я ихъ не нашелъ.

тѣсно связано съ именемъ Пожарскаго *). Еще нѣсколько словъ, вѣрнѣе, цифровыхъ соображеній о 120 поприщахъ въ вопросѣ о мѣстопребываніи князя Дм. Мих. Пожарскаго осенью 1611 года въ моментъ посѣщенія его нижегородскимъ посольствомъ.

Отъ Холуя (или Борковской пустыни) до Нижняго—135 верстъ, отъ Мыта—130 верстъ, отъ Пуреха—72 вер. (на Балахну) и 60 вер. (зимникомъ на Юрино), отъ Юрина—60 вер. (на Балахну) и 40 вер. (зимникомъ); отъ Нижняго Ландеха—118 вер. (на Балахну) и 106 вер. (на Юрино) и отъ Пистяковъ—98 вер. (на Балахну) и 86 вер. (на Юрино).

Принимая по Бутурлину 120 поприщъ XVII вѣка равными нашимъ 180 верстамъ, у насъ всетаки ничего не выходитъ съ этими поистинѣ пресловутыми 120 поприщами.... Приходится-таки склониться къ тому, что я уже и высказалъ въ X томѣ „Нижегородскаго Сборника“, т. е., что происхожденіе 120 поприщъ связано съ простой опиской лѣтописи, какъ объяснялъ это покойный П. И. Мельниковъ въ своемъ трудѣ „Нижній-Новгородъ и нижегородцы въ смутное время“, напечатанномъ въ томѣ XXIX „Отечественныхъ Записокъ“ за 1843 годъ, въ которомъ онъ стоялъ за Пурехъ, какъ мѣстопребываніе князя Пожарскаго въ 1611 году, несмотря на то, что онъ же, П. И. Мельниковъ, въ позднѣйшей своей статьѣ, напечатанной въ 21 книжкѣ „Москвитянина“ за 1850 годъ („Нѣсколько новыхъ свѣдѣній о смутномъ времени“), впослѣдствіи отказался отъ Пуреха, и утверждалъ, безъ всякихъ къ тому основаній, что осенью 1611 года Пожарскій жилъ не въ Пурехѣ, а въ Нижнемъ Ландехѣ.

14 марта 1893 г.
Нижній-Новгородъ.

*) Отъ К. А. Веселовскаго получилъ я вскорѣ по возвращеніи моемъ изъ октябрьской поѣздки 1891 года въ Нижній слѣдующее извѣщеніе: «Недавно я случайно выслушалъ устный разсказъ-преданіе, имѣющій связь съ вашей поѣздкой. Недалеко отъ Шуи, кажется верстахъ въ 10—12 есть погостъ Архангельскій, попросту Архангелъ. Преданіе гласитъ, будто князь Пожарскій, идя на защиту Москвы, съ Холуя повернулъ въ сторону Шуи, не доходя до которой, именно на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ погостъ Архангелъ, чинилъ отдыхъ и здѣсь какимъ-то образомъ обронилъ и потерялъ маленькій фамильный образокъ архистратига Михаила. Послѣ образокъ этотъ былъ найденъ, и въ память этого обрѣтенія устроенъ храмъ архангельскій съ наименованіемъ самаго села Архангеломъ». Нѣтъ ничего мудренаго, что и въ другихъ сосѣднихъ съ Борковской пустыней мѣстахъ держатся (однако исключительно въ средѣ мѣстной интеллигенціи) подобныя же преданія.

III.

Тридцатилѣтній юбилей учено-литературной дѣятельности А. С. Гацискаго.

Краткія свѣдѣнія о служебной и общественной его дѣятельности.

Письма, полученныя А. С. Гацискимъ по случаю его литературнаго юбилея.

Рѣчи, произнесенныя во время обѣда, даннаго въ честь А. С. Гацискаго 3 іюля 1889 г.

Списокъ литературныхъ трудовъ и рецензій на нихъ.

ТРИДЦАТИЛѢТНІЙ ЮБИЛЕЙ
учено-литературной дѣятельности
Александра Серафимовича Гацискаго.

(Докладъ нижегородской ученой архивной комиссіи, составленный вслѣдствіе постановленія ея 22 октября 1889 г. членомъ комиссіи А. Савельевымъ).

Въ іюнѣ 1889 года особенное вниманіе членовъ нижегородской архивной комиссіи и статистическаго комитета и кружка живущихъ въ Нижнемъ-Новгородѣ литераторовъ обратилъ на себя фактъ, случившійся 30 лѣтъ назадъ. Этотъ фактъ—появленіе въ сатирическомъ журналѣ „Искра" первой статьи А. С. Гацискаго, подъ названіемъ „Изъ записокъ офицера". Статья была напечатана 3 іюля 1859 года и положила начало цѣлому ряду литературныхъ работъ уважаемаго Александра Серафимовича, создавшихъ ему почетное имя среди русскихъ литераторовъ и ученыхъ. Начавшись легкимъ беллетристическимъ очеркомъ, его литературная дѣятельность однако вскорѣ рѣзко измѣнилась. Направленіе ея получило по преимуществу характеръ изслѣдованія различныхъ сторонъ и явленій мѣстной провинціальной жизни; Александръ Серафимовичъ пріобрѣлъ строго опредѣленную литературную физіономію, какъ сторонникъ децентрализаціи отечественной литературы, и сумѣлъ пріобрѣсти, благодаря своему таланту и трудолюбію, широкую извѣстность въ различныхъ литературныхъ кружкахъ Россіи, какъ изслѣдователь историческихъ и современно-бытовыхъ явленій жизни русскаго народа и неутомимый борецъ за право на существованіе мѣстной, провинціальной литературы. Одновременно съ этимъ въ средѣ мѣстнаго края онъ сталъ извѣстенъ и какъ выдающійся общественный дѣятель.

Всѣ эти причины породили въ средѣ мѣстной интеллигенціи желаніе выразить Александру Серафимовичу глубокое сочувствіе къ его дѣятельности въ знаменательный для него день 3 іюля 1889 года. Вслѣдствіе того члены нижегородской архивной комиссіи и статистическаго комитета Н. Ф. Анненскій, А. М. Меморскій и А. А. Савельевъ обратились къ начальнику нижегородской губерніи и непремѣнному попечителю архивной комиссіи Н. М. Баранову съ просьбой разрѣшить соединенное засѣданіе этихъ двухъ учрежденій, въ одномъ изъ которыхъ—въ архивной комиссіи, Александръ Серафимовичъ состоитъ предсѣдателемъ (со дня учрежденія ея, 17 октября 1887 г.), а въ другомъ—помощникомъ предсѣдателя и секретаремъ (секретаремъ съ 8 января 1865 г.),—съ цѣлью принести ему поздравленіе со днемъ

исполнившагося 30-ти-лѣтія его литературныхъ заслугъ и выразить сочувствіе къ его дѣятельности. Въ Николаѣ Михайловичѣ эта мысль встрѣтила горячее одобреніе и поддержку. Отъ имени его 3 іюля въ залѣ засѣданій городской Думы къ $3^1/_2$ часамъ были приглашены члены того и другого учрежденія, а члены архивной комиссіи А. А. Савельевъ и статистическаго комитета П. П. Розановъ приняли на себя трудъ составить къ этому дню краткія замѣтки о литературныхъ и общественныхъ заслугахъ Александра Серафимовича.

Въ тоже время извѣстіе о предстоящемъ юбилеѣ распространилось и въ средѣ гласныхъ нижегородской городской Думы, гласнымъ которой Александръ Серафимовичъ состоялъ съ 1878 года, и съ 1881 года, членомъ городской Управы и заступающимъ мѣсто городского головы. Въ засѣданіи Думы 30 іюня присутствовавшіе въ то время гласные уполномочили городского голову А. М. Губина поздравить юбиляра съ знаменательнымъ для него днемъ и сообщить о желаніи гласныхъ Думы учредить въ мѣстной классической гимназіи, гдѣ онъ получилъ первоначальное образованіе, стипендію его имени. Деньги на стипендію въ размѣрѣ около 1000 р. къ этому дню были уже собраны.

Почтить литературныя и общественныя заслуги Александра Серафимовича сочли своимъ долгомъ не одни мѣстные дѣятели нижегородскаго края, а такъ же, какъ увидимъ ниже, выразили свое сочувствіе къ его дѣятельности множество лицъ изъ разныхъ концовъ Россіи, точно такъ же, какъ и почтенный юбиляръ, не мало потрудившихся на поприщѣ отечественной науки и литературы.

При такихъ условіяхъ возникло чествованіе его юбилея 3 іюля 1889 г. Весьма понятно поэтому, что засѣданіе архивной комиссіи и статистическаго комитета, происходившее подъ предсѣдательствомъ непремѣннаго попечителя 1-й изъ нихъ и предсѣдателя 2-го, начальника нижегородской губерніи Н. М. Баранова, въ этотъ день привлекло, кромѣ членовъ обоихъ названныхъ учрежденій, также не мало посторонней публики.

Перейдемъ теперь къ отчету о самомъ засѣданіи.

Засѣданіе началось въ $3^1/_2$ часа, въ присутствіи всѣхъ, бывшихъ въ то время въ Нижнемъ-Новгородѣ членовъ архивной комиссіи и статистическаго комитета и многочисленной публики, въ залѣ городской Думы. Объявивъ засѣданіе открытымъ, уважаемый предсѣдатель его, начальникъ нижегородской губерніи Н. М. Барановъ обратился къ собранію съ слѣдующей рѣчью:

„Милостивые Государи!

3-го іюля 1859 года въ одномъ изъ тогдашнихъ періодическихъ изданій появилась беллетристическая статья А. С. Гацискаго. Литературный трудъ этотъ былъ первымъ шагомъ 30-лѣтней труженической жизни чествуемаго и глубокоуважаемаго нами Александра Серафимовича.

Какъ присутствующимъ здѣсь, такъ и всему нижегородскому обществу хорошо извѣстна многотрудная и многополезная для края дѣятельности

мѣстнаго исторіографа, публициста, статистика, земца и члена городского управленія Александра Серафимовича.

Отдавая глубокое почтеніе минувшимъ 30-лѣтнимъ трудамъ Александра Серафимовича, я, отъ имени собравшихся здѣсь предсѣдательствуемыхъ мною обществъ, вмѣстѣ со всѣми искренно любящими Александра Серафимовича согражданами, сердечно привѣтствую его и отъ всей души желаю многаго и счастливаго продленія его трудовой дѣятельности, всегда направленной на благое служеніе научнымъ интересамъ нашего отечества вообще и Нижняго въ особенности".

Въ отвѣтъ на это привѣтствіе Александръ Серафимовичъ благодарилъ за вниманіе къ нему членовъ того и другого учрежденія и уважаемаго предсѣдателя, просвѣщенному содѣйствію котораго такъ много обязана своимъ учрежденіемъ нижегородская архивная комиссія.

Вслѣдъ затѣмъ отъ имени городского общества принесъ поздравленіе почтенному юбиляру Алексѣй Максимовичъ Губинъ, нижегородскій городской голова. Поблагодаривъ его за труды по городскому общественному управленію, г. городской голова объявилъ, что по желанію гласныхъ городской Думы имѣетъ быть учреждена стипендія имени Александра Серафимовича въ мѣстной классической гимназіи, для чего собранъ уже капиталъ въ 1000 руб. Это извѣстіе было привѣтствовано собраніемъ громкими аплодисментами.

Ко дню юбилея было получено множество телеграммъ и поздравительныхъ писемъ изъ разныхъ концовъ Россіи. Нѣкоторые изъ нихъ были прочитаны въ засѣданіи членомъ архивной комиссіи и статистическаго комитета А. А. Савельевымъ, а о другихъ было лишь доложено присутствующимъ, такъ какъ чтеніе всѣхъ ихъ заняло бы слишкомъ много времени.

Телеграммы и письма были получены отъ слѣдующихъ учрежденій и лицъ: изъ С.-Петербурга отъ Н. М. Соковнина, изъ Алушты отъ Д. И. Тихомірова, изъ Макарьева отъ В. И. Херсонскаго, изъ Чернаго Яра отъ сотрудниковъ „Астраханскаго Вѣстника" г.г. Марковича и Поляка, изъ Казани отъ профессора Н. П. Загоскина и редакціи „Волжскаго Вѣстника", отъ К. В. Лаврскаго, изъ Тамбова отъ В. П. Троицкаго и И. И. Дубасова, со станціи нижегородской желѣзной дороги Черное отъ членовъ нижегородской архивной комиссіи: А. Ф. Мартынова, И. Н. Четыркина и В. О. Эйнгорна, изъ с. Мурашкина отъ С. И. Серебреникова, И. С. Серебреникова и К. А. Ѳедорова, изъ Саратова отъ членовъ саратовской архивной комиссіи и предсѣдателя ея, князя Л. Л. Голицына, изъ Казани отъ казанскаго губернскаго статистическаго комитета, отъ редакціи „Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостей" съ сотрудниками, казанскаго общества книгопечатниковъ и редактора „Губернскихъ Вѣдомостей" Н. Ф. Юшкова, отъ Н. Я. Агафонова, изъ Окуловки отъ почетнаго члена нижегородскаго статистическаго комитета М. Н. Раевскаго, изъ с. Лыскова отъ В. В. Хвощинскаго, со станціи нижегородской желѣзной дороги отъ земскихъ статистиковъ балахнинскаго уѣзда г.г. Ашмарина, Горенкина, Сырнева, Шмидта и Штейгмана, изъ Вольска отъ Ал. Ф. Можаровскаго, изъ Гороховца отъ

Ап. Ф. Можаровскаго, изъ Каменецъ-Подольска отъ епископа Димитрія, изъ Новочеркасска отъ архіепископа Макарія, изъ Ставрополя (Кавказскаго) отъ І. В. Бентковскаго, изъ Луховицъ отъ К П. Коринескаго, изъ Ченстохова отъ г. Раевскаго, изъ Тифлиса отъ Н. К. Зейдлица, изъ С.-Петербурга отъ Н. С. Соколова, изъ Варшавы отъ члена нижегородской архивной комиссіи А М Меморскаго, городская отъ русскихъ артистовъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, изъ С.-Петербурга отъ Императорскаго археологическаго института, изъ Москвы отъ нижегородскаго вице-губернатора П. В. Неклюдова, изъ Астрахани отъ редакціи „Астраханскаго Вѣстника“, въ лицѣ г.г. Попова, Зеленскаго, Поляка, Никольскаго, Чирикова и Панкратова, изъ Казани отъ профессора Н. А. Толмачева и изъ Рязани отъ рязанской архивной комиссіи и А. В Селиванова. Письма и адресы были получены отъ слѣдующихъ лицъ: *): отъ А. И. Тимофеева, отъ быв. профессора В. А. Гольцева, отъ директора красноуфимскаго реальнаго училища Н. М. Соковнина, отъ профессора и историка Е. А. Бѣлова, врача Н. Н. Вакуловскаго, отъ сельскаго учителя Ф. И. Маракина, профессора-историка К. Н. Бестужева-Рюмина, профессора К. Э. Линдемана, П. М. Бабинкова, М. А. Лакомте, профессора Эд. Эд. Линдемана, учителя А. Ѳ. Мартынова, архимандрита Андрея, писателя беллетриста П. Д. Боборыкина, П. М. Алексѣева, члена археологическаго общества и ростовскаго музея древностей А. А. Титова, доктора В. Н. Корсакова, отъ писателя-поэта А. Н. Плещеева, помощника присяжнаго повѣреннаго А. А. Карелина, С. П. Букреевой, Ѳ. А Желтова, письмоводителя статистическаго комитета Н. И. Успенскаго, литератора Н. Г. Вучетича, профессора казанскаго университета Д. А. Корсакова, священника Константина Веселовскаго, купца И. П. Домнина, отъ редактора „Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ Г. П. Демьянова, отъ наборщиковъ и печатниковъ нижегородской губернской типографіи, отъ предсѣдателя тверской ученой архивной комиссіи А. К. Жизневскаго, отъ Н. С. Стромилова, сельскаго учителя В. И. Виноградова, нижегородскаго мѣщанскаго старосты М. И. Лебедева, княгининскаго исправника г. Хоненевскаго, отъ члена саратовской ученой архивной комиссіи А Н. Минха, товарища предсѣдателя Императорскаго русскаго Историческаго музея въ Москвѣ И. Е. Забѣлина, библіотекаря нижегородской городской библіотеки В. И. Кониссказо, уполномоченнаго пароходнаго общества по р. Волгѣ А. В. Захарьина, директора графа Аракчеева кадетскаго корпуса Г. Завадзкаго, врача И. М. Милотворскаго, инспектора нижегородской духовной семинаріи Г. А. Полисадова, старшаго врача нижегородской губернской земской больницы Д. А Вѣнскаго, отъ члена нижегородскаго отдѣленія Императорскаго русскаго техническаго общества С. К. Протасова, отъ статистиковъ нижегородскаго губернскаго земства: А. Д. Соколова, Я. Суслова, А Второва и М. А. Плотникова, отъ земскихъ статистиковъ южнаго отряда семеновскаго уѣзда А. Луппова, П. А. Васильева, М. В. Соколова, Е. П. Добровольскаго и Ф. И. Лазаревскаго, отъ статистиковъ восточнаго отряда балахнинскаго уѣзда:

*) Далѣе, въ приложеніи, напечатаны всѣ письма, копіи съ которыхъ имѣются въ архивной комиссіи.

П. И. Неволина, Л. Александрова и Θ. В. Кошкарева, отъ земскихъ статистиковъ изъ с. Ворсмы: Н. А. Богословскаго, А. А. Боркова, А. И. Звѣздина, В. Морозова, М. М. Кислякова, Д. И Звѣрева, А. М. Кислякова, Н. Титовскаго, И. П. Селивановскаго и Я. С. Вьюгова, отъ Ростовскаго музея церковныхъ древностей, священника с. Алистѣева, нижегородскаго уѣзда, Іоанна Зефирова, отъ члена археологическаго института А В. Селиванова, отъ А. К Соболева, отъ предсѣдателя Императорскаго московскаго археологическаго общества графини П. С. Уваровой, отъ И. Л. Лебединскаго, отъ переплетнаго и футлярнаго заведенія наслѣдницы А. И. Шеръ Р. Шеръ, отъ учителя А Ф. Пальмовскаго, отъ Л. Н. Майкова, отъ Ф. А. Ройева, отъ литератора А. Д. Круглова, отъ А. И. Соколова, отъ Л. Н. Трефолева, отъ священника с. Череватова, ардатовскаго уѣзда, Василія Владимірскаго, отъ М. А. Саблина, отъ Е. И Рагозина и отъ А. П. Бахрушина.

Послѣ прочтенія нѣкоторыхъ адресовъ, писемъ и телеграммъ и перечня другихъ А. А. Савельевъ прочелъ слѣдующую рѣчь о заслугахъ Александра Серафимовича, какъ провинціальнаго литератора и изслѣдователя настоящей и прошлой жизни нижегородскаго края.

„Гацискій—одинъ изъ видныхъ, заслуженыхъ и почтенныхъ губернскихъ литераторовъ. Г. Гацискій процвѣтаетъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, кажется въ качествѣ редактора мѣстныхъ „Губернскихъ Вѣдомостей“ и давно уже трудолюбиво-талантливо и основательно обогащаетъ своими трудами нижегородскую исторію, нижегородскую этнографію и статистику“. (Михневичъ: „Наши знакомые“, стр. 51).

Таковъ отзывъ, который сдѣлалъ объ Александрѣ Серафимовичѣ Гацискомъ г. Михневичъ въ своихъ очеркахъ извѣстныхъ нашихъ современниковъ. Въ его глазахъ Александръ Серафимовичъ трудолюбивый и талантливый провинціальный писатель. Также относится къ Александру Серафимовичу и наша періодическая пресса, которая, упоминая о немъ очень часто, прибавляетъ къ его фамиліи „извѣстный провинціальный литераторъ“. Эти эпитеты заслужены имъ по праву, какъ однимъ изъ піонеровъ провинціальной литературы, однимъ изъ ревностныхъ иниціаторовъ возникновенія ея въ провинціи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ провинціальная литература много обязана ему и своимъ содержаніемъ: создавъ вмѣстѣ съ своими друзьями одинъ изъ лучшихъ провинціальныхъ органовъ недавняго прошлаго—„Камско-Волжскую Газету“, онъ принималъ дѣятельное участіе въ его изданіи, а также участвовалъ и въ казанскомъ литературномъ сборникѣ „Первый Шагъ“. Ему же провинціальная пресса обязана множествомъ другихъ статей и изданій, касающихся преимущественно жизни провинціи. Но и при всемъ томъ только такая характеристика его литературной дѣятельности была бы не полна. Есть еще черта, дающая яркую окраску этой дѣятельности. Извѣстно, что въ 60-хъ годахъ въ литературѣ полилась широкимъ ручьемъ, еле пробивавшаяся до того времени, *струя народничества*. Она захватила своимъ потокомъ и литературную дѣятельность Александра Серафимовича. Почти съ самаго начала вступленія на литературное поприще, сдѣлавшись редакторомъ мѣстныхъ „Губернскихъ Вѣдомостей“, онъ выступилъ

съ пропагандой изслѣдованія всѣхъ сторонъ народной жизни, не пренебрегая никакими, казалось бы самыми мелкими фактами. Позднѣе, при изданіи VII т. „Нижегородскаго сборника", повторяя сказанное прежде, онъ формулировалъ свой взглядъ на задачи провинціальной литературы такимъ образомъ: „Основными задачами „Нижегородскаго сборника",—говоритъ онъ,—считаемъ мы, попрежнему, изслѣдованіе всѣхъ, по возможности, сторонъ народной жизни Нижегородскаго Поволжья въ его прошломъ и настоящемъ, и при томъ не съ какой-либо временной, частной, а, такъ сказать, съ вѣчной и многообъемлющей точки зрѣнія путемъ печатанія преимущественно матеріаловъ для познанія о немъ... Изслѣдованія „Нижегородскаго сборника",—продолжаетъ онъ,—имѣютъ описательный характеръ и касаются преимущественно мелкихъ явленій, потому что именно такой характеръ ихъ намъ всего болѣе симпатиченъ, всего болѣе понятенъ, всего болѣе по плечу и всего, что особенно важно, осуществимѣе. Мы отвергаемъ исключительно цыфровой оффиціальный матеріалъ, потому что сильно сомнѣваемся въ достовѣрности его; мы стоимъ за изслѣдованія мелкихъ явленій потому, что только основательное изученіе мельчайшихъ составныхъ частей ведетъ къ болѣе цѣнному познанію цѣлаго; потому, наконецъ, что насъ лично интересуетъ физіономія каждой мельчайшей мѣстной клѣточки во всѣхъ ея проявленіяхъ".

Плодомъ этого воззрѣнія явились восемь томовъ „Нижегородскаго сборника" изд. нижегород. стат. комитета *). Въ нихъ мы встрѣчаемъ разнообразныя изслѣдованія народной жизни. Здѣсь рѣчь идетъ объ обычаяхъ русскаго народа, его вѣрованіяхъ, его этнографическихъ особенностяхъ, его экономической жизни. Все это выполнялось лично Александромъ Серафимовичемъ и тѣмъ кружкомъ сотрудниковъ, который ему удалось сгруппировать. Эти дѣятели, мало извѣстные въ литературномъ мірѣ, безъ него были бы только учителями, священниками, землевладѣльцами, и ихъ познанія о народной жизни остались бы только при нихъ.

Своеобразны и симпатичны отношенія къ нимъ Александра Серафимовича. Онъ не пользовался ихъ статьями, чтобы создавать, или, лучше сказать, перефразировывать эти работы и выпускать потомъ отъ своего имени, какъ это бываетъ весьма нерѣдко. Онъ печаталъ эти статьи, какъ матеріалъ, участвуя и самъ наравнѣ съ другими въ его собраніи. Ему принадлежитъ руководящая, организаторская роль.

«Въ качествѣ „организатора", „руководителя", „редактора",—говоритъ онъ,—я бы могъ, конечно, по бывшимъ неоднократно примѣрамъ, гг. „обработывателей", „объединить" всѣ изслѣдованія, т. е. сгруппировать всѣ работы гг. изслѣдователей, „нивеллировать" ихъ, подписать подъ всѣмъ этимъ „сводомъ" свое имя, упомянувъ „для контенансу", что-де сотрудниками нашими были такой-то и такой-то. Я нахожу болѣе приличнымъ поступать иначе не только потому, что не привыкъ загребать жаръ чужими руками, но и по своимъ давнишнимъ взглядамъ на задачи мѣстныхъ изслѣдованій».

---

*) Это замѣчаніе относится къ 1889 г. Впослѣдствіи А. С. издалъ еще два тома сборниковъ.

Пресса въ своихъ отзывахъ достойно оцѣнила литературную дѣятельность Александра Серафимовича, а напечатанными имъ изслѣдованіями пользуются и ученые и литераторы. Ни одно почти изслѣдованіе, напримѣръ, по обычному праву, не обходится безъ ссылокъ на сборники, изданные Александромъ Сарафимовичемъ. „Нижегородскимъ сборникомъ“ пользуются и при различныхъ описаніяхъ экономической жизни народа *). Кромѣ того есть нѣсколько изслѣдованій Александра Серафимовича по мѣстной исторіи. Важнѣйшимъ изъ нихъ представляется „Нижегородскій Лѣтописецъ“. Вообще же всѣхъ статей въ повременныхъ изданіяхъ и отдѣльныхъ изслѣдованій имъ напечатано около 400.

Труды, подобные тѣмъ, которымъ посвятилъ преимущественно свою дѣятельность Александръ Серафимовичъ, освѣщая народную жизнь, уясняя и темныя, и свѣтлыя стороны ея, выясняютъ намъ и ея потребности, и ея недостатки. И за это нельзя не сказать ему большого русскаго „спасибо“.

По окончаніи этой рѣчи членъ нижегородскаго статистическаго комитета П. П. Розановъ прочелъ очеркъ заслугъ Александра Серафимовича, какъ литератора и общественнаго дѣятеля:

„Милостивые Государи!

Тридцать лѣтъ литературной дѣятельности—вообще срокъ слишкомъ большой, чтобы сколько-нибудь подробный обзоръ ея можно было представить въ немногихъ словахъ; тѣмъ болѣе это затруднительно по отношенію къ работамъ Александра Серафимовича, который выступалъ на литературномъ поприщѣ и какъ беллетристъ, и какъ публицистъ, и какъ изслѣдователь по этнографіи, археологіи и по разнымъ вопросамъ экономической и бытовой жизни Нижегородскаго Поволжья.

Люди опытные въ литературѣ и спеціалисты, конечно, оцѣнятъ по достоинству труды Александра Серафимовича, я же съ своей стороны имѣю въ виду отмѣтить лишь нѣкоторыя общія черты его литературной дѣятельности.

Начало ея относится къ началу реформъ прошлаго царствованія. Тогда провинція была освобождена отъ вѣковой опеки, и на нее возложена была обязанность самой заботиться о своемъ благоустройствѣ, удовлетворять, по возможности, свои нужды, чинить судъ и проч. Этимъ измѣненъ былъ весь строй провинціальной жизни. Провинціи прежде всего пришлось убѣдиться въ необходимости познать саму себя, безъ чего она затруднялась различать въ дѣлѣ самоуправленія такія простыя вещи, какъ: нужное и излишнее, желательное и необходимое, полезное и вредное. Обратившись за справками къ столичной печати, провинція не нашла тамъ никакихъ нужныхъ ей свѣдѣній. Такимъ образомъ стало очевидно, что провинція предоставлена самой себѣ и въ дѣлѣ самопознанія, этой насущной и необходимой при новыхъ условіяхъ потребности. Затруднительное положеніе провинціи и народившуюся у ней потребность подмѣтилъ и констатировалъ

*) См. статью г. Флеровскаго «Оглянемся назадъ», въ «Отечеств. Запискахъ» за 1877 г.

Александръ Серафимовичъ; онъ при этомъ указалъ, что существующій въ столичной печати пробѣлъ о провинціи можетъ восполнить по существу дѣла только провинціальная печать. Тогда же въ 1-й половинѣ 60 годовъ, Александръ Серафимовичъ опубликовалъ свои мнѣнія о задачахъ и значеніи провинціальной печати и объ отношеніи ея къ столичной. Послѣдняя отнеслась съ большимъ сомнѣніемъ къ тому, чтобы провинція могла создать когда-либо свою литературу, стоющую вниманія. Но, несмотря на это, Александръ Серафимовичъ, убѣдившись, что зачатіе провинціальной печати совершилось и твердо вѣруя въ благополучное ея рожденіе и въ высокое жизненное значеніе, посвятилъ по преимуществу ей силы и свой трудъ.

Важнѣйшею задачею провинціальной печати Александръ Серафимовичъ ставитъ изданіе всевозможныхъ матеріаловъ для изученія данной мѣстности и производство научныхъ изслѣдованій, касающихся различныхъ сторонъ мѣстной жизни. Не откладывая въ дальній ящикъ излюбленнаго дѣла, онъ не замедлилъ приступить къ работамъ по изученію Поволжья, и уже въ 1867 году изданъ былъ подъ его редакціей I томъ „Нижегородскаго сборника". Въ это время, выражаясь словами Александра Серафимовича, начались уже потуги рожденія провинціальной печати, она уже по мѣстамъ заявляла о себѣ серьезными работами,—и это обстоятельство, конечно, служило для Александра Серафимовича большою нравственною поддержкою; но въ своемъ мѣстѣ онъ былъ одинъ, ясно и опредѣленно сознающій задачи и значеніе мѣстной литературы, а потому всѣ труды по изданію „Нижегородскаго сборника" и вся отвѣтственность за содержаніе его неизбѣжно падали на него одного.

Излишне распространяться о томъ, въ чемъ состояли труды и затрудненія при изданіи сборника,—это, думаю, всякому извѣстно и понятно; но достойно замѣчанія отношеніе Александра Серафимовича какъ редактора къ литературнымъ произведеніямъ, присылаемымъ для сборника. Онъ крайне бережно относится къ языку своихъ сотрудниковъ, сохраняетъ шероховатости, съ точки зрѣнія столичной печати, ихъ рѣчи, такъ какъ въ патавинизмѣ ея видитъ характерную черту областной жизни, ради всесторонняго изученія которой ведется вся работа. Точно также достоинъ вниманія выборъ статей для помѣщенія въ сборникѣ. Съ перваго взгляда можетъ показаться страннымъ, зачѣмъ помѣщены тамъ описанія никому неизвѣстныхъ и ничѣмъ особеннымъ не примѣчательныхъ селъ и деревень; но стоитъ только вспомнить, какъ камень за камнемъ добывался и какъ обработывался матеріалъ, изъ котораго воздвигнуты стройныя зданія отдѣльныхъ наукъ—физики, химіи, физіологіи и др., чтобы устыдиться такого недоразумѣнія и понять смыслъ и значеніе подобныхъ описаній мелкихъ единицъ человѣческаго общежитія. Физіологическіе законы органической жизни, напримѣръ, обязаны своимъ открытіемъ тому, что не признавалось страннымъ и неразумнымъ въ теченіи десятилѣтій наблюдать, описывать и изучать мельчайшія проявленія жизненныхъ свойствъ живыми, невидимыми простымъ глазомъ, клѣтками при различныхъ условіяхъ ихъ существованія. Такимъ же длиннымъ путемъ, при кропотливомъ и упорномъ трудѣ, нако-

пились и накапливаются знанія всѣхъ точныхъ наукъ. Совершенно естественно, что и Александръ Серафимовичъ, собирая матеріалы для изученія нижегородскаго края, особенно цѣнитъ обстоятельныя описанія небольшихъ поселеній и основательное изученіе мелкихъ явленій общественной жизни Поволжья, увѣренный, что чѣмъ тщательнѣе будутъ обработаны части, тѣмъ полнѣе будетъ пониманіе цѣлаго. Обстоятельства, впрочемъ, не позволили Александру Серафимовичу примѣнить къ изученію родного края во всей подробности статистическій методъ. Въ его рукахъ находились лишь матеріалы нашей волостной статистики, низкую цѣну которыхъ онъ хорошо зналъ, и поэтому не рѣшался даже издавать ихъ, уклоняясь отъ ручательства за ихъ достовѣрность. Но, понимая великое значеніе статистики въ отечествовѣдѣніи и въ дѣлѣ изученія провинціи, онъ съ большимъ интересомъ слѣдилъ за развитіемъ земской статистики, въ которой мельчайшею единицею для изученія по преимуществу экономическаго состоянія провинціи взятъ дворъ и въ которой собираніе свѣдѣній обставлено полной гарантіею за достовѣрность. При такихъ условіяхъ съ большей увѣренностью можно было ожидать отъ земско-подворной статистики литературныхъ трудовъ, заслуживающихъ серьезнаго вниманія. Въ нихъ Александръ Серафимовичъ предвидѣлъ торжество провинціальной печати и не скрывалъ своей радости при возникновеніи земско-статистическихъ изслѣдованій во многихъ губерніяхъ. Отдавая должное земской статистикѣ, хозяйственной по преимуществу, и въ большинствѣ случаевъ преслѣдующей фискальныя цѣли, Александръ Серафимовичъ ясно сознавалъ въ тоже время значеніе и роль административной статистики, которую должны интересовать одинаково всѣ стороны народной жизни, которая должна быть текущей статистикой, региструющей изъ года въ годъ всѣ происходящія въ жизни провинціи измѣненія. Сознавая это, Александръ Серафимовичъ съ нетерпѣніемъ ждалъ реорганизаціи административной статистики; онъ много разъ указывалъ на недостатки настоящаго положенія ея и подробно разбиралъ требованія, какія предъявляютъ къ ней государство и жизнь провинціи и которыя она должна, при правильной постановкѣ, удовлетворить. Къ сожалѣнію, ему слишкомъ долго пришлось ждать желаннаго измѣненія, приходится ждать вмѣстѣ съ нами и до сихъ поръ. Впрочемъ, ждалъ онъ не въ бездѣйствіи, а, пользуясь своимъ положеніемъ секретаря статистическаго комитета, производилъ почти ежегодно экскурсіи по нижегородской губерніи, лично собирая матеріалы по интересующимъ его въ данное время предметамъ. Результатомъ, какъ этихъ экскурсій, такъ и тщательной разработки и провѣрки находящихся въ его распоряженіи матеріаловъ, были извѣстные литературные труды, касающіеся разныхъ сторонъ народной жизни Нижегородскаго Поволжья. Труды Александра Серафимовича всякій разъ обращали на себя вниманіе печати, дававшей лестные отзывы о достоинствахъ ихъ; они доставили ему почетное имя серьезнаго и добросовѣстнаго изслѣдователя мѣстной жизни и, конечно, не будутъ позабыты, такъ какъ неизбѣжно привлекаютъ къ себѣ всякаго, кто хочетъ познакомиться съ нижегородскимъ краемъ. Но кромѣ нихъ изъ-подъ пера Александра Серафимовича вышелъ

рядъ докладовъ по разнымъ текущимъ вопросамъ земскаго и городского самоуправленія. Эти литературныя произведенія малоизвѣстны и частію уже забыты, но они, по моему мнѣнію, заслуживаютъ полнаго вниманія, такъ какъ оттѣняютъ еще одну черту въ личности Александра Серафимовича, какъ интеллигентнаго труженика въ дѣлахъ самоуправляющейся провинціи. Хорошо зная ея нужды и понимая задачи ея будущаго развитія, онъ въ своихъ докладахъ по разработкѣ спеціальныхъ вопросовъ, возникающихъ въ мѣстныхъ общественныхъ управленіяхъ, немало потрудился надъ тѣмъ, чтобы выяснить въ сознаніи представителей земства или города значеніе того или другого общественнаго мѣропріятія и выгоды отъ правильной постановки и внимательнаго отношенія къ дѣлу. Трудно, конечно, съ положительностію указать, какой результатъ для практической жизни имѣли поучительные доклады Александра Серафимовича, но невозможно воздержаться хотя бы только отъ простого сопоставленія съ одной стороны литературной дѣятельности Александра Серафимовича, посвященной еще съ 60-хъ годовъ изученію края въ интересахъ, между прочимъ, и непосредственной практической пользы, а съ другой стороны того обстоятельства, что относительно нижегородской губерніи имѣются весьма обстоятельныя изслѣдованія г. Гацискаго по этнографіи и исторіи, проф. Докучаева—по геологіи, а съ 1886 года земскимъ статистическимъ бюро собирается и разрабатывается богатый матеріалъ для изученія губерніи въ экономическомъ, хозяйственномъ и многихъ другихъ отношеніяхъ; такъ что уже и теперь нижегородское земство имѣетъ возможность руководствоваться при разложеніи, напримѣръ, повинностей не случайными признаками и гадательными предположеніями, а точнымъ знаніемъ условій существованія каждаго отдѣльнаго района губерніи.

Такимъ образомъ имя Гацискаго по праву извѣстно и почетно въ Нижегородскомъ Поволжьи, но оно, кромѣ того, тѣсно связано и съ всероссійскимъ дѣломъ съ началомъ возникновенія провинціальной печати и съ періодомъ ея укрѣпленія. Отдавъ ей свои силы еще въ то время, когда сомнѣвались въ возможности ея существованія, Александръ Серафимовичъ присутствовалъ, такъ сказать, при ея рожденіи и литературными трудами своими немало способствовалъ ея развитію, а потому онъ по справедливости можетъ быть названъ крестнымъ отцомъ провинціальной печати. Его излюбленное дѣтище въ настоящее время уже окрѣпло, оно заявило о своей мощи крупными работами, и Александръ Серафимовичъ можетъ быть спокоенъ за процвѣтаніе въ будущемъ того дѣла, которому служилъ большую часть своей жизни, и въ этой увѣренности, конечно, заключается для него лучшее и высшее нравственное удовлетвореніе".

По выслушаніи этихъ двухъ очерковъ, предсѣдатель собранія Н. М. Барановъ прочелъ телеграмму археологическаго института, подписанную директоромъ его, И. Е. Андреевскимъ, полученную во время самаго засѣданія, а затѣмъ въ 5 часовъ пополудни объявилъ засѣданіе закрытымъ.

КРАТКІЯ СВѢДѢНІЯ
О СЛУЖЕБНОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ
Александра Серафимовича Гацискаго.

Александръ Серафимовичъ Гацискій *), сынъ врача, воспитанника виленскаго университета, дѣятельнаго члена общества Филаретовъ, и матери, происходившей отъ французскаго эмигранта, можетъ быть названъ вполнѣ нижегородцемъ, такъ какъ съ самаго дѣтства жилъ въ Нижнемъ; въ здѣшней гимназіи кончилъ первоначальное образованіе, и здѣсь же на разныхъ поприщахъ общественной дѣятельности прошла вся его жизнь.

По окончаніи курса въ гимназіи, А. С. обучался сначала въ казанскомъ, потомъ с.-петербургскомъ и нѣкоторое время въ берлинскомъ университетахъ. Образованіе закончилъ въ казанскомъ университетѣ по юридическому факультету. Такъ называемая „служебная карьера" Александра Серафимовича немногосложна. По окончаніи университетскаго курса, онъ поступилъ на службу чиновникомъ особыхъ порученій при нижегородскомъ губернаторѣ. Затѣмъ послѣдовательно былъ кандидатомъ въ мировые посредники, а послѣ отказа отъ этой должности откомандированъ въ крестьянское Присутствіе для занятій въ самый горячій періодъ его организаціонной дѣятельности въ 1862 г. Въ этомъ же году былъ назначенъ редакторомъ неофиціальной части „Губернскихъ Вѣдомостей". Съ 8 января 1865 года А. С. вступилъ въ должность секретаря статистическаго комитета, въ которой и состоитъ до 27 апрѣля 1893 г. съ небольшими перерывами въ 1864 г. и съ 28 октября 1878 г. по 21 іюля 1880 г. Въ 1865 г. А. С. Гацискій избранъ былъ помощникомъ предсѣдателя статистическаго комитета. Состоя въ должности секретаря комитета, Александръ Серафимовичъ исполнялъ множество самыхъ разнообразныхъ порученій, какъ правительства, такъ и разныхъ ученыхъ комитетовъ и обществъ. Начиная съ редакторства неофиціальной частью „Губернскихъ Вѣдомостей" и „Нижегородскаго Ярмарочнаго Справочнаго Листка", онъ въ 1863, 1864 и 1865 гг. по предложенію министра юстиціи участвовалъ въ засѣданіи по введенію въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ 1864 г., съ 1866 г. по 1867 г. былъ дѣлопроизводи-

---

*) Александръ Серафимовичъ имѣетъ двойную фамилію; другая фамилія—Дахновичъ.

телемъ губернскаго училищнаго совѣта, въ 1866 г., по порученію губернскаго Правленія, составилъ записку о причинахъ увеличенія въ нижегородской губерніи преступленій, въ 1867 году командированъ статистическимъ комитетомъ на этнографическую выставку въ Москвѣ, въ томъ же году по распоряженію начальника губерніи былъ защитникомъ рядового Камнева въ военно-полевомъ судѣ, а въ 1869 г. по приглашенію предсѣдателя военно-окружнаго суда—защитникомъ Перетрутова, Баландина, Кошкарева. Бурмакина и Богачева; въ 1868 г. по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ назначенъ членомъ и секретаремъ комитета по устройству Кулибинскаго ремесленнаго училища. Въ 1870 г. А. С. былъ командированъ на съѣздъ секретарей статистическихъ комитетовъ въ С.-Петербургъ. Въ 1872 г. назначенъ по распоряженію нижегородскаго губернатора членомъ уѣзднаго училищнаго совѣта; въ томъ-же 1872 году по распоряженію особой организаціонной комиссіи А. С. былъ командированъ на VIII международный статистическій конгрессъ въ С.-Петербургѣ. Въ 1874 г. Александръ Серафимовичъ назначенъ по распоряженію начальника губерніи членомъ губернскаго училищнаго совѣта; въ томъ-же 1874 г. командированъ на III археологическій съѣздъ въ Кіевѣ, а въ 1876 г. приглашенъ членомъ международнаго статистическаго конгресса въ Буда-Пештѣ; въ 1877 г. былъ представителемъ нижегородскаго статистическаго комитета въ IV археологическомъ съѣздѣ въ Казани и въ томъ же году приглашенъ въ комиссію при совѣтѣ мануфактуръ и торговли министерства финансовъ для изслѣдованія кустарной промышленности; въ 1878 году назначенъ начальникомъ губерніи членомъ комитета по сбору пожертвованій по устройству добровольнаго флота. Въ 1879 году предсѣдателемъ комиссіи по изслѣдованію желѣзно-дорожнаго дѣла гр. Барановымъ, А. С. былъ назначенъ въ составъ этой комиссіи; въ 1881 г. участвовалъ въ комиссіи по урегулированію рѣкъ Оки и Волги; въ 1884 г. командированъ Думой въ составъ депутаціи при освященіи возобновленнаго храма во Владимірѣ на Клязьмѣ; въ томъ же 1884 г. былъ назначенъ членомъ комитета по устройству на ярмаркѣ выставки кустарнаго и сельско-хозяйственнаго производства, а также по должности заступающаго мѣсто городского головы членомъ комиссіи, образованной отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, для разсмотрѣнія проекта ярмарочнаго управленія; въ 1886 г. участвовалъ въ комиссіи по разсмотрѣнію проекта преобразованія села Лыскова въ городъ.

Въ томъ же году А. С. Гацискій приглашенъ въ предварительный комитетъ по устройству въ Ярославлѣ археологическаго съѣзда, въ которомъ и участвовалъ въ 1887 г., какъ представитель нижегородскаго статистическаго комитета; въ томъ же году былъ назначенъ губернаторомъ въ комиссію по исправленію зданій Печерскаго монастыря; въ 1888 году по распоряженію начальника губерніи назначенъ членомъ отъ комиссіи по устройству въ Нижнемъ-Новгородѣ празднества 900-лѣтія его существованія (со дня основанія). Словомъ, всюду, гдѣ требовалось знаніе исторической или экономической жизни народа, мы видимъ участіе и дѣятельность Александра Серафимовича.

Общественныя занятія Александра Серафимовича по выборнымъ учрежденіямъ начались съ 1877 г., хотя еще въ 1868 г. онъ былъ избранъ въ гласные нижегородскаго уѣзднаго земскаго собранія, но долженъ былъ отказаться отъ этой дѣятельности въ то время за потерею ценза. Какъ общественный дѣятель на этомъ поприщѣ, Александръ Серафимовичъ былъ постоянно избираемъ уѣзднымъ и губернскимъ гласнымъ, а съ 1879 года гласнымъ городской Думы. Въ качествѣ гласнаго онъ состоялъ членомъ губернской земской и городской Управъ, заступающимъ мѣсто предсѣдателя губернской Управы и нижегородскаго городского головы, почетнымъ мировымъ судьею нижегородскаго округа, кандидатомъ непремѣннаго члена губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія, попечителемъ губернской больницы, членомъ уѣзднаго училищнаго совѣта, членомъ ревизіонной комиссіи, членомъ попечительныхъ совѣтовъ реальнаго училища и Маріинской женской гимназіи, предсѣдателемъ комитета по управленію городской библіотекой, а также членомъ разныхъ комиссій, учреждавшихся губернскимъ земскимъ собраніемъ и городской Думой по разнымъ предметамъ городского и земскаго хозяйства.

Александръ Серафимовичъ имѣетъ ордена св. Станислава 3 и 2 степени, Анны 3 степени и Владиміра 4 степени.

Въ виду многочисленныхъ литературныхъ трудовъ Александра Серафимовича, въ особенности по отдѣламъ статистики, исторіи и археологіи, онъ состоитъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ, или въ качествѣ соревнователя, или почетнаго и дѣйствительнаго члена. Начиная съ 27 сентября 1866 г., когда онъ былъ выбранъ членомъ сотрудникомъ Императорскаго русскаго географическаго общества, въ разное время избранъ въ члены этнографическаго отдѣленія Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, затѣмъ уполномоченнымъ отъ комитета по устройству антропологической и политехнической выставки общества любителей естествознанія при московскомъ университетѣ, членомъ корреспондентомъ западно-сибирскаго отдѣла русскаго географическаго общества, дѣйствительнымъ членомъ общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, членомъ учредителемъ общества археологіи, исторіи и этнографіи при Императорскомъ казанскомъ университетѣ, членомъ сотрудникомъ комитета Ростовскаго музея церковныхъ древностей, членомъ соревнователемъ Императорскаго общества исторіи и древностей россійскихъ, почетнымъ членомъ ставропольскаго статистическаго комитета, членомъ тамбовской, нижегородской, рязанской и саратовской ученыхъ архивныхъ комиссій и почетнымъ членомъ археологическаго института.

Нижегородская ученая архивная комиссія, открытая въ 1887 г., своей организаціей и всей постановкой своей дѣятельности всецѣло обязана усиліямъ и трудамъ Александра Серафимовича, который успѣлъ обезпечить ея существованіе и съ матеріальной стороны, вслѣдствіе сочувствія и поддержки, которыми ему удалось заручиться въ средѣ нижегородскаго дворянства, земства и города. Ему же обязана Нижегородская губернія и организаціей

изслѣдованій кустарныхъ промысловъ, при матеріальномъ содѣйствіи частію образованной при министерствѣ финансовъ комиссіи, частію земства, которое еще въ 1873 г. ассигновало въ его распоряженіе 2000 руб. и затѣмъ въ XVIII очередную сессію дало 2500 руб. на изслѣдованія и 2000 руб. въ XIX сессію на изданіе трудовъ.

Что касается до литературной дѣятельности Александра Серафимовича, то она настолько обширна, что перечисленіе всѣхъ крупныхъ и мелкихъ работъ его заняло бы нѣсколько страницъ. Всѣхъ статей въ повременныхъ изданіяхъ и отдѣльныхъ литературныхъ трудовъ имъ напечатано до 400 *. Въ числѣ ихъ выдающееся значеніе имѣютъ, какъ проливающіе свѣтъ на экономическую и бытовую жизнь народа, сборники нижегородскаго статистическаго комитета съ статьями частію Александра Серафимовича, частію его сотрудниковъ по самымъ разнообразнымъ вопросамъ. Въ этихъ статьяхъ есть и цѣнныя указанія на народные обычаи крестьянъ и очерки крестьянскаго дѣла въ Нижегородской губерніи, составленные А. А. Богодуровымъ, замѣтки по этнографіи, изслѣдованія хлѣбной торговли самого Александра Серафимовича, изслѣдованія о ярмаркахъ и пр. Подъ его редакціей изданы труды съѣзда статистиковъ въ 1870 г., въ которыхъ есть нѣсколько статей и его самого. Въ этихъ изданіяхъ, какъ и въ другихъ статьяхъ своихъ, Александръ Серафимовичъ изложилъ свой взглядъ на задачи провинціальной литературы, значеніе и самостоятельное развитіе которой онъ всегда горяче отстаивалъ и въ особенности развилъ въ своихъ полемическихъ письмахъ къ извѣстному писателю Д. Л. Мордовцеву. Этотъ взглядъ на самостоятельность и благотворное значеніе для общества провинціальной литературы, изложенный имъ въ особой брошюрѣ подъ заглавіемъ „Смерть провинціи или нѣтъ", составившей литературное имя Александра Серафимовича, какъ поборника провинціальной литературы. Другимъ капитальнымъ трудомъ Александра Серафимовича служитъ его „Нижегородскій Лѣтописецъ", составляющій цѣнный вкладъ для изслѣдователей русской исторіи. Изъ серьезныхъ ученыхъ изслѣдованій его можно отмѣтить также изслѣдованія объ уголовной статистикѣ, археологіи и проч.

Но не одни труды по изученію экономическаго и историческаго быта русскаго народа останавливаютъ на себя вниманіе Александра Серафимовича. Отъ его любознательности не ушли и другія стороны жизни русскаго общества. Имъ изданъ сборникъ свѣдѣній по Нижнему-Новгороду подъ названіемъ „Нижегородка", брошюра (1867 г.) о нижегородскомъ театрѣ, о школьномъ дѣлѣ въ Нижегородской губерніи (въ 1873 г.), и, наконецъ, рядъ очерковъ о дѣятельности различныхъ выдающихся лицъ въ жизни нижегородскаго края, подъ названіемъ „Люди Нижегородскаго Поволжья". Здѣсь помѣщены очерки дѣятельности и біографическія свѣдѣнія общественнаго дѣятеля Переплетчикова, извѣстной актрисы Косицкой, музыкальнаго критика Улыбышева и пр. Вездѣ и всегда Александръ Серафи-

*) См. далѣе перечень его статей.

мовичъ оставался вѣренъ разъ принятому направленію и разъ установившемуся у него взгляду на задачи мѣстной провинціальной литературы. Всѣми силами онъ отстаивалъ право провинціи на литературную жизнь. „Петербургъ безъ провинціи, какъ выразился онъ,—модная шляпа безъ туловища“ („Смерть провинціи или нѣтъ“, стр. 20).

Литературные труды Александра Серафимовича помѣщены въ разное время въ 21 періодическомъ изданіи. Первый его, начаточный литературный трудъ былъ помѣщенъ въ сатирическомъ журналѣ „Искра“ 3 іюля 1859 г. подъ названіемъ „Изъ записокъ офицера“.

Таковы внѣшніе, такъ сказать офиціальные факты изъ жизни и дѣятельности Александра Серафимовича Гацискаго. Что касается до его духовной жизни, до его міросозерцанія и того, что можно назвать его „убѣжденіями“, и какъ эти убѣжденія сложились, какая связь ихъ съ общимъ теченіемъ жизни русскаго общества за послѣднее полстолѣтіе, то время не только для ихъ оцѣнки, но и для простого изложенія врядъ-ли наступило. Такая оцѣнка есть ничто иное, какъ отчетъ въ томъ, какъ человѣкъ распорядился тѣмъ запасомъ духовныхъ силъ, которыя удѣлила ему природа. А подобный отчетъ долженъ быть данъ безпристрастнымъ цѣнителемъ и лицомъ, безстрастно относящимся къ личности, ни чѣмъ несвязаннымъ съ нею. Этимъ безпристрастнымъ цѣнителемъ можетъ быть потомство.

ПИСЬМА

полученныя А. С. Гацискимъ по случаю тридцатилѣтняго литературнаго юбилея.

„Лѣтописцу Нижегородскаго Поволжья“ отъ наборщиковъ и печатниковъ Нижегородской губернской типографіи.

Многоуважаемый Александръ Серафимовичъ!

Набирая Ваши статьи и печатая ихъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, мы, безвѣстные труженики печатнаго слова, первые явились проводниками Вашихъ идей въ жизнь, облекая ихъ въ живые образы и формы. Этотъ знаменательный процессъ научилъ насъ многому доброму, свѣтлому и полезному, а прежде всего познакомилъ насъ съ роднымъ краемъ и его дѣятелями.

Въ настоящій торжественный день Вашей тридцатилѣтней учено-литературной дѣятельности и мы позволяемъ себѣ присоединиться къ людямъ, которые шлютъ и приносятъ Вамъ теплыя пожеланія, чтобы и дальнѣйшіе Ваши труды, преслѣдуя тѣ же свѣтлыя цѣли, были также благотворны, какъ они были благотворны въ продолженіе тридцати лѣтъ. Дмитрій Пчелинъ. Николай Ивановъ. Ермилъ Соболевъ. Дмитрій Смирновъ. Николай Грудинъ.

Алупка, 25 іюня.

Милостивый Государь,
Александръ Серафимовичъ!

Въ день тридцатилѣтія Вашей честной и плодотворной литературно-общественной дѣятельности примите теплое поздравленіе отъ собрата. Желаю Вамъ многихъ и многихъ трудовыхъ годовъ.

Примите увѣреніе въ искреннемъ моемъ уваженіи. Готовый къ услугамъ Викторъ Гольцевъ.

Съ добрымъ искреннимъ чувствомъ читалъ я Ваши дорогія строки милый collega; отъ нихъ повѣяло молодостью, той свѣтлой незабвенной порой, когда люди не стыдились признавать свое нравственное взаимодѣйствіе другъ на друга.

Въ этомъ была наша сила и не въ этомъ-ли кроется причина того, что, пройдя длинный путь жизни, мы не засохли, не очерствѣли, сохранивъ свои идеалы, свою вѣру въ правду, въ добро, въ свободу, что у насъ, стариковъ, по выраженію Шевченко:

„.......нема
Зерна неправды за собою!»

Привѣтствую Васъ старый добрый товарищъ, привѣтствую Вашъ тридцатилѣтній умственный трудъ, упорный, спокойный и объективный. Какъ мало остается насъ, людей того незабвеннаго періода русской жизни (конца 50-хъ годовъ), который теперь такъ повадно и модно забрасывать грязью....

Ну, да продлитъ судьба Вашу честную, рабочую жизнь и да поможетъ она мнѣ столь-же отзывчиво и горячо привѣтствовать Вашъ сорокалѣтній юбилей, какъ я чествую нынѣ тридцатилѣтній.

Pereat tristitia pereant osores. 1889 г. іюля 1/13. Вашъ Н. Соковнинъ.

Многоуважаемый Александръ Серафимовичъ!

Сердечно, отъ души поздравляю Васъ со днемъ тридцатилѣтней литературной Вашей дѣятельности, столь тяжелой у насъ вездѣ, а въ провинціи въ особенности. Ваши труды по исторіи и статистикѣ нижегородскаго края давно уже доставили почетную извѣстность Вашему имени

среди образованныхъ людей, и потому, конечно, нижегородцы въ этотъ день вспомнятъ Вашу дѣятельность. Позвольте же и мнѣ. Вашему земляку, пожелать Вамъ въ этотъ день здоровья и терпѣнія еще долго, долго продолжать Вашу дѣятельность на пользу русскаго дѣла вообще и нижегородскаго края въ особенности —Искренно Вамъ преданный Евгеній Бѣловъ. 28 іюня, 89 г. Пер. Парголово.

Кронштадтъ, іюня 29.

Милостивый Государь,
Г. Гацискій!

Привѣтствую отъ души Васъ, какъ почтеннаго общественнаго дѣятеля и собрата по перу. Что пожелать Вамъ! Дожить до торжественнаго празднованія пятидесятилѣтія неустанной, полезной дѣятельности.

Шлю Вамъ это ожиданіе. Очень можетъ быть и Вы пѣвали пѣсню эту въ молодости. Да благословитъ Господь Вашу дальнѣйшую дѣятельность.—Искренно уважающій Васъ флотскій врачъ Николай Вакуловскій.

Милостивый Государь,
Александръ Серафимовичъ!

Привѣтствую Васъ съ торжественнымъ днемъ Вашей тридцатилѣтвей учено-литературной дѣятельности. Дай Вамъ Богъ поработать на этомъ поприщѣ труда еще столько же и съ тѣмъ же успѣхомъ, и съ той же славой!

Примите, Александръ Серафимовичъ, увѣреніе въ истинномъ къ Вамъ почтеніи и преданности.
3-го іюля 1889 г. Ѳ. Маракинъ.

Мценскъ 28/VI. 1889.

Милостивый Государь,
Александръ Серафимовичъ!

Позвольте мнѣ, какъ земляку и человѣку, глубоко Васъ уважающему, принять участіе въ Вашемъ праздникѣ и присоединить мои привѣтствія съ поздравленіемъ лицъ, Вамъ близкихъ по духу и дѣятельности.

Уже давно привыкъ я почитать въ лицѣ Вашемъ одного изъ лучшихъ литературныхъ и ученыхъ дѣятелей, сумѣвшаго трудами своими принести громадную пользу въ дѣлѣ познанія одной изъ наиболѣе просвѣщенныхъ провинцій нашего государства. Ни обычная скудость провинціальныхъ средствъ, ни другія внѣшнія неудобства, столь затрудняющія всякія ученыя изслѣдованія въ нашихъ провинціяхъ, не помѣшали Вамъ столь плодотворно разработывать исторію и статистику родины. Желаю Вамъ здоровья и энергіи еще на многіе-многіе годы, на пользу нашей родной губерніи и отечественной науки.—Глубоко Васъ уважающій профессоръ К. Линдеманъ.

Милостивый Государь,
Александръ Серафимовичъ!

Въ достопамятный для провинціи день тридцатилѣтняго служенія Вашего родной литературѣ позвольте и мнѣ, незамѣтному работнику на той же нивѣ, выразить искреннее по этому случаю поздравленіе съ пожеланіемъ, чтобы на долгое еще время не слабѣли силы Ваши, не уставала рука и чтобъ изъ-подъ пера Вашего какъ можно дольше лилось то живое слово, которое служило служитъ и будетъ служить намъ примѣромъ, что „провинція не умерла“, что есть въ „Поволжьи люди“, которыми можетъ гордиться наша родина.

Съ почтеніемъ имѣю честь быть Вашъ покорнѣйшій слуга П. М. Бабниковъ.

18 $\frac{6}{2}$ 89.

Многоуважаемый Александръ Серафимовичъ!

Узнавъ, что 3 іюля Нижній-Новгородъ собирается праздновать 30-лѣтіе Вашего служенія отечественной наукѣ, спѣшу присоединить и мое сердечное привѣтствіе къ числу тѣхъ, которыя выскажутъ Вамъ въ этотъ день многочисленные Ваши почитатели.

День этотъ не только Вашъ личный праздникъ, онъ составляетъ событіе для Нижняго Новгорода, который учено-литературная дѣятельность Ваша выдѣляетъ изъ числа прочихъ провинціальныхъ городовъ Россіи. Поэтому я вдвойнѣ, какъ лично Вамъ искренно преданный товарищъ, и какъ нижегородецъ, принимаю живое участіе въ Вашемъ праздникѣ и прошу Васъ принять отъ меня пожеланіе еще многихъ и многихъ лѣтъ жизни и здоровья для продолженія Вашей славной дѣятельности по изученію Россіи.

Съ истиннымъ почтеніемъ преданный Вамъ Эд. Линдеманъ. Пулково 30 іюня 1889 г.

Черное, станц. н.-м. ж. д.

Многоуважаемый Александръ Серафимовичъ!

Позвольте Вашему скромному учителю (въ оны дни) принести сердечное поздравленіе и привѣтъ, по случаю исполнившагося 30-лѣтія Вашей литературной дѣятельности. На Вашемъ посту секретаря нижегородскаго статистическаго комитета *) Вы сдѣлали и потрудились немало, сдѣлали даже болѣе, чѣмъ можно было ожидать при скромныхъ средствахъ, какъ матеріальныхъ, такъ и моральныхъ; значитъ, Вы *работали болѣе всѣхъ*. Честь Вамъ и хвала! Недаромъ-же Вы считались всегда (прессой) однимъ изъ видныхъ провинціальныхъ литературныхъ дѣятелей. Это доказываютъ изданные Вами томы...

Справедливо можно надѣяться, что и на новомъ посту (предсѣдателя ученой архивной коммиссіи) Вы сдѣлаете еще болѣе (вступленіе—Вашъ „Нижегородскій Лѣтописецъ") на пользу отечественной исторіи и древностей.

Такъ дай же Вамъ Богъ здоровья и долгой плодотворной литературной и общественной дѣятельности! Очень сожалѣю, что не могу (по нездоровью и отсутствію изъ Нижняго) лично выразить Вамъ всѣхъ сердечныхъ пожеланій.

Весь Вашъ А. Мартыновъ. 2 іюля 1889.

Глубокодушевноуважаемый Александръ Серафимовичъ!

Сейчасъ вычиталъ о Вашемъ юбилеѣ. Поздравляю и радуюсь всею душею, что Ваши истинно полезныя и разнообразныя заслуги обществу вообще и нижегородскому въ частности оцѣнены симъ послѣднимъ достойнымъ образомъ. Ко всѣмъ почитателямъ Вашимъ прошу считать и меня сердечно присоединяющимся. Сожалѣю, что узналъ поздно, ато и я бы мысленно, а можетъ быть, и письменно присоединился къ Вамъ тогда-же, въ струяхъ родныхъ мнѣ водъ Оки и Волги на пароходѣ «В. К. Марія» съ задушевнымъ привѣтствіемъ. Теперь немного поздно, но лучше поздно, чѣмъ никогда. Авось не опоздано сдѣлать вовремя достойный привѣтъ Вамъ, когда Вы праздновать будете 50-лѣтній юбилей. Во всякомъ случаѣ буду молиться, чтобы таковой состоялся.

Сегодня „Нижегородскій Биржевой Листокъ" попалъ въ мои руки уже въ 9 час. вечера. Не желая ни минуты откладывать, беру перо и шлю Вамъ эти узорныя строки.

Съ великимъ уваженіемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть Вашимъ покорнѣйшимъ слугою Архимандритъ Андрей. 5 іюля 1889 г.

Станція «Вязники» нижег. ж. д. 15/VII 89 г.

Глубокоуважаемый Александръ Серафимовичъ!

Будучи въ Нижнемъ 13 іюля, я случайно узналъ, что 3 іюля праздновали тридцатилѣтіе Вашихъ трудовъ на пользу развитія областной самостоятельной жизни и мысли. Живя въ глухомъ захолустьи, я не зналъ объ этомъ и крайнѣ сожалѣю, что своевременно не присоединилъ и свой голосъ къ голосу людей, уважающихъ Васъ и сочувствующихъ Вамъ. Вы, уважаемый Александръ Серафимовичъ, какъ истинный русскій труженикъ мысли, настолько были скромны, что не приняли мѣръ къ оповѣщенію возможно широкому о предстоящемъ празднествѣ разбросанныхъ по дальнимъ и близкимъ захолустьямъ преданныхъ Вамъ лицъ. Между тѣмъ, какъ празднованіе по заслугамъ такого искренняго и безкорыстнаго труженика, какимъ были Вы въ теченіи 30 лѣтъ, несомнѣнно приноситъ нравственную пользу, приводя въ духовное единеніе и поддерживая бодрость духа у всѣхъ, кто раздѣляетъ Ваши мысли и Ваши чувства.

---

*) Почти со дня его основанія.

Признаніе заслугъ областнаго провинціальнаго дѣятеля, помимо уже нравственной оцѣнки его, какъ личности (что тоже немаловажно, такъ какъ въ переживаемое нами тусклое время общей почти безпринципности рѣдки примѣры твердой и честной работы на общую народную пользу, слѣдовательно, каждый такой примѣръ есть укоръ существующему порядку и добрый примѣръ для подражанія), имѣетъ еще и то весьма важное общее значеніе, что доказываетъ полнѣйшую возможность существованія и развитія областной самостоятельной умственной жизни. Поглощенные центрами, лучшія провинціальныя силы по большей части пропадаютъ безслѣдно, какъ для общаго дѣла, такъ въ частности и для своей мѣстности, и наоборотъ, мѣстная сила, хотя-бы и единичная личность, посвятившая себя на изученіе мѣстной жизни, всегда можетъ соединить вокругъ себя и подчинить руководящей идеѣ всегда имѣющееся, хотя обыкновенно убиваемое общею безпринципностью и вялостью, стремленіе человѣческой природы къ правдѣ и добру.

Вы, многоуважаемый Александръ Серафимовичъ, немало потрудились для Нижняго и области Нижегородской; своимъ вліяніемъ на окружающихъ Вы немало сдѣлали добра и побуждали дремавшія общественныя силы на дѣланіе этого добра для настоящаго и будущаго. Какъ общественный дѣятель Вы вносите въ исторію общественнаго развитія Нижняго чрезвычайно симпатичную страницу; труды Ваши, касающіеся самой сущности народныхъ нуждъ и потребностей, всегда будутъ добрымъ примѣромъ, какъ для современниковъ, такъ и для будущихъ поколѣній. Хотя нѣсколько и поздно, но шлю и я Вамъ свой привѣтъ искренній и душевный съ пожеланіемъ здоровья и всякаго благополучія. Крѣпко пожимаю Вашу руку. Преданный и уважающій Васъ В. Корсаковъ.

Многоуважаемый Александръ Серафимовичъ!

Прошу принять и мой запоздалый привѣтъ по поводу 30-лѣтія Вашей литературной и общественной дѣятельности. Искренно желаю, чтобъ въ теченіи новыхъ десятилѣтій Вы не оставляли пера ради общественной дѣятельности и общественной дѣятельности ради пера, но попрежнему плодотворно служили-бъ тѣмъ и другимъ путемъ народу. Глубокоуважающій Васъ Ап. Карелинъ.

Быть можетъ скоро буду имѣть удовольствіе видѣть Васъ въ Нижнемъ.

Многоуважаемый Александръ Серафимовичъ!

Только что узналъ я изъ газетъ о днѣ тридцатилѣтняго юбилея Вашей литературной дѣятельности и спѣшу выразить по этому случаю искреннѣйшія, горячія пожеланія на счастливое продолженіе Вашей полезной дѣятельности, преуспѣяніе которой уже показало Васъ какъ честнаго общественнаго дѣятеля и какъ неизмѣнно вѣрнаго разъ избранному пути литератора, посвятившаго свои силы на выясненіе экономическаго, общественнаго и историческаго положенія и значенія родного края.

Примите искреннія мои пожеланія, какъ слабую дань за тѣ Ваши заслуги, которыя Вы приносите обществу и которыя общество не можетъ не цѣнить.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ и совершеннымъ къ Вамъ почтеніемъ навсегда пребываетъ къ Вамъ Вашъ искренній слуга и почитатель Ѳ. Желтовъ. Село Богородское 12 іюля 1889 г.

Глубокоуважаемый Александръ Серафимовичъ!

Помня знаменательный для Васъ день 3 іюля 1889 г., приношу Вамъ изъ далекой Бессарабіи мое искреннѣйшее поздравленіе по случаю исполнившагося сегодня 30-лѣтія Вашей полезной и неутомимой литературной дѣятельности, и отъ всей души желаю Вамъ добрыхъ силъ и цвѣтущаго здоровья для продолженія Вашихъ цѣнныхъ трудовъ и работъ.

Искренно сожалѣю, что лишенъ удовольствія поздравить Васъ лично и отпраздновать сегодняшній день вмѣстѣ съ Вами.

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ глубокомъ уваженіи и душевной преданности Вашего покорнѣйшаго слуги Н. Вучетичъ. Г. Аккерманъ 3 іюля 1889 г.

Сельцо Аргтихадда, бл. Казани. 7 іюля 1889 г.

Многоуважаемый Александръ Серафимовичъ!

Только вчера узналъ изъ газетъ о чествованіи Вашего литературнаго юбилея 3 іюля и спѣшу принести поневолѣ запоздалое, но искренно-сердечное поздравленіе съ Вашимъ многополезнымъ

и дѣятельнымъ тридцатилѣтнимъ служеніемъ интересамъ Поволжья на поприщѣ литературномъ. Глубоко сожалѣю, что не зналъ раньше о днѣ юбилея: пріѣхалъ бы лично, или, по крайней мѣрѣ, прислалъ бы телеграмму 3 іюля.

Душевно желаю, чтобы надолго Ваше талантливое перо продолжало подвизаться на пользу нашего края и льщу себя надеждою, что при пятидесятилѣтнемъ Вашемъ юбилеѣ буду имѣть возможность лично провозгласить тотъ тостъ, который теперь приношу заочно: многая лѣта Александру Серафимовичу Гацискому! Глубокоуважающій и искренно преданный Д. Корсаковъ.

Глубокоуважаемый и достойный всякаго почитанія
Александръ Серафимовичъ!

Только что прочиталъ я въ газетѣ о чествованіи нижегородцами Вашей тридцатилѣтней литературной дѣятельности 3 іюля... Глубоко скорблю я, что ранѣе не зналъ объ этомъ торжественномъ днѣ Вашей жизни, чтобы вовремя, вмѣстѣ съ другими, чествовать, хотя-бы заочно Вашу многополезнѣйшую дѣятельность.. Но лучше поздно, чѣмъ никогда,—позвольте и мнѣ во всю прыть, издали, прокричать: да здравствуетъ труженикъ гражданинъ Нова-града, земли Низовской, знаменитый Александръ Серафимовичъ, на многая, многая, многая лѣта!.. —Съ чувствомъ безграничнаго къ Вамъ уваженія имѣю честь быть преданнѣйшій Вамъ священникъ Константинъ Веселовскій 8 іюля 1889 года, г. Вязники.

Ваше Высокоблагородіе,
Александръ Серафимовичъ!

Съ сердечнымъ удовольствіемъ прочиталъ я въ № 149 „Нижегородскаго Биржеваго Листка", справедливо оцѣненныя всѣми нижегородскими сословіями Ваше высокое образованіе, многосторонняя опытность и неутомимый трудъ на благо святой своей родины. Обладая всѣми этими рѣдко соединяющимися въ одномъ человѣкѣ дарами свыше, Вы въ продолженіе тридцати лѣтъ по многимъ городскимъ учрежденіямъ представляли собою неугасаемый свѣтильникъ, освѣщающій путь къ общественному благу.

Позвольте мнѣ съ такимъ слабымъ выраженіемъ душевныхъ чувствъ моихъ быть участникомъ въ отпразднуемомъ въ честь Вашу юбилеѣ всею семьею Вашихъ согражданъ.

Ко всему этому да низойдутъ за подъятый Вами трудъ милость Августѣйшаго нашего Монарха, а благословеніе Царя царствующихъ за избранное Вами святое дѣло.

Прошу Васъ принять увѣреніе въ безпредѣльномъ почтеніи, глубочайшемъ уваженіи покорнѣйшаго слуги. Нижегородской губерніи макарьевскій 2-й гильдіи купецъ Иванъ Петровъ Доминнъ. 6 іюля 1889.

Редактора „Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостей", Георгія Петровича Демьянова. 1889 г. 3 іюля.

Уважаемый Александръ Серафимовичъ!

Я счастливъ, что въ знаменательный день 30-лѣтняго юбилея Вашей литературно-ученой дѣятельности я привѣтствую Васъ, какъ редакторъ газеты, редактированной Вами 30 лѣтъ тому назадъ, хотя искренно скорблю, что болѣзнь мѣшаетъ мнѣ сдѣлать это лично.

Ваше имя мнѣ было извѣстно еще на школьной скамьѣ, но оно стало для меня дорогимъ и близкимъ съ той поры, когда 16 лѣтъ тому назадъ я пріѣхалъ въ Нижегородскую губернію учителемъ и „Нижегородское Поволжье" сдѣлалось для меня второй родиной. Такимъ образомъ я былъ свидѣтелемъ Вашихъ трудовъ, озарявшихъ истиннымъ свѣтомъ родной край и служившихъ для меня книгой, которая научила и познакомила, вѣроятно не меня одного, съ „Нижегородскимъ Поволжьемъ" и его дѣятелями.

Сегодня, въ знаменательный день Вашей жизни, привѣтствуя Васъ, дорогой учитель и коллега, искренними и сердечными пожеланіями, я выразилъ свои завѣтныя мысли и чувства, проникнутыя симпатіями къ Вамъ и Вашей дѣятельности.

Пошли Вамъ Богъ здоровья и силъ твердо идти по свѣтлому, хотя иногда скорбному и тяжелому, пути, которому Вы посвятили 30 л. своей жизни, отдавъ лучшія силы на служеніе идеѣ свѣта, добра и знаній.

Я буду безгранично радоваться, если на мою долю выпадетъ привѣтствовать Васъ и Вашу дѣятельность теплыми и лучшими пожеланіями еще десятки лѣтъ и не менѣе буду радъ, если

учено-литературный міръ оцѣнитъ по заслугамъ труды своего собрата, а родное «Нижегородское Поволжье» дѣятельность своего истиннаго дѣятеля.

Прошу принять увѣреніе въ глубокомъ и искреннемъ уваженіи къ Вамъ Вашего покорн. сл. Г. Демьяновъ.

Духа не угашайте,
Глубокоуважаемый Александръ Серафимовичъ!

Привѣтствую Васъ съ совершившимся тридцатилѣтіемъ Вашей ученой и литературной дѣятельности, торжественно чествуемой въ соединенномъ засѣданіи нижегородскаго губернскаго статистическаго комитета и нижегородской губернской ученой архивной комиссіи; сердечно желаю Вамъ здоровья и впредь того же плодотворнаго успѣха въ глубоко ученыхъ трудахъ Вашихъ на многія лѣта и долгіе годы.

Примите увѣреніе въ искреннемъ почтеніи и совершенной преданности Вашего покорнѣйшаго слуги Николая Стромилова. Владиміръ 4 іюля 1889.

Высокочтимый Александръ Серафимовичъ!

Достойное Ваше тридцатилѣтнее служеніе печатному слову, въ особенности мѣстной исторіи, археологіи и статистикѣ побуждаетъ меня, скромнаго служителя печатнаго слова, присоединиться къ общему голосу всѣхъ чествующихъ Васъ и изъ сельской тиши выразить Вамъ, глубокоуважаемый Александръ Серафимовичъ, мое сердечное привѣтствіе.

Поздравляя Васъ съ совершившимся тридцатилѣтіемъ Вашей многоплодной учено-литературной дѣятельности, надѣюсь, что Ваша литературная и общественная дѣятельность, при Божіемъ благословеніи, продлится на многія и многія лѣта.... Искренно уважающій Васъ Василій Виноградовъ, учитель дуденевскій. 3 іюля 1889 года, село Дуденево.

Милостивый Государь,
Александръ Серафимовичъ!

Прошу Васъ принять и отъ меня сердечное мое привѣтствіе по случаю празднованія сего 3 іюля тридцатилѣтняго юбилея Вашей литературной дѣятельности.

Да послужитъ настоящій юбилейный день для Васъ живымъ и вѣчнымъ свидѣтельствомъ тѣхъ чувствъ, кои воодушевляютъ каждаго изъ насъ принести Вамъ настоящее наше поздравленіе.

Заслуги Ваши общеизвѣстны и несомнѣнны: ихъ призналъ весь образованный міръ, но намъ приходится привѣтствовать въ лицѣ Вашемъ не только, какъ ученаго литератора, но и какъ современнаго и полезнѣйшаго по многоразличнымъ городскимъ учрежденіямъ нашего общественнаго дѣятеля.

Да продлятся еще надолго счастливые Ваши годы и да преуспѣваютъ Ваши, какъ литературная, такъ и общественная дѣятельность на пользу науки и на пользу тѣхъ общественныхъ учрежденій, которымъ Вы такъ много посвящаете Вашего времени. Нижегородскій мѣщанскій староста Матвѣй Лебедевъ. 3 іюля 1889 года, Нижній-Новгородъ.

Милостивый Государь,
Александръ Серафимовичъ!

Хотя я и недавно еще считаюсь нижегородцемъ, но знакомый съ славнымъ именемъ юбиляра, еще задолго до прибытія своего въ предѣлы Нижегородской губерніи, присоединяюсь къ сочувственнымъ желаніямъ своихъ сослуживцевъ—Богородскаго и Заварзина, когда-то стоявшихъ въ ряду служащихъ по министерству народнаго просвѣщенія, и привѣтствую Васъ, многоуважаемый Александръ Серафимовичъ, съ радостнымъ днемъ нынѣшняго торжества, желая Вамъ на многіе годы добраго здоровья на пользу и прославленіе дорогой родины.

Покорнѣйше прошу принять увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и искренней преданности. Николай Хоненевъ, княгининскій исправникъ. іюля 3 дня 1889 г.

Милостивый Государь,
Александръ Серафимовичъ!

Примите мое искреннее поздравленіе по поводу тридцатилѣтія Вашей литературной дѣятельности и сердечное пожеланіе Вамъ добраго здоровья и долгихъ лѣтъ жизни; да процвѣтаетъ, вмѣстѣ

съ тѣмъ, подъ Вашимъ предсѣдательствомъ наша нижегородская ученая архивная коммиссія на пользу науки и исторіи края.

Прошу Васъ, глубокоуважаемый Александръ Серафимовичъ, вѣрить въ искреннюю преданность и полное почтеніе Вашего покорнѣйшаго слуги Д. Минхъ. Станція Полчаниновка, 30 іюня 1889 года.

Глубокоуважаемый Александръ Серафимовичъ,
слухомъ земля полнится!

Случайно получивъ извѣстіе, что 3 іюля исполняется тридцать лѣтъ Вашей славной общественно-литературной дѣятельности, посвященной достолюбезному всѣмъ намъ, русскимъ людямъ, Нижегородскому краю, спѣшу искреннимъ сердцемъ привѣтствовать Васъ въ этотъ достопамятный день и сердечно желаю Вамъ добраго здоровья и многія лѣта Вашимъ неутомимымъ трудамъ и Вашей беззавѣтной преданности научнымъ интересамъ мѣстной исторіи и общественности на пользу и на славу достославнаго Нижегородскаго края. Преданный Вамъ Ив. Забѣлинъ. 2 іюля 89 г. Химки.

Милостивый Государь,
Александръ Серафимовичъ!

По случаю отъѣзда изъ Нижняго, я, къ величайшему моему сожалѣнію, не могъ принять участія въ собраніи, 3 іюля, гг. членовъ статистическаго комитета и ученой архивной коммиссіи.

Только что возвратясь въ городъ, спѣшу привѣтствовать Васъ на рубежѣ тридцатилѣтней литературной дѣятельности Вашей и искренно пожелать, чтобы Вы еще долго и такъ же, какъ прежде плодотворно, ревностно и неусыпно трудились на пользу родного края.

Примите увѣреніе въ глубокомъ уваженіи, совершенномъ почтеніи и преданности Вашего покорнѣйшаго слуги В. Конисскаго. 6 іюля 1889 г.

Уполномоченнаго по всѣмъ дѣламъ Высочайше утвержденнаго въ 1843 г. пароходнаго общества «По Волгѣ». Нижній-Новгородъ, 3 іюня 1889 года, № 389.

Милостивый Государь,
Александръ Серафимовичъ!

Сегодня день 30-лѣтняго служенія Вашего литературному дѣлу. Помимо моего личнаго уваженія къ подобному труду, я, какъ представитель старѣйшаго пароходнаго общества на Волгѣ, отъ его имени имѣю честь принести поздравленіе со столь продолжительной и неизмѣнно почтенной дѣятельностью Вашей.

Не находя ничего существеннаго, чѣмъ можно было бы подкрѣпить свидѣтельство своего уваженія, я позволяю себѣ покорнѣйше просить Васъ сдѣлать намъ честь быть почетнымъ пассажиромъ общества въ томъ случаѣ, если бы Вамъ встрѣтилась надобность ѣхать по Волгѣ.

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ глубокомъ почтеніи къ Вамъ и преданности А. Захарьина.

Директора нижегородскаго графа Аракчеева кадетскаго корпуса. Іюля 3 дня 1889 г., № 2974. Нижній-Новгородъ.

Милостивый Государь,
Александръ Серафимовичъ!

Позвольте сердечно поздравить Васъ, какъ отъ себя, такъ и всѣхъ чиновъ ввѣреннаго мнѣ корпуса съ знаменательнымъ для Васъ днемъ и искренно пожелать Вамъ еще на многіе годы продолженія Вашей плодотворной и полезной для края литературной дѣятельности.

Общее сочувствіе и уваженіе, выраженныя такъ явно всѣми жителями Нижняго-Новгорода, лучшая награда за Ваши труды.

Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности. Глубоко уважающій и искренно преданный А. Завадскій.

Многоуважаемый Александръ Серафимовичъ!

Я, какъ единица цѣльной губерніи, не разъ Вами пересчитанной и обслѣдованной со всѣхъ возможныхъ сторонъ, считаю для себя за особенное удовольствіе выразить Вамъ въ славный для Васъ день 30-лѣтняго литературнаго поприща свое сердечное привѣтствіе и пожелать, чтобы мощная рука Ваша надолго не разставалась съ перомъ, а съ прежней энергіей и неутомимостью работала на пользу родного Поволжья. Съ искреннимъ уваженіемъ къ Вамъ имѣю честь быть врачъ Ив. Милотворскій. 3 іюля 1889 г. Г. Семеновъ.

Милостивый Государь,
Многоуважаемый Александръ Серафимовичъ!

Въ числѣ многочисленныхъ и почтенныхъ научныхъ и литературныхъ трудовъ Вашихъ есть немало такихъ работъ, которыя близко и непосредственно касаются церковной археологіи, исторіи и духовнаго просвѣщенія мѣстнаго края,—поэтому, думае:ся мнѣ, всякій, кому дороги духовное просвѣщеніе и понятно значеніе исторической науки и соединеннаго съ нею труда изслѣдованія, чувствомъ нравственнаго долга обязывается отдать Вамъ, Александръ Серафимовичъ, дань нелицемѣрнаго почтенія и уваженія за Ваши неутомимые и плодотворные труды, которыми Вы дѣлали и дѣлаете цѣнный вкладъ не только въ мѣстную литературу, но и вообще русскую литературу и науку.

Въ Вашихъ трудахъ достойно вниманія и сочувствія особенно то, что Вы съ безпристрастіемъ честнаго историка и съ правымъ сердцемъ трезваго изслѣдователя относились и относитесь ко всѣмъ явленіямъ минувшей жизни и въ изображеніи дѣятельности и характеровъ людей всегда имѣли на первомъ планѣ—воздать каждому должное, не умаляя ни чьихъ заслугъ изъ какой-либо предвзятой мысли.

Въ частности, отношеніе Ваше къ лицамъ духовнаго званія, какъ отошедшимъ въ вѣчность, такъ и современнымъ дѣятелямъ изъ нихъ, насколько Вы касались и касаетесь ихъ своей оцѣнкой, всегда было и есть добросердечное и доброжелательное. Вотъ почему и духовныя лица мѣстнаго края, начиная съ нижегородскихъ архипастырей и кончая сельскими священниками, всегда цѣнили и цѣнятъ Васъ по достоинству. Многіе изъ сельскихъ священниковъ, соревнуя Вашему труду и подражая Вашему примѣру, принимали участіе въ производимыхъ Вами статистическихъ и историческихъ работахъ, выражая тѣмъ сочувствіе и вниманіе, какъ къ Вашей личности, такъ и Вашему полезному и святому дѣлу, какимъ справедливо назвать изученіе и изслѣдованіе родной, русской старины. Позвольте и мнѣ, какъ одному изъ лицъ, принадлежащихъ къ духовному вѣдомству, выразить предъ Вами мою благодарность за Ваши почтенные и полезные труды, несомнѣнно имѣющіе значеніе и для духовнаго просвѣщенія. Позвольте пожелать Вамъ и еще - много и много лѣтъ потрудиться на литературномъ и общественномъ поприщѣ съ тѣмъ же знаніемъ и искусствомъ, съ тою же энергіей и пользою, съ какими Вы трудились въ теченіе 30 лѣтъ лучшей и цвѣтущей Вашей жизни. Честь и благодарность Вамъ, какъ ученому труженику, талантливому литератору и полезному общественному дѣятелю излюбленнаго Вашего и родного Нижняго-Новгорода.

Примите увѣреніе въ совершенномъ и искреннемъ моемъ почтеніи къ Вамъ, съ какимъ имѣю честь быть покорн. Вамъ слуга Григорій Полисадовъ.

Село Хохлома.

Высокоуважаемый Александръ Серафимовичъ!

Чѣмъ шире и сложнѣе обнимаемая задача, тѣмъ выше цѣнится значеніе сотрудничества. Изслѣдователи экономической жизни народа, ходомъ работъ приведенные въ самый отдаленный край Нижегородской губерніи, мы не можемъ не оцѣнить высокаго значенія труда того, кто наполовину облегчилъ намъ задачу изученія промышленно-бытовой жизни мѣстнаго населенія. Безъ Вашихъ указаній, многоуважаемый Александръ Серафимовичъ, безъ Вашего всепроникающаго взгляда и трудолюбія, опередившаго насъ даже въ этомъ неизслѣдованномъ углу губерніи, мы остались бы наединѣ съ чуждыми и темными для насъ явленіями здѣшней промысловой дѣятельности. Позвольте же присоединиться и намъ въ общемъ чествованіи 30-лѣтія Вашей литературной и гражданской

дѣятельности и выразить нашу глубокую признательность и уваженіе Вамъ, піонеру въ изслѣдованіи мѣстныхъ промысловъ и достойному старшему сотруднику въ нашей общей работѣ.

Статистики нижегородскаго губернскаго земства: А. Соколовъ, Як. Сусловъ, Ал. Второвъ, Мих. Плотниковъ.

Многоуважаемый Александръ Серафимовичъ!

Сегодня исполнилось 30 лѣтъ дѣятельности Вашей на поприщѣ любимой и уважаемой отечественной литературы.

Вамъ мы обязаны многимъ за Ваши литературные труды. Въ особенности, какъ земскіе статистики, обязаны мы Вамъ за труды по изслѣдованію мѣстнаго края; мы идемъ теперь уже по готовому пути, проторенному Вами.

Позвольте же, многоуважаемый Александръ Серафимовичъ, въ день Вашего юбилея выразить Вамъ нашу искреннюю признательность за плодотворную и многолѣтнюю дѣятельность Вашу.

Привѣтствуемъ Васъ, какъ патріарха нижегородской статистики, какъ уважаемаго литературнаго дѣятеля и человѣка! Наше горячее душевное желаніе—видѣть Васъ еще многіе и многіе годы въ рядахъ славныхъ русскихъ литераторовъ!

Земскіе статистики южнаго отряда Семеновскаго уѣзда: Луппов, Александръ. Васильевъ, Петръ. Соколовъ, М. В. Добровольскій, Е. Лазаревскій, Ф. Ив.

Глубокоуважаемый Александръ Серафимовичъ!

Позвольте принести Вамъ поздравленіе по случаю исполнившагося 30-лѣтія со дня Вашего вступленія на литературное поприще. Ваши заслуги предъ провинціей въ качествѣ литератора, Ваши многочисленные труды по изученію нижегородскаго края въ разныхъ отношеніяхъ и, наконецъ, тѣсно связанная съ этими трудами Ваша симпатичная общественная дѣятельность—создали Вамъ такую извѣстность, что Вы уже давно занимаете одно изъ самыхъ почтенныхъ мѣстъ среди дѣятелей провинціальной литературы. Мы, въ качествѣ земскихъ статистиковъ, считаемъ долгомъ лишь упомянуть, что Ваши работы по изученію Нижегородской губерніи представляютъ для насъ особенно наглядное доказательство Вашихъ почтенныхъ заслугъ предъ обществомъ, а для насъ, статистиковъ, настолько полезны и интересны, что мы приносимъ Вамъ за нихъ нашу глубокую и искреннюю благодарность.

Село Ворсма 29 іюня 1889 года. Н. Богословскій. А. Борковъ. А. Звѣздинъ. Морозовъ, Вас. М. Кисляковъ. Д. Звѣревъ. А. Кисляковъ. Н. Титовскій. И. Селивановскій. Я. Вьюговъ.

Ростовскаго музея церковныхъ древностей. № 30. Іюля 9 дня 1889 года.

Господину Почетному Члену Ростовскаго музея церковныхъ древностей, Александру Серафимовичу Гацискому.

Милостивый Государь,
Александръ Серафимовичъ!

3 іюля 1889 года исполнилось тридцать лѣтъ Вашей полезной литературной дѣятельности. Позвольте намъ, Вашимъ сотоварищамъ, привѣтствовать Васъ съ этимъ знаменательнымъ днемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ пожелать Вамъ послужить еще долгіе годы на охраненіе древнихъ памятниковъ отъ современныхъ истребителей и на развитіе и освѣщеніе темныхъ сторонъ русской провинціальной жизни.

За товарища предсѣдателя А. Титовъ. Члены комитета Ив. Шляковъ. Священ. В. Мансветовъ.

Милостивый Государь,
Александръ Серафимовичъ!

Пользуясь честью лично быть извѣстнымъ Вамъ, вмѣняю себѣ въ лестное удовольствіе засвидѣтельствовать Вамъ поздравительное привѣтствіе съ исполнившеюся на третье число іюля годовщиною тридцатилѣтняго служебнаго труда Вашего на пользу отечественной литературы, при искреннемъ сочувствіи благожеланію Вашему, чтобы всѣ работы, Вами продолжаемыя и задуманныя, доведены были успѣшно до конца.

Прошу принять увѣреніе въ истинномъ почтеніи и совершенной преданности Вашего усерднѣйшаго слуги Андрея Пальмовскаго. 28 іюля 1889 г. Казань.

---

28 іюля 1889. Павловское.

Многоуважаемый Александръ Серафимовичъ!

Только надняхъ, изъ благодарственнаго письма, помѣщеннаго Вами въ „Новомъ Времени", я узналъ о празднованіи Вашего юбилея и искренно пожалѣлъ, что не зналъ о томъ раньше. Примите же хотя теперь мое запоздалое, но, повѣрьте, самое искреннее и задушевное привѣтствіе, скажу больше—мою глубокую благодарность за Ваши многочисленные, разнообразные и всегда любопытные и дѣльные труды о нижегородскомъ краѣ. Именно должно благодарить Васъ за Ваши труды, потому что всѣ они проникнуты желаніемъ и умѣньемъ изучать свой край. Вы всегда стойко преслѣдовали идею мѣстной литературы и своими работами показали, какъ много хорошаго можно сдѣлать въ этомъ отношеніи. Много легче стали теперь подобныя работы; но знаю, какъ не легки онѣ были въ то время, когда Вы ихъ начинали. Поэтому-то и должно особенно цѣнить и уважать Васъ, что Вы неуклонно выдерживали свою роль и, Богъ дастъ, еще долго не разстанетесь со своимъ дѣломъ.

Мы съ Вами старые пріятели, и если не ровесники, то во всякомъ случаѣ сверстники. Надѣюсь поэтому, что Вы примите мои слова такъ, какъ они сказаны, т. е. отъ души.

Еще разъ желаю Вамъ всего хорошаго и прошу не забывать искренно Вамъ преданнаго стараго товарища. Л. Майковъ.

Многоуважаемый Александръ Серафимовичъ!

Только вернувшись надняхъ изъ западнаго края, я узналъ о Вашемъ юбилеѣ и отъ всей души поздравляю Васъ и желаю продолженія Вашей честной дѣятельности и полезнаго литературнаго труда. Мнѣ нечего говорить Вамъ о моихъ къ Вамъ симпатіяхъ, насъ связываетъ уже исторія и исторія не внѣшнихъ фактовъ, а исторія душевной борьбы и страданій, а связь страданій—это самая крѣпкая связь въ мірѣ. Крѣпко жму Ваши руки и лобзаю Васъ въ уста, какъ своего брата по душѣ и по любви къ родинѣ.

Я особенно цѣню Васъ за то, что Вы удовлетворились скромной ролью нижегородскаго лѣтописца, въ чемъ и выразилась Ваша высокая любовь къ своему народу. Вашъ другъ и сотоварищъ Евгеній Рагозинъ. 4 сентября.

Выдержка изъ письма священника В. В. Владимірскаго.

Милостивый Государь,
Александръ Серафимовичъ!

„Лучше поздно, чѣмъ никогда". Я самый поздній, послѣдній, поздравляю Васъ, достоуважаемый Александръ Серафимовичъ, съ Вашимъ юбилейнымъ торжествомъ и шлю опоздалыя привѣтствія и искреннія благожеланія.

...... Любопытно, что «Записки офицера» въ наше время, между разной Герценовщиной, попадались въ семинаріи, конечно въ рукописяхъ. Я уже кончилъ курсъ, но долго не поступалъ на мѣсто, и, посѣщая знакомыхъ по школьной скамьѣ, я у кого-то прочиталъ эту вещицу, не зная, впрочемъ, ни имени журнала откуда выхвачено, ни имени автора этого этюда. Видно, настолько пьеска выдвигалась, что стоила списыванья.

...... Остаюсь съ моимъ давнишнимъ къ Вамъ глубокимъ уваженіемъ. Вашъ покорнѣйшій слуга Ардатовскаго уѣзда с. Череватова священникъ Василій Владимірскій. 1889 г. авг. 19 дня.

Выдержка изъ письма А. Соболева.

Милый Александръ Серафимовичъ!

....Шлю хотя и запоздалое, но искреннее и горячее привѣтствіе старому пріятелю, съ которымъ нѣкогда дѣлили хлѣбъ-соль и чувства и мотивы...

А такъ какъ къ юбиляру всего болѣе приличествуетъ обращаться, какъ ко временному богу, на языкѣ боговъ, то посему я разыскиваю мою, давно заброшенную лиру, настраиваю ее на самый высокій, торжественный ладъ и, замѣнивъ «простое *Вы* сердечнымъ *ты*», приступаю къ исполненію:

Провинція въ хвалебный хоръ слилась
И гимнъ поетъ тебѣ, литературный воинъ!...
Позволь и мнѣ въ сей хоръ свой вставить гласъ
(И на Москвѣ тебѣ хвала приберѣглась!)

Ты въ Нижнемъ высшаго почета удостоенъ,—
Правдивъ и по заслугамъ тотъ почетъ;
Но высшій судъ тебѣ не Нижній изрѣчетъ,—
На этотъ счетъ ты можешь быть спокоенъ,
Пусть мирно жизнь твоя отнынѣ потечетъ.
Когда же гулкая земная слава минетъ,
И ты изъ Нижняго на верхъ взлетишь, вѣрь мнѣ,
Тебя въ надзвѣздной вышинѣ
И самъ Всевышній не отринетъ,
А вѣрнымъ сыномъ нарѣчетъ....

За помарки прошу извиненія и пребываю навсегда преданнымъ. А. Соболевъ. 1889 г. іюля 19-е.

Нѣсколько характеристикъ литературной и общественной дѣятельности Александра Серафимовича, сдѣланныхъ во время обѣда въ честь его 3-го іюля 1889 г.

Рѣчь, сказанная врачемъ И. П. Кузнецовымъ.

Многоуважаемый Александръ Серафимовичъ!

Нижегородское общество, основывая стипендію Вашего имени въ нижегородской гимназіи, воспитанникомъ которой Вы были, достигаетъ, по моему мнѣнію, двухъ цѣлей: первая, ближайшая, это помощь своему ближнему во имя Васъ, вторая, на первый взглядъ болѣе отдаленная, но не менѣе важная цѣль заключается въ томъ, что общество однимъ основаніемъ этой стипендіи показываетъ тому, кто будетъ пользоваться ею, что оно желало бы, чтобы изъ юнаго мальчика впослѣдствіи выработался человѣкъ съ точно такими же взглядами на жизнь, какъ и Вы, Александръ Серафимовичъ. Какимъ же путемъ этотъ мальчикъ, будущій работникъ узнаетъ о Вашемъ личномъ характерѣ и о характерѣ Вашей общественной дѣятельности? Онъ можетъ узнать это отчасти изъ Вашей біографіи, которую, не сомнѣваюсь въ томъ, найдутся люди написать, и изъ книгъ, Вами самими написанныхъ. Поэтому, мнѣ кажется, слѣдовало бы, чтобъ то и другое находилось въ библіотекѣ нижегородской гимназіи. Сказавши эти немногія, но искренніи слова, я позволю себѣ пожелать Вамъ, многоуважаемый Александръ Серафимовичъ, чтобы Ваша многополезная дѣятельность продолжалась еще долгіе годы.

Рѣчь, сказанная К. Н. Скуридинымъ.

Многоуважаемый Александръ Серафимовичъ!

Тридцатилѣтній юбилей Вашъ соединилъ насъ, представителей разныхъ поприщъ общественной дѣятельности, для выраженія должной дани уваженія къ Вамъ, какъ мѣстному дѣятелю, такъ плодотворно трудившемуся для общества въ теченіе тридцати лѣтъ и подвести итоги Вашей многосторонней дѣятельности за это время. И дѣйствительно, здѣсь Васъ, какъ писателя, какъ изслѣдователя мѣстнаго края и общественнаго дѣятеля, вполнѣ и безпристрастно охарактеризовали. Позвольте же и мнѣ сегодня, какъ дѣятелю земско-медицинской сферы, указать на Вашу дѣятельность въ этой узкой колеѣ земско-общественнаго пути. Какъ дѣятель просвѣщенный, Вы всегда шли на встрѣчу практическимъ нуждамъ и потребностямъ общества, а потому Вы принимали дѣятельное участіе въ періодъ организаціи земской медицины, стараясь дать ей правильныя основы. Благодаря Вашимъ трудамъ и энергіи, она правильно развивалась, крѣпла и заняла въ заботахъ земства по праву принадлежащее ей не послѣднее мѣсто. По Вашей инициативѣ возникли болѣе правильные отчеты земскихъ врачей и медико-статистическія работы по описанію разныхъ селъ уѣзда и, наконецъ, благодаря Вашимъ стараніямъ возникъ вопросъ объ улучшеніи оспопрививанія.

Принося Вамъ сегодня выраженія глубокаго почитанія Вашей дѣятельности, позвольте выразить Вамъ пожеланіе праздновать еще разъ Вашъ юбилей, но уже пятидесятилѣтній.

Его же.

Милостивые Государи!

Позвольте мнѣ напомнить Вамъ объ одной, такъ сказать, приватной чертѣ Александра Серафимовича, чертѣ достойной подражанія и имѣющей прямую связь съ общественной дѣятельностью его. Я хочу напомнить Вамъ объ отношеніяхъ Александра Серафимовича къ учащейся нижегородской молодежи и преимущественно къ студентамъ университетовъ. Для многихъ изъ нихъ Александръ Серафимовичъ, благодаря своему общественному положенію, дѣлалъ и дѣлаетъ многое въ матеріальномъ отношеніи; благодаря ему, сколько нижегородцевъ студентовъ освобождалось отъ платы за право слушанія лекцій, сколько изъ нихъ получило черезъ него стипендій и разныхъ пособій и порою въ такомъ размѣрѣ, что они обезпечивали существованіе молодого человѣка въ теченіе трехъ или двухъ лѣтъ до окончанія курса въ университетѣ. А потомъ его внимательность и заботы о судьбѣ всякаго молодого человѣка, получившаго высшее образованіе и не находящаго возможности примѣнить свои знанія къ дѣлу! Опять многимъ онъ указывалъ пути, какъ дѣйствовать, за многихъ хлопоталъ. Въ настоящее время много лицъ, занимающихъ солидныя общественныя положенія не только въ Нижегородской губерніи, но и въ другихъ, обязаны Александру Серафимовичу тѣмъ, что вовремя данная матеріальная помощь давала возможность имъ довести высшее образованіе до конца. Словомъ, онъ одинаково доступенъ для всѣхъ: знакомыхъ и незнакомыхъ; къ нему обращаться съ рекомендательными письмами отъ тетушекъ и разныхъ вліятельныхъ старушекъ не надо. И всякій, обращающійся къ нему видитъ въ немъ дѣйствительную готовность и искреннее желаніе помочь дѣломъ, а не словами.

Давайте же, Милостивые Государи, отблагодаримъ Александра Серафимовича отъ лица своихъ товарищей по образованію, собравъ извѣстную сумму, чтобы уплатить за право слушанія лекцій за бѣднаго студента нижегородца въ Казанскомъ университетѣ, такъ какъ Александръ Серафимовичъ воспитанникъ этого университета.

Рѣчь Н. М. Сибирцева.

Александръ Серафимовичъ!

Здѣсь уже многіе характеризовали Вашу дѣятельность, какъ литератора въ собственномъ смыслѣ этого слова, этнографа и историка. Позвольте мнѣ, совсѣмъ съ другой стороны, изъ бокового угла почвовѣденія и геологіи, напомнить, что и эта область, область естествознанія, не забыта Вами въ Вашихъ работахъ. Въ 1875 году появилась Ваша почвенная карта Нижегородской губерніи въ 20-верстномъ масштабѣ; она приложена къ V тому «Нижегородскаго сборника», къ статьѣ: «Матеріалы для изученія хлѣбной производительности и хлѣбной торговли въ Нижегородской губерніи». Эта карта, а также различныя интересныя данныя о культурѣ и производительности почвъ мѣстнаго края, разсѣянныя въ упомянутой Вашей статьѣ, были въ числѣ немногихъ цѣнныхъ матеріаловъ, освѣщающихъ путь позднѣйшимъ изслѣдователямъ почвъ Нижегородской губерніи *). Не будучи естественникомъ по спеціальности, Вы, тѣмъ не менѣе, всегда относились съ просвѣщеннымъ вниманіемъ и сердечнымъ сочувствіемъ въ области Нижегородскаго Поволжья и по мѣрѣ возможности принимали въ нихъ живое участіе и словомъ и дѣломъ. Въ редактированномъ Вами «Нижегородскомъ сборникѣ» и «Сборникѣ въ память перваго русскаго статистическаго съѣзда» помѣщено не мало статей по естествознанію, въ которыхъ натуралисты, работающіе въ Нижегородской губерніи, найдутъ и находили уже много полезныхъ справочныхъ указаній по ихъ спеціальностямъ Укажу, напримѣръ, на Ваши статьи „о рыболовствѣ въ Нижегородской губерніи“, «о лѣсныхъ промыслахъ», «о сельско-хозяйственныхъ цѣнахъ» и т. п., а также на различныя статьи и замѣтки другихъ мѣстныхъ авторовъ по климатологіи, физической географіи, горному дѣлу и сельско-хозяйственнымъ промысламъ, помѣщенныя въ Вашихъ «сборникахъ» и обязанныя своимъ появленіемъ въ печати, прямо или косвенно, Вашей редакціонной и организаторской дѣятельности. Кромѣ того Вы не упускали случая собирать и хранить всякій вещественный матеріалъ по естественной исторіи мѣстнаго края, любопытный въ томъ или другомъ отношеніи, если только онъ попадалъ въ Ваши руки.

---

*) «Разумѣю профессора В. В. Докучаева и его сотрудниковъ».

Какъ ни скромна (относительно) ваша дѣятельность въ этой сферѣ, но она въ высшей степени симпатична по своей распространенности и по той любви къ дѣлу, которую Вы въ него вложили. Я думаю, поэтому, что отвѣчу желаніямъ всѣхъ, занимавшихся изслѣдованіемъ природы Нижегородскаго Поволжья и пользовавшихся Вашими трудами и Вашимъ содѣйствіемъ, если выражу Вамъ отъ лица ихъ искренній привѣтъ, поздравленіе и признательность.

Рѣчь Вл. Г. Короленко.

Господа!

Мы слышали здѣсь такъ много похвалъ добродѣтелямъ почтеннаго юбиляра, что мнѣ невольно хочется хоть немного, но, всетаки... поругать его... Поэтому, оставивъ всѣ тѣ «точки зрѣнія», съ которыхъ мы его здѣсь разсмотрѣли, я становлюсь на точку зрѣнія нижегородскаго обывателя, свидѣтеля того тридцатилѣтняго «стоянія на стражѣ», за которое мы нынѣ чествуемъ почтеннаго Александра Серафимовича. Что такое сочинитель Гацискій на взглядъ такого обывателя? Кому не приходилось слышать, что Гацискій —просто чудакъ! И это, господа, вѣрно.

Что касается исторической точности и достовѣрности, то я не особенно поручусь за нихъ въ отношеніи анекдота, который мнѣ невольно приходитъ на умъ, какъ иллюстрація къ моему отзыву о нашемъ юбилярѣ. Когда-то одна царица, проходя по саду въ весеннее благоухающее и свѣтлое утро, увидѣла на одномъ изъ кустовъ прелестный розовый бутонъ. Боясь, чтобы кто-нибудь изъ мимоходящихъ не сорвалъ его, она велѣла его караулить. Нарядили часового, какъ слѣдуетъ во всей формѣ и съ заряженнымъ мушкетомъ. И часовой сталъ около розоваго бутона на часахъ. Бутонъ распустился— расцвѣла пышная роза.

Но царица забыла и розу и часового. Роза цвѣла, благоухала, потомъ настало время ей отцвѣтать, потомъ пришла осень, по небу понеслись тучи, и вѣтеръ оборвалъ нетолько лепестки цвѣтка, но и пожелтѣвшіе листья съ деревьевъ. Никто уже не гулялъ по аллеямъ, снѣгъ мелькалъ хлопьями межъ обнаженныхъ стволовъ и черныхъ вѣтвей, а часовой въ парадной формѣ и съ мушкетомъ все стоялъ у куста. И если кому случалось идти по дѣлу мимо, то даже самые занятые люди останавливались въ удивленіи, качали головами и говорили: «экій чудакъ! И что онъ тутъ караулитъ, когда тутъ ничего нѣтъ».

Да, милостивые государи! И нижегородскому обывателю приходилось, иногда, качать головой, проходя по Студеной улицѣ, иногда за полночь, и видя огонекъ на вышкѣ нашего чудака, который тоже (чудакъ!) стоитъ себѣ на стражѣ, повидимому, совсѣмъ-таки у пустого мѣста.

Было и у насъ свѣжее, весеннее, благоухающее утро, и много бутоновъ распускалось тогда среди вертограда нашей общественности и литературы. Ясное было, бодрое, рѣзвое утро! Пора надеждъ, увлеченій, иллюзій... Одинъ изъ бутоновъ, который выглянулъ тогда на свѣтъ изъ зеленой почки, назывался идеей областности. Область, провинція, земля! Сколько надеждъ они возбуждали, сколько вызывали волненій, сколько ломалось изъ-за нихъ копій. Это теперь мы стали такъ благоразумны. Тогда же, подъ вліяніемъ весны, мы были экспансивнѣе... Что же удивительнаго, что и молодая идея искрилась и пѣнилась, какъ молодое вино, бурлила, какъ потокъ, грозившій затопить берега. Становилось даже страшно за литературу «центровъ». Господи Боже!—думалось порой. А вѣдь недурно иногда пописывали и тамъ, въ столицахъ.

Ну, потоки ничего не залили. Прошло это. Послѣ утра всегда бываетъ полдень, а послѣ весны— лѣто. А тамъ, за полднемъ и лѣтомъ—надвигаются сумерки и осень. Подули холодные вѣтры, облетѣли цвѣты, разсѣялись „иллюзіи" какъ легкіе лепесточки. Не до цвѣтовъ теперь... Здравомыслящій обыватель подумываетъ о тепломъ углѣ. Однако въ глухой и неособенно часто посѣщаемой аллейкѣ вертограда объявился таки чудакъ: онъ зарядилъ по доброй волѣ свой мушкетъ и, безъ ефрейтора и разводящаго, всталъ на часахъ у куста, гдѣ нѣкогда виднѣлся его любимый бутонъ. Нѣтъ бутона! Кругомъ непогода и вѣтеръ, а часовой стоитъ себѣ съ мушкетомъ вотъ уже многіе годы. „И что только караулитъ чудачина!" говорили дѣловые обыватели съ недоумѣніемъ. „Какъ есть одно пустое мѣсто".

И однако, эти чудаки оказываются порой правы! Кто знаетъ, можетъ быть и несовсѣмъ еще умеръ розовый бутонъ отъ холода и невзгодья. Можетъ быть и есть онъ еще гдѣ-нибудь—тутъ вотъ,

гдѣ казалось все такъ непривѣтно и пусто. Много-ли нужно бѣдному бутону. Для тѣхъ бутоновъ, о которыхъ идетъ рѣчь, достаточно иногда и одного теплаго, вѣрующаго чудаческаго сердца, чтобы сохраняться въ теченіе долгаго невзгодья.

Итакъ, господа, здоровье нашего чудака, безсмѣннаго чудака часового!

Рѣчь Д. А. Савельева.

Милостивые Государи!

Въ ряду рѣчей объ уважаемомъ юбилярѣ позвольте и мнѣ сказать нѣсколько словъ. Я намѣренъ впрочемъ, высказаться нестолько о глубокоуважаемомъ Александрѣ Серафимовичѣ, хотя рѣчь пойдетъ и о немъ, сколько по поводу его.

Недалеко еще отъ насъ то время, когда въ нашемъ обществѣ почти исключительно господствовала матеріальная сила, въ чемъ и какимъ бы образомъ она ни проявлялась. Всѣ мы, или по крайней мѣрѣ старѣйшіе изъ насъ по лѣтамъ, помнимъ, какое значеніе въ прежнее время она имѣла. Кто былъ силенъ, такъ или иначе, кто имѣлъ возможность съ помощію матеріальной силы подчинить себѣ другого, тотъ и былъ правъ. Проявленіе этой грубой силы мы видимъ въ крѣпостномъ правѣ, въ значеніи богатства и знатности. Помѣщикъ при помощи своихъ крѣпостныхъ людей, богатый своими деньгами, знатный своими связями могли всегда воспользоваться значеніемъ и вліяніемъ людей, за которыми стоитъ матеріальная сила. Это время еще не совсѣмъ миновало, но теперь по крайней мѣрѣ матеріальная сила значительно ослабла, она далеко не имѣетъ того значенія, какъ прежде, а главное, получила преимущественное значеніе другая сила—сила ума, знанія, таланта, сила интеллигенціи. Александръ Серафимовичъ явился піонеромъ и представителемъ въ нашемъ краѣ этой силы. Здѣсь кто-то сказалъ про него, что, не обладая ни знатностію рода, ни богатствомъ, ни связями, онъ сумѣлъ занять не только выдающееся положеніе въ обществѣ, но до извѣстной степени проявилъ и свое вліяніе па дѣла этого общества. Что же значитъ это? Какъ могъ онъ создать себѣ подобное положеніе, какъ не съ помощію только своего ума, трудолюбія и знанія.

Здѣсь, въ числѣ обѣдающихъ вмѣстѣ съ уважаемымъ Александромъ Серафимовичемъ, есть нѣсколько личностей, которыя, увы, приближаются къ тому времени, когда ихъ будутъ называть стариками. Они, эти люди, хорошо помнятъ то время, когда надъ русской землей засіяла новая заря. Они помнятъ тѣ годы, которые мы называемъ шестидесятыми годами, когда на аренѣ нашей повседневной жизни появилось небывалое дотолѣ значеніе интеллигенціи. Съ какимъ трепетомъ развертывали тогда новый № журнала, газеты или сатирическаго листка, вродѣ „Искры“, гдѣ Александръ Серафимовичъ напечаталъ свое первое литературное произведеніе! Печатнаго слова стали бояться всѣ, кому были дороги интересы мрака и невѣжества. Печать пріобрѣла небывалое до того времени значеніе. Она стала силой, и потому именно, что въ ней проявилась сила знанія, ума и таланта. Въ нашемъ краѣ въ то время главнымъ представителемъ этой силы былъ Александръ Серафимовичъ. Онъ былъ почти одинъ. Мало того, онъ, по выраженію одного изъ присутствующихъ, жилъ анахоретомъ. Но и затворившись въ четырехъ стѣнахъ съ своими книгами, онъ подчинялъ значенію и силѣ знанія все, что такъ или иначе попадало въ кругъ его вліянія. Съ тѣхъ поръ наше общество ушло впередъ, – народилось много новыхъ людей, представителей той же силы прогресса, представителей интеллигенціи! Но и до сего времени за Александромъ Серафимовичемъ все же остается слава перваго піонера, пріобрѣвшая въ шестидесятыхъ годахъ небывалое дотолѣ значеніе силы ума и знанія.

Предлагаю тостъ за процвѣтаніе и усиливающееся значеніе этой новой общественной силы!

Списокъ литературныхъ трудовъ А. С. Гацискаго.

1859.

„Искра“. №№

1. „Изъ записокъ офицера“ . . . . 25 и 27.
2. „Музыкальныя воспоминанія“ . . . . 37.
3. „На именинахъ“ . . . . 40.

1862.

„Нижегородскія Губернскія Вѣдомости“.

4. Предварительная замѣтка . . . . 19.
5. Айръ-Ольдриджъ въ Нижнемъ . . . . 28.
6. Обѣдъ казанскихъ студентовъ 5-го ноября . . . . 46.
7. Спектакль 3 декабря . . . . 49.
8. Нѣсколько словъ по поводу изданія „Губернскихъ Вѣдомостей“ 50.
9. Водоразлитіе . . . . 18.
10. Свѣдѣнія о ходѣ дѣла по введенію уставныхъ грамотъ . 30, 31, 33, 35, 37, 40, 42, 45, 47, 50 и 51.
11. —22-е октября . . . . 43.
12. Пріѣздъ министра внутреннихъ дѣлъ . . . . . 44.
13. Циркуляръ волостнымъ правленіямъ . . . . . 44.

„Нижегородскій Ярмарочный Справочный Листокъ“.

14. Нѣсколько словъ о райкахъ . . . . 40.

1863.

„Нижегородскія Губернскія Вѣдомости“.

15. О волжскомъ статистическомъ съѣздѣ . . . . . . 44.
16. Объ изданіи „Губернскихъ Вѣдомостей“ . . . . . 46.
17. Свѣдѣнія о ходѣ дѣла по введенію уставныхъ грамотъ. 1, 3, 5 и 7.
18. Замѣтка отъ редакціи . . . . 3.
19. Замѣтка . . . . 7.
20. Замѣтка о городскомъ депутатскомъ собраніи . . . 9.
21. Замѣтка о взаимномъ страхованіи . . . . . . 14.

«Нижегородскій Ярмарочный Справочный Листокъ».

1864.

„Нижегородскія Губернскія Вѣдомости“.

„Нижегородскій Ярмарочный Справочный Листокъ“.

„Заноза“.

1865.

„Нижегородскія Губернскія Вѣдомости“.

„Нижегородскій Ярмарочный Справочный Листокъ“.

93. Мнѣніе рижскаго биржевого комитета . . . . . . 23.
94. Отвѣтъ „Русскимъ Вѣдомостямъ“ . . . . 24.
95. Мнѣніе рижскаго мануфактурнаго комитета . . . . 27.
96. Мнѣніе одесскаго биржевого комитета . . . . . . 29.
97. Мнѣніе ростовскаго (на Дону) биржевого комитета . . 31.
98. По поводу таксы извозчикамъ . . . . 35.
99. Художественная выставка . . . . 30.
100. Примѣчаніе къ статьѣ „Кризисъ кяхтинской торговли . 19 и 20.
101. Примѣчаніе къ возраженію А. П. Шипова на предыдущую статью . . . . 24.

„Памятная книжка Нижегородской губерніи“ на 1865 годъ.

102. Опыты уголовной статистики Нижегородской губерніи. —

„С.-Петербургскія Вѣдомости“.

103. О сберегательной кассѣ . . . . 276.
104. О земскомъ дѣлѣ въ Нижегородской губерніи . . . 294.

1866.

„Нижегородскія Губернскія Вѣдомости“.

105. Два слова отъ скуки . . . . 47.
106. „Горе отъ ума“ въ Нижнемъ . . . . 48.
107. Гдѣ же нѣтъ „Паутины“? . . . . 49.
108. „Первое декабря“ въ Нижнемъ . . . . 49.

„Нижегородскій Ярмарочный Справочный Листокъ“.

109. Американское посольство Фокса . . . . 31 и 32.

„Извѣстія Географическаго Общества“.

110. Свѣдѣнія о дѣятельности Нижегородскаго статистическаго комитета . . . . 7.

1867.

„Нижегородскія Губернскія Вѣдомости“.

111. „Вѣдь нынче праздникъ, и вѣрно маскарадъ“ . . . . 2.
112. Господинъ Дьяченко и синьоръ Верди . . . . . . 3.
113. Музыкальная жизнь въ Нижнемъ . . . . 5.
114. „А дали бракъ литературный“! . . . . 9.
115. „Еще одно, послѣднее сказанье“ . . . . 10.
116. Нижегородскій театръ (1798—1867 г.) . . . 11, 12, 13 и т. д. *).
117. Наши театральныя новости . . . . 20.
118. Радости и горести нашей сцены . . . . 23.
119. «Попытка—не пытка, спросъ—не бѣда». . . . . . 43.

*) Вышло потомъ отдѣльной книжкой.

„Нижегородскій Ярмарочный Справочный Листокъ“.

120. Не о торговлѣ (вступительная статья) . . . . . . 1.
121. Ib. (фантастическое путешествіе . . . . 2.
122. Ib. („Ришелье“) . . . . 6.
123. Ib. („Смерть Іоанна Грознаго“) . . . . 8, 9 и 10.
124. Ib. (Погодинъ, Пановскій, Безобразовъ и друг.) . . . 12.
125. Ib. (статистическія операціи) . . . . 13.
126. Ib. („Le supplice d' une femme“) . . . . 14.
127. Ib. (Циркъ Гинне и т. п.) . . . . 15.
128. Ib. (Александровскій паркъ, Кузнецовъ и т. д.) . . . . 18.
129. Ib. (заключительная статья) . . . . 20.
130. Пребываніе на ярмаркѣ Фаррагута. . . . . . . 10.

„Нижегородскій сборникъ“, томъ I.

131. Предисловіе.
132. Матеріалы для уголовной статистики Нижегородской губерніи.
133. Приговариванье поводильщика.
134. Бракъ народнаго творчества.
135. Ярмарочные райки.

„Извѣстія Географическаго Общества“.

136. Замѣтка о книгѣ Сухомлина . . . . 2.

„Московскія Вѣдомости“.

137. О нижегородско-московской желѣзной дорогѣ и о водоразлитіи 100 *).

1868.

„Нижегородскія Губернскія Вѣдомости“.

138. Что дѣлается въ нашей театральной храминѣ . . . . 2 и 3.
139. П. Д. Боборыкину . . . . 8.
140. Отвѣтъ г. Прогрессисту . . . . 8.
141. По поводу корреспонденціи о провалѣ . . . . . 7.
142. О публичныхъ чтеніяхъ въ Нижнемъ . . . . . . 12.
143. Кулибинскій юбилей . . . . 28.
144. Общее собраніе общества „Бережливость“ . . . . . 47.
145. Два слова о нынѣшнемъ Островскомъ . . . . . . 51.

„Нижегородскій Ярмарочный Справочный Листокъ“.

146. Театральная лѣтопись, I . . . . 6.
147. Ib. — — II . . . . 18.

„Извѣстія Географическаго Общества“.

148. Замѣтка о дѣятельности Нижегородскаго статистическаго комитета . . . . 4.
149. Нѣсколько словъ о населеніи Нижегородской губерніи . . 8.

*) Частное письмо П. И. Мельникову, написанное по возвращеніи изъ Москвы, съ этнографической выставки, напечатанное имъ въ „Моск. Вѣдом.“ въ формѣ корр.

„Москва“.

1869.

„Нижегородскія Губернскія Вѣдомости“.

„Нижегородскій сборникъ“, томъ II.

„Московскія Вѣдомости“.

„Судебный Вѣстникъ“.

1870.

„Судебный Вѣстникъ“.

1871.

„Судебный Вѣстникъ".

212. Процессъ Горбунова . . . . 1, 2, 4, 5, 6 и 7.

„С.-Петербургскія Вѣдомости".

213. Корреспонденція отъ 22 марта (павловскія дѣла) . . . 85.
214. — — 1 апрѣля . . . . 106.
215. — — 9 мая . . . . 137.
216. — — 12 мая . . . . 143.
217. — — 28 мая . . . . 150.
218. — изъ Городца . . . . 172.
219. — отъ 30 іюня . . . . 185.
220. — — 4 іюля . . . . 191.
221. — — 22 іюля . . . . 206.
222. — — 3 августа . . . . 216.
223. — — 2 сентября . . . . 249.
224. — съ Выксы . . . . 260.
225. — отъ 6 октября . . . . 283.
226. О геологическихъ работахъ по Нижегородской губерніи . . 284.
227. Корреспонденція отъ 17 октября . . . . 297.
228. — — 24 октября . . . . 300.
229. — — 16 ноября . . . . 323.
230. Выходъ въ отставку 7 профессоровъ казанскаго университета . 323.

«Нижегородскій сборникъ», томъ IV.

231. Предисловіе.
232. Очерки промышленной дѣятельности Нижегородской губерніи.
233. Письмо П. И. Мельникову о населеніи Нижегородской губерніи.
234. Болдино и Кочкуровъ.

«Казанскій Биржевой Листокъ».

235. Корреспонденція съ Оки и изъ Безводнаго . . . . . 12.
236. — изъ Костромы . . . . 59.
237. — изъ Балахны . . . . 63.

„Извѣстія Географическаго Общества".

238. Письмо о поѣздкѣ по Нижегородской губерніи . . . . 8.

1872.

„Нижегородскій Листокъ."

239. Историческая записка объ учрежденіи Кулибинскаго ремесленнаго училища . . . . 32.

„Камско-Волжская Газета".

240. Корреспонденція отъ 13 марта (съѣздъ врачей) . . . 23.
241. — (о постройкѣ желѣзной дороги Нижній—Казань). 30.

„Извѣстія Географическаго Общества".

„Н е д ѣ л я".

‚Сборникъ въ память перваго Статистическаго Съѣзда".

1873.

„Камско-Волжская Газета".

„Недѣля“.

1874.

„Недѣля“.

„Современность“.

„Извѣстія Географическаго Общества“.

1875.

„Нижегородскій сборникъ“, томъ V.

„Сборникъ въ память перваго русскаго статистическаго съѣзда“, выпускъ II.

---

*) Эти 9 писемъ были впослѣдствіи изданы отдѣльной брошюрой подъ заглавіемъ «Школьное дѣло въ Нижнемъ-Новгородѣ». 1873. Казань.

**) Переработка статей «Изъ Нижегородскаго Поволжья», напечатанныхъ въ «Камско-Волжской Газетѣ» за 1872 годъ (№№ 52, 56, 58, 60, 63 и 66) и за 1873 г. (№№ 19, 27, 40, 50, 60 и 73).

300. **„Нижегородка“** 1875 года.

„Нижегородскія Губернскія Вѣдомости“.

301. Шестнадцатое марта въ нижегородскомъ соединенномъ клубѣ 17.

„Н е д ѣ л я“.

302 „Происшествіе въ нижегородскомъ обществѣ грамотности“ . 17
303. „Сельская учительница“. (Школьный очеркъ) . . . . 52.

„Нижегородскій Биржевой Листокъ“.

304. Русскіе хоры на ярмаркѣ . . . . 18.
305. Японскіе гости въ Нижнемъ-Новгородѣ . . . . . 22.
306. Нужны-ли въ Россіи кустари? . . . . 26.

„С и б и р ь“.

307. Къ вопросамъ дня Сибири . . . . 22.

1876.

„Н е д ѣ л я“.

308. Эпизодъ изъ 60-хъ годовъ . . . . 1.
309. Д. Л. Мордовцеву . . . . 15.
310. О нижегородскомъ музеѣ . . . . 27.

„П е р в ы й Ш а г ъ“.

311. Изъ путевыхъ замѣтокъ по Нижегородскому Поволжью, выпускъ I.
312. **„Нижегородка“**, 1876 г.

„С и б и р ь“.

313. Изъ-за камня, I . . . . 8 и 9.
314. Ib. — II . . . . 49.

„Справочный Листокъ моршанско-сызранской желѣзной дороги“.

315. Окликъ молодыхъ за Волгой . . . . 157.

„Тифлисскій Вѣстникъ“.

316. „За газетами и журналами“, I . . . . 225.
317. Ib. — — II . . . . 247.
318. Ib. — — III . . . . 263.
319. Ib. — — IV . . . . 280.
320. „Смерть провинціи или нѣтъ?“

1877.

„Тифлисскій Вѣстникъ“.

321. „За газетами и журналами“, V . . . . 6.
322. Ib. — — VI . . . . 24.
323. Ib — — VII . . . . 48.
324. Ib. — — VIII . . . . 66.
325. Ib. — — IX . . . . 88.
326. Ib. — — X . . . . 109.

„Н а ш ъ   В ѣ к ъ“.

„Извѣстія Географическаго Общества“.

„Вѣстникъ Ярославскаго Земства“.

„Древняя и Новая Россія“.

„С и б и р ь“.

„Н е д ѣ л я“.

„Нижегородскій сборникъ“, томъ VI.

„В о л г а“.

1878.

„Казанскій литературный сборникъ“.

„Московскія Вѣдомости“.

1878—1879—1880—1881 1882.

1882.

1883

„Волжскій Вѣстникъ“.

1884.

„Нижегородскія Губернскія Вѣдомости".

Труды IV археологическаго съѣзда, бывшаго въ Казани.

1885.

„Волжскій Вѣстникъ".

„Нижегородскія Губернскія Вѣдомости".

„Древности".

1886.

„Нижегородскія Губернскія Вѣдомости".

368. Состоянiе счетовъ общества распространенiя грамотности . 17, 24, 28, 32, 37, 39 и 46.
369. Отчетъ того-же общества . . . . 20.
370. Записки П. Д. Дружкина . . . . . 32, 33, 35, 36 и 38.
371. Нижегородскiе татары—татары-ли? . . . . . 39, 41 и 42.
372. Адская газета . . . . 45 и 46.
— „Люди Нижегородскаго поволжья" . . . . . . 23 и 24.

„Новости".

373. Письмо въ редакцiю . . . . 84.

„Волжскiй Вѣстникъ".

374. Письмо въ редакцiю . . . . 236.

1887.

„Нижегородскiй сборникъ", томъ VII.

375. Предисловiе.

376. Историческая записка объ учрежденiи въ Нижнемъ-Новгородѣ губернской архивной комиссiи.

«Нижегородскiй Биржевой Листокъ».

377. Письмо въ редакцiю . . . . 277.

1888.

«Казанскiй Биржевой Листокъ».

378. Письмо въ редакцiю . . . . 1.

„Нижегородскiя Губернскiя Вѣдомости".

379. Письмо въ редакцiю . . . . 3.

„Нижегородскiй Биржевой Листокъ".

380. Письмо въ редакцiю . . . . 128.

1889.

„Нижегородскiй Биржевой Листокъ".

381. О мѣстѣ битвы на Сити . . . . 53.
382. Историческая справка о 1189—1238 годахъ . . . . . 54.
383. Письмо къ редактору . . . . 54.
384. Гимнъ вел. кн. Георгiю Всеволодовичу . . . . . 55.
385. Письмо въ редакцiю . . . . 223.
386. Тоже . . . . 226.
387. Тоже . . . . 258.

„Волжскiй Вѣстникъ".

388. Tritum pertritum . . . . 159.

„Нижегородскій сборникъ“, томъ VIII.

389. Предисловіе.

„Русскія Вѣдомости“.

„Дѣйствія нижегородской архивной комиссіи“.

1890.

„Нижегородскій сборникъ“, томъ IX.

394. Предисловіе.
395. Предисловія къ отдѣльнымъ статьямъ «Сказаній путешественниковъ о Нижегородскомъ краѣ».

„Нижегородскій Биржевой Листокъ“.

„Нижегородскій сборникъ“, томъ X.

397. Предисловіе (отъ редакціи).
398. На Сундовикѣ. Въ Жарахъ „На Сити, на рѣцѣ“. (Перепечатано въ „Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ за 1890 г. №№ 50 и 51; за 1891 г. №№: 1—12, 14—15, 20—21, 27, 29—32, 35, 39, 45—46 и за 1892 г. №№: 2—3, 5, 7—8, 14, 16, 23, 26, 28, 31, 33, 37, 42, 48 и 52).

«Нижегородскій Биржевой Листокъ».

1891 *).

„Дѣйствія нижегородской архивной комиссіи“, выпускъ 10-й.

---

*) Указатель статей А. С. Гацискаго, напечатанныхъ послѣ 1891 года, не былъ имъ провѣренъ, такъ какъ составленъ послѣ смерти его, и потому за это время возможны пропуски мелкихъ статей и замѣтокъ.

1892.

Газета „Волгарь“.

403. Письмо А. М. Меморскому (по поводу городского холернаго барака) . . . . 184.

1894.

404. Чествованіе памяти великаго князя Георгія Всеволодовича. Отдѣльная брошюра (посмертное изданіе).

1897.

Сборникъ въ память А. С. Гацискаго.

405. Краткая некрологія нѣкоего благонамѣреннаго литератора старца Александра. (Посмертное изданіе).
406. Въ вотчинѣ князя Пожарскаго. (Посмертное изданіе).

УКАЗАТЕЛЬ

рецензій на статьи и изданія А. С. Гацискаго.

(Составленъ А. С. Гацискимъ по 26 апрѣля 1891 г.).

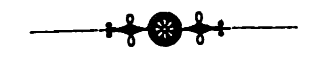
1. „Спб. Вѣдомости" 1867, №№ 232 и 243; 1868, № 146; 1869, № 245; 1870, №№ 54, 268 и 353; 1873, № 71; 1876, № 156
2. „Москва" 1867, № 188.
3. „Современная Лѣтопись" 1867, № 47.
4. „Дѣятельность" 1868, № 179.
5. „Дѣло" 1870, № 7; 1871, № 7; 1873, № 6; 1875, № 9.
6. „Новое Время" 1870, № 226; 1880, № 1574; 1887, № 3905; 1889, №№ 4614 и 4622; 1891, №№ 5438 и 5575.
7. „Голосъ" 1870, № 318; 1875, № 154; 1876, № 155.
8. „Русская Старина" 1872; 1875, №№ 5 и 8; 1891, № 3.
9. „Недѣля" 1873, № 32; 1876, № 16; 1877, № 42.
10. „Московскія Вѣдомости" 1875, № 96; 1887, № 75.
11. „Русскія Вѣдомости" 1875, № 2; 1879, № 215; 1887, №№ 19 и 283; 1888, № 1; 1889, № 307; 1891, № 115.
12. „Кіевскій Телеграфъ" 1875, №№ 66, 67 и 73.
13. „Биржевыя Вѣдомости" 1875, № 106; 1876, № 159.
14. „Сынъ Отечества" 1875, № 118. *Отрицательная рецензія.*
15. „Казанскій Биржевой Листокъ" 1875, № 37; 1876, № 58; 1887, № 225, *отрицательная*; 1887, № 231; 1889, №№ 196, 197 и 198; 1891, № 203.
16. „Саратовскій Справ. Листокъ" 1875, № 106; 1876, № 121.
17. „Казанскія Губ. Вѣдомости" 1875, № 51.
18. „Рыбинскій Биржевой Листокъ" 1875, № 39.
19. „Знаніе" 1876, № 2.
20. „Донская Газета" 1876, № 44; 1877, № 86.
21. „Сибирь" 1876, № 29.
22. „Астраханскій Справ. Листокъ" 1876, № 72.
23. „Свѣтъ" 1877, № 2.
24. „Тифлисскій Вѣстникъ" 1877, № 238.
25. „Справочный Листокъ района моршанско-сызр. жел. дороги" 1877, № 265.
26. „Указатель по дѣламъ печати" 1877, № 22/24 и № 16/17.
27. „Сельское чтеніе" 1878, № 2 (*отрицательная*).
28. „Древняя и Новая Россія" 1878, № 2.

29. „Новости“ 1884, № 252; 1887, №№ 60 и 289.
30. „Волжскій Вѣстникъ“ 1884, № 50; 1885, № 223; 1886, № 22; 1
№№ 61, 146, 269 и 282; 1889, №№ 39 и
1890, №№ 213 и 219.
31. „Историческій Вѣстникъ“ 1884, № 10; 1885, № 2; 1887, № 6 и 1891,
32. „Русская Мысль“ 1886, № 1; 1887, № 5.
33. „Нижег. Губ. Вѣдомости“ 1887, №№ 4, 6, 23 и 43; 1889, №№ 28
34. „Новости и Биржевая Газета“ 1887, №№ 243, 249 и 289.
35. „Нижег. Вѣстникъ Пароходства и Промышленности“ 1887, № 10.
36. „Правит. Вѣстникъ“ 1887, №№ 250 и 259.
37. „Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія 1887, №№ 7 и 12.
38. „Сѣверный Вѣстникъ“ 1887, № 2.
39. „Библіографія“ 1887, № 2.
40. „Восточное Обозрѣніе“ 1887, № 13/14.
41. „Нижегор. Биржевой Листокъ“ 1887, №№ 10, 11 и 226; 1889,
1890, №№ 139 и 297.
42. „Вѣстникъ Археологіи и Исторіи“ 1888, № 7.
43. „Саратовскій Дневникъ“ 1888, № 43.
44. „Русское Богатство“ 1889.
45. „Юридическій Вѣстникъ“ 1890, № 3.
46. „Nene Dörptsche Zeitung“ 1890, № 156; 1891, № 85.
47. „Вѣстникъ Европы“ 1890, № 8.
48. „Этнографическое Обозрѣніе“ 1890, № 3.
49. „Казанскія Вѣсти“ 1891, №№ 66 и 115.

Почетныя ссылки:

1. „Древности“, изд. Моск. Арх. О-вомъ.
2. „Волга“, Рагозина.
3. „По Волгѣ“, Немировича-Данченко.
4. „По Россіи“, Молчанова.
5. „Путеводитель по Волгѣ“, Монастырскаго.
6. „Наши знакомые“, Михневича.
7. — — Мартьянова.
8. „Земля и Люди“, Реклю, т. V.
9. „Referate“, Stida.
10. „Герберштейнъ“, Замысловскаго и друг.

Въ 49 изданіяхъ 118 рецензій; изъ нихъ 3 отрицательныхъ серьезные отзывы принадлежатъ Н. В. Шелгунову („Дѣло“ 18 1873); ему же принадлежатъ и послѣдніе серьезные („Русска 1886, 1887). Съ 1867 года по 1891 не было рецензій въ слѣдующи 1869, 1872, 1874, 1881, 1882 и 1883.

1886, №
1889, №

7, № 6

; 1889. №
и 259.
и 1887.

12.

и 226; №
97.

85.

рицательн
(„Дѣло“
ые („Русс
ъ слѣдую

